

The illustration depicts a vampire with long, dark, wavy hair and pale skin, holding a single red rose. He is looking down at a woman with long, flowing red hair who is leaning her head against his cheek. The background is a deep red with a decorative, ornate border. The overall mood is romantic and gothic.

BALKRI

НЕВЕСТА ДЛЯ ЗЛОГО ДУХА

Кристина Бейл

18+

Кристина Бейл

Невеста для злого духа

<https://litres.ru/73864273>

SelfPub; 2026

Аннотация

День, неделя, месяц... сколько времени нужно, чтобы полюбить того, кто давно уже мёртв?

Викторианская Англия. После побега семьи из-за долгов юная Луиза оказывается в маленьком городке и заселяется в старый дом.

С первых дней жилище ведёт себя странно: в коридорах мелькают силуэты, часы идут в обратном направлении, а на каждой двери установлены массивные засовы. Девушка быстро понимает — дом никогда не пустовал.

И однажды ночью она узнаёт правду: в этих стенах уже более пятидесяти лет обитает призрак молодого мужчины — Лестера. Он замкнут, враждебен и явно не рад новому соседству, однако даже мёртвая душа не лишена сострадания. С каждым днём призрак всё яснее понимает: отец Луизы намерен уничтожить её ради собственной выгоды. И тогда Лестер, уже давно не принадлежащий миру живых, решает вмешаться.

Пусть он лишь тень в стенах старого дома, но он готов на всё, чтобы спасти жизнь той, ради кого стоит переступить

границу между мирами и не позволить трагедии прошлого вновь повториться.

Содержание

Глава первая: прощай, Джимми	5
Глава вторая: и тьма узнала ее имя	30
Глава третья: манерная нечисть	69
Глава четвёртая: живым вход воспрещён	109
Глава пятая: сойти с ума или приспособиться	133
Глава шестая: не дразни изголодавшегося зверя	145
Глава седьмая: и пусть первым, что мы разделим, станет стыд.	168
Глава восьмая: слышишь, как с меня спадают цепи?	189
Глава девятая: материнский инстинкт	203
Глава десятая: и мышь поймала кота	234
Глава одиннадцатая: о том, как смеются призраки	262
Глава двенадцатая: несчастные создания	278
Глава тринадцатая: и даже поражения бывают красивыми	299
Глава четырнадцатая: отдай мне то, что тебе дорого	312
Конец ознакомительного фрагмента.	330

Кристина Бейл

Невеста для злого духа

Глава первая: прощай, Джимми

Дорогие читатели,

Данное произведение является художественным вымыслом.

Все персонажи, события и места либо вымышлены, либо используются в художественных целях.

Книга содержит сцены психологического напряжения, упоминания смерти, убийств, насилия, мистики, проституции и откровенных сцен, а также темы, которые могут оказаться тяжёлыми для чувствительных читателей.

Прощай, Джимми

Шел 1919 год. На окраину Брайтона уже опускался вечер, и крохотный мотылек летел по тихой английской улице, пытаясь найти спасение от надвигающегося ночного холода. Его внимание привлек тёплый свет одного из домов. Под-

летев ближе, он опустил на раскрытые ставни. Внутри находилась юная девушка. Она сидела в огромном старинном кресле, увлеченная романом. Ее босые ступни едва касались пола. Рядом с ней, расположившись на вышитом диванчике ручной работы, наслаждалась джазом дама преклонного возраста.

— И всё-таки эта композиция — настоящая роскошь. Согласна, милая? — спросила дама, прикрыв глаза от удовольствия.

— Да, бабушка, — тихо ответила девушка, не отрывая взгляда от книги. — Но давай обсудим это позже. Я читаю.

Женщина лишь улыбнулась.

— Разумеется, дорогая.

Она не без труда поднялась и медленно подошла к проигрывателю, вполголоса прошептав:

— Подумать только... будто ещё вчера на этом же месте сидела твоя мать. Такая же увлечённая, как и ты...

Она меланхолично вздохнула.

— Время летит... а истории всё равно повторяются, не так ли?

Девушка с лёгким раздражением всё же оторвалась от книги.

— О нет! Только не начинай грустить, бабуля. Я знаю, что ты переживаешь из-за моего отъезда.

Женщина тут же оживилась, спеша развеять её опасения.

— Ох, нет, я счастлива за тебя, Лорейн! Образование —

свет. И тебе очень повезло, что ты можешь его получить.

Девушка смягчилась. Она осторожно отложила книгу и подошла ближе, чтобы обняться.

— Я стану таким же замечательным врачом, как и ты. Обещаю.

Она мягко прижалась к родному человеку. Лицо женщины мгновенно расплылось в тёплой улыбке.

— Не сомневаюсь, дорогая. А книга, которую ты читаешь... она о медицине?

Лорейн отрицательно покачала головой.

— Нет, это просто рассказы о призраках.

Девушка смущённо улыбнулась.

— Ты не одобряешь чтение такой ерунды, знаю, но...

Она вдруг прервалась, заметив, что руки старушки слегка дрогнули.

— Бабуля, брось. Это ведь не значит, что я верю в эти рассказы!

Лорейн казалось, что эта фраза должна успокоить родственницу, однако она вызвала совсем противоположный эффект. В глазах женщины поселилась неведомая доселе тоска, а голос её стал тише.

— Рассказы?..

Её взгляд окончательно утратил всякую лёгкость.

— Рассказы... — повторила она и приложила к голове дрожащую ладонь.

Девушка не на шутку испугалась такой реакции: её бабуш-

ка всегда была женщиной сильной воли и крепкого рассудка, и то, что она видела сейчас, совсем на неё не походило...

— Нет, милая моя Лорейн, неупокоенные души — это совсем не рассказы! Женщина вдруг ухватила девушку за плечи, будто силясь донести до неё смысл сказанного, после чего резко отстранилась. — Дай мне минутку.

Она закрыла лицо руками, пытаясь унять свои эмоции, но ничего не выходило. Послышался тихий всхлип, на который внучка отреагировала моментально.

— Да в чём же дело?! Ты меня пугаешь! — Лорейн поспешила усадить женщину в кресло.

Та подняла на неё болезненный взгляд.

— Прости, милая...

Будто подчёркивая напряжённость момента, проигрыва- тель внезапно остановился, и в комнате повисло молчание. Было видно, что женщина постепенно справляется с одолев- шими её чувствами. Она резко выдохнула и, кажется, немно- го успокоилась.

— Всегда относись с уважением к ушедшим, Лорейн. Ведь если бы не одна из таких душ...

Голос её слегка дрогнул.

— ...то нас бы здесь не было.

Старческая ладонь погладила ничего не понимающую де- вушку по волосам.

— О чём ты говоришь? — спросила Лорейн.

Она испытующе смотрела на бабушку, а та в свою очередь

молчала, будто раздумывая — рассказать свою историю или нет. Через пару мгновений женщина поднялась и уже спокойно направилась к проигрывателю.

— Сколько же времени прошло... Я тогда была едва ли старше тебя.

Пластинка сменилась, и комнату снова наполнила музыка.

— Всё началось с того момента, как мой отец, страдавший азартной зависимостью, проиграл всё наше состояние, включая дом матери, в котором прошло моё детство, — женщина постепенно погружалась в воспоминания.

— Матушка, когда ещё была здорова, конечно, пыталась спасти ситуацию, но в те времена женщина не имела даже малейших прав. И вот одним осенним утром, собрав вещи, мы готовились к вынужденному и срочному отъезду...

1853 год

Англия. Ливерпуль.

Громкие обсуждения предстоящего переезда, доносившиеся с первого этажа, заставили юную девушку распахнуть

глаза. На ночь слуги оставили её окно открытым, и теперь от любого движения промозглый осенний холод забирался под одеяло, но она лежала не шевелясь, ведь её мысли были только об одном.

— Вот и всё... мой последний день в родном доме.

Ещё сонные глаза вдруг наполнились слезами, которые она так старательно обещала себе не проливать сегодня.

— Хватит! Нужно вставать, не то Тильда поднимет страшный шум.

Стоило только подумать, как в коридоре послышались тяжёлые шаги, и в комнату по-хозяйски вошла дородная женщина.

— Луиза, ну поднимайся же скорее! Время сборов на исходе, а ты ещё в перинах нежишься!

Девушка постаралась спрятать слёзы и, вяло улыбнувшись, поднялась.

— Ох, Тильда, думаю, иногда ты забываешь, что являешься служанкой...

Эти слова не могли задеть женщину. Та знала, как тепло на самом деле к ней относится девочка, которую она воспитывает едва ли не с рождения.

— Вставай и не пререкайся, Бога ради!

Нехотя выбравшись из-под одеяла, Луиза направилась закрывать окно, попутно бросив:

— Скажи Кларе, что я готова к сборам.

Захлопнув источник холода, она обернулась к непривыч-

но притихшей Тильде, которая многозначительно опустила свой взгляд в пол. Где-то в глубине сознания Луиза уже всё поняла, однако спросить всё же решилась:

— Все слуги покинули дом, верно?

В ответ последовал короткий кивок и тихое подтверждение:

— Ещё до рассвета.

После этих слов женщина спешно удалилась, оставив девушке всё то, что та самостоятельно делать не привыкла. Однако одним из главных своих качеств Луиза считала умение приспособливаться, а потому, тяжело вздохнув, она принялась сама расчесывать копну длинных вьющихся волос.

Конечно, Клара делала это в разы аккуратнее и быстрее, но теперь это было неважно — она ушла. Ушла, как и все остальные. В доме больше не осталось ни горничных, ни кухарок, ни даже гувернантки.

Но осталась Тильда. Дорогая и любимая Тильда.

Да, она была служанкой, однако со временем она стала родной для их семьи. Особенно после того, как изъявила желание остаться, несмотря на то, что отец больше не мог платить ей жалование. Для Луизы такая преданность значила очень много, пусть она и не до конца понимала её мотивы.

Корсет, юбки, платье, обувь — всё это заняло больше времени, чем обычно. Каждая деталь будто нарочно не хотела поддаваться. Но когда сборы всё же были окончены, Луиза с тяжёлой ясностью поняла: пришло время уходить.

Она медленно оглядела свою комнату.

— Здесь прошло всё моё детство... Эти стены были частью меня... а теперь они мне не принадлежат.

Девушка решила, что должна сделать это быстро, чтобы не позволить эмоциям одолеть её.

— Достаточно, Луиза Бартвелл. Вдохни и выдохни!

Злобно смахивая слёзы, она быстро и, не оглядываясь, направилась вперёд. Каблуки звонко стучали по дереву, когда она рывком распахнула дверь и вышла прочь, покинув свою комнату навсегда.

Спустившись вниз по массивным ступеням, где ей было известно расположение каждого выступающего гвоздя, она увидела, что вещи семьи — а скорее то небольшое, что ей ещё принадлежало — уже были подготовлены к перевозке. Тильда раздавала указания носильщикам и что-то негромко причитала себе под нос. Девушка старалась держаться непринуждённо, а потому спросила первое, что пришло в голову:

— Мама в добром здравии сегодня?

Женщина посмотрела на неё с лёгким недоумением. Возможно, виной тому был далеко неидеальный внешний вид, собранный в спешке и неумело, а возможно — сам вопрос, слишком наивный и неуместный для состояния глубоко больной женщины. Однако Тильда всё же ответила:

— Дорогая, последний раз в добром здравии она была ещё задолго до твоего рождения. Но мы подготовили для неё всё, чтобы облегчить поездку, если ты об этом. Не тревожься.

Луиза одобрительно кивнула.

Клаудия Бартвелл страдала редким недугом — аменцией, которая годами постепенно поглощала её разум, съедая ежедневно по кусочку. Честно говоря, Луиза никогда не видела её бодрой и полной сил. Женщина родила уже в довольно почтенном возрасте, и многие связывали слабость её здоровья с появлением на свет маленькой девочки.

— Нет, Тильда! Что ты делаешь?! — завопила Луиза.

Причиной стал выброшенный в дальний угол Джимми — игрушечный зверёк, с которым девочка спала до двенадцати лет. Она тут же бросилась за любимцем, но натруженная рука служанки ловко ухватила её за платье.

— Для него не будет места, Луиза! Оставь!

Девушка всплеснула руками.

— Да о чём ты? Он же крохотный!

И в ту же секунду взгляд Тильды, полный искреннего сочувствия, донёс до неё истину: речь шла вовсе не о багаже... Ему больше не будет места в её жизни. Детство останется здесь. Вместе с Джимми.

Не выдержав происходящего, Луиза вывернулась из рук служанки и бросилась в гостиную. Заперев за собой резные двери и усевшись прямо на пол, она хотела лишь одного — побыть немного в тишине. Однако этого не случилось. Выше, прямо над гостиной, находился кабинет её отца, и оттуда до девушки доносились характерные звуки: бьющееся стекло, швыряемые в стену вещи, стремительные шаги.

— Он в гневе... — шепнула Луиза сама себе.

Она тут же поднялась, решив уйти: ей совсем не хотелось попасться отцу под горячую руку.

Спустя несколько минут холодный осенний ветер, гулявший у въезда в родовое поместье, понемногу умирил её эмоции. Захотелось поскорее забраться в карету и хоть немного согреться. Прошло ещё немного времени, прежде чем транспорт наконец прибыл. Носильщики сновали туда-сюда: одни укладывали багаж, другие помогали устроиться матери Луизы. Женщина не могла ходить самостоятельно, однако истощённое болезнью тело весило совсем немного, поэтому её усадили в карету всего за несколько минут. Вскоре вдалеке показались знакомые фигуры. Луиза, не желая лишний раз встречаться с отцом, как можно быстрее поднялась в карету и устроилась внутри.

— Ты убедилась, что никто не знает? — прозвучал сухой голос Джозефа Бартвелла.

Почти сразу в ответ раздался напряжённый шёпот Тильды:

— Конечно, господин. О слугах позаботились. Уверяю, место нашего прибытия держится в тайне.

Мужчина удовлетворённо хмыкнул и двинулся к карете. Спустя мгновение они уже оказались внутри, готовые к отъезду. Всё, что старалась делать Луиза, — ни на кого не смотреть. Отведя взгляд к правому окну, она невольно остановила внимание на соседнем доме. Там жила её лучшая подруга

— Джози, с которой Луизе даже не позволили попрощаться.

— Всё детство мы были вместе, Джозет... Я желаю тебе лучшей жизни, — едва различимый шёпот девушки утонул в шуме тронувшейся кареты. Ком подступил к горлу. Родной дом становился всё дальше и дальше, пока совсем не исчез из виду. Девушка до боли прикусила губу, чтобы не заплакать.

— Держись, держись, Луиза...

Она повторяла это себе словно мантру. Всё же смущать отца своими эмоциями было непозволительно. Однако мысли — это то, на что каждый человек имеет беспрекословное право, и в них Луиза желала задать отцу множество совсем не комплиментарных вопросов.

Дорога казалась бесконечной. Куда должна была привести их карета, девушка не знала, но городской пейзаж очень скоро сменился густым лесом.

— Чем дальше едем, тем мрачнее становится...

Тильда мирно посапывала рядом. Отец неотрывно смотрел в окно своим привычно строгим взглядом, а Луиза, поразмыслив о том, как же несправедлив этот мир, и быстро поняв, что от таких мыслей можно и с ума сойти, положила голову на мягкое плечо спящей служанки. Оставшуюся часть пути она задавалась только одним вопросом: «Что ждёт нас дальше?»

Добрались уже к сумеркам. Карета с глухим скрипом колёс остановилась. Луиза знала: стоит ей покинуть салон — и обратного пути не будет. Впереди ждала неизвестность, но

выбора не было, и она вышла.

За спиной с тяжёлым стуком захлопнулась дверца кареты, и перед её глазами открылась поистине мрачная картина.

Старый, брошенный, изъеденный временем и непогодой дом стоял посреди заросшего двора. Но пугала Луизу вовсе не его ветхость. Было в нём нечто иное — неуловимое и тревожное. Ей показалось, что воздух вокруг стал вязким и тяжёлым, а сам дом будто смотрел на неё в ответ. Луиза невольно задержала дыхание.

— Тильда, это... — она испуганно посмотрела на служанку, так и не решившись договорить.

Та выглядела не менее встревоженной, но быстро взяла себя в руки и сказала привычно бодрым голосом:

— Всё хорошо, милая. Будем заносить вещи. А ты сходи проверь, как матушка.

Отец вместе с кучерами помог Клаудии выбраться из кареты. Та бросила в сторону дочери свой бесцветный взгляд и, как это часто бывало, вновь ушла в себя. Правильно это или нет, но в тот момент Луиза была благодарна её недугу. Он пусть и отнял у матери ясный разум, но вместе с тем избавил её от осознания беды, обрушившейся на их семью. По счастью, она не понимала, что всё её состояние проиграно мужем и что с родным братом — Альбертом — ей, вероятно, больше не суждено было увидеться: ведь Джозеф так спешил уехать лишь для того, чтобы избежать его гнева.

— Всё хорошо, мы уже на месте, и ты скоро сможешь от-

дохнуть, — с теплом проговорила Луиза, осторожно касаясь материнской руки. Пока мужчины занимались выгрузкой багажа, девушка решила немного осмотреться. Отойдя всего на несколько метров от самого дома, ей в глаза бросился огромный сухой куст.

— Бедняга, ты уродлив так же, как и всё здесь.

Когда-то это растение наверняка прекрасно цвело — об этом говорили остатки засохших бутонов.

— Жаль, конечно, но скоро придётся тебя выкорчевать.

Возможно, это была роза, а возможно — эустома. Девушка определила это по шипам, когда зачем-то решилась коснуться мёртвого растения.

— Ой!

Острый шип мгновенно пронзил палец. Что поделать — привычка всё трогать у Луизы с детства, и она всё никак не могла её перерасти.

Вскоре разгрузка завершилась, и карета быстро покинула мрачное место. Оставшись в полной тишине, все новоприбывшие стояли перед их новым домом. Отец шагнул внутрь первым. За ним последовали и остальные.

Внутри пахло затхлостью, а пыль и паутина, окутывающие все предметы интерьера, казались меньшими из бед.

— Как же давно здесь никого не было?

Луиза с ужасом представила, сколько пауков может обитать в этих стенах. Для неё, девушки, всегда видевшей во-круг себя лишь чистоту, было страшно коснуться чего-либо.

— Сказали, к нашему приезду всё подготовят! Как же! — раздалось ворчание служанки, которая чуть резче, чем нужно, обматывала ноги Клаудии покрывалом. А Луиза тем временем заприметила пусть и старый, но вполне хорошенький бронзовый канделябр. Подойдя ближе и протянув руку, она тут же отскочила, сдерживая крик: за кучей лежащих рядом книг скрывалась крупная крыса. Девушка с тревогой взглянула на Тильду. Глаза той на секунду округлились, но она не подала виду и с присущим ей энтузиазмом проговорила:

— Ну и ничего! Дом-то старый.

Она по-хозяйски хлопнула в ладоши.

— Дел, конечно, много, но работа не ждёт! Сейчас горничные подспеют, и мы вмиг...

Отец не дал ей договорить. Быстро пройдя мимо дочери и служанки, он буркнул:

— Их не будет. Я думал, это ясно.

Он поспешно прошёл дальше и пропал во мраке дома.

Луизе всегда казалось, что запас оптимизма Тильды бесконечен, но теперь уже и она смотрела на девушку тревожным взглядом. Они обе понимали, что справиться с катастрофическим беспорядком придётся самостоятельно.

Несмотря на старость, опустошение и заброшенность, было очевидно, что ранее дом явно отличался роскошью. Повсюду, укрытые паутиной, стояли столовые предметы из серебра и меди. То тут, то там встречалась мебель ручной работы, а стены были украшены резными узорами. Снаружи

дом был большим, однако внутри оказался просто огромным. Луиза ступала по старому дубовому полу и невольно представляла, как убранство выглядело в свои лучшие времена.

— В этой огромной гостиной наверняка проводились пышные празднества, — говорила она вслух и двигалась дальше, разрезая тишину гулким эхом шагов.

— А за этим столом когда-то собиралась чья-то семья.

Она провела ладонью по мрамору, снимая слой пыли, и в нос внезапно ударил стойкий запах.

— Шафран?

Задуматься, откуда в запустелом доме мог появиться этот аромат, она не успела, ведь её внимание переключилось, когда слух различил едва уловимый звук:

тик-так... тик-так...

Двигаясь по коридору к источнику звука, она вышла в холл. В дальней его части стояли часы. Приблизившись, она не могла не оценить их вид: тёмное дерево, медный маятник и позолоченный циферблат. Наверняка работа мастера стоила очень дорого. Но больше всего девушку удивило то, что покрытые старостью и забытые всеми часы всё ещё шли. Да, неправильно — стрелки бежали вперёд слишком быстро, — но всё же механизм был исправен. Их хотелось изучать и рассматривать, но уборка не ждёт, и вскоре Луиза вернулась к служанке.

— Сперва нужно перебрать посуду, — Тильда указала ру-

кой на старый шкаф, наполненный утварью.

— Старайся хорошо! Не приведи Господь подать твоему отцу ужин в тарелке со сколами! — проговорила женщина, разбирая привезённые пожитки.

Луиза без лишних слов принялась выполнять поручение, но в её голове впервые за жизнь появился вопрос, который она решила задать:

— А почему идеальной тарелки не достойна я, мама или ты?

Взгляд служанки мгновенно встревожился, и она решила, что лучший ответ — угрюмое молчание. Размышлять над своим вопросом Луизе пришлось в одиночку. Углубившись в мысли, она и не заметила, как прошла четверть часа, а работа уже была выполнена.

— Теперь вымой зеркало, — властно бросила Тильда, вручив девушке тряпку.

Задев пальцем стеклянную поверхность, Луиза удивилась, какой толстый слой пыли покрывал её. Не удержавшись, она принялась выводить очертания забавной рожицы, однако не прошло и минуты, как её действие было замечено.

— Займись делом, а не ерундой! — проворчала служанка, но, заметив, как от её слов девушка помрачнела, смягчилась. Подойдя ближе, она дорисовала пыльный шедевр, нанеся несколько последних штрихов. А после, увидев, что в глазах девушки снова засияло озорство, удовлетворённо кивнула.

— Тильда, а ты ведь всегда всё знаешь? — Луиза с улыбкой обратилась к женщине, которая уже принялась выбивать пыль из старой портьеры и была явно недовольна тем, что её снова отвлекают.

— Не всегда и не всё, — сухо ответила она.

Но Луиза не унималась:

— Так, может, тебе известно, кому этот дом принадлежал раньше?

Тильда на мгновение задумалась, а потом бегло прошептала:

— Да кому только не принадлежал...

В девушке тотчас вспыхнул интерес.

— Сколько же выходит лет этому дому?

Но служанка лишь отмахнулась:

— Да чего же ты меня всю вопросами осыпаешь?! Мне почём знать? Давай-ка берись за ведро и начинай с дальнего зала.

Было заметно, как Тильда бросила оценивающий и недовольный взгляд на зеркало, которое неумело протёрла девушка, однако сказать ничего не решилась. Луиза без лишних пререканий просто направилась туда, куда велела служанка. Ей казалось, что процесс уборки будет простым: берёшь тряпку, смачиваешь в воде и очищаешь загрязнение. Но на деле для неё, не привыкшей к труду, это оказалось невероятно сложно. Невольно ей подумалось: когда от меня требовалось быть хорошенькой, всё было гораздо проще.

Однако жаловаться она не смела. Просто шла и делала.

И вот, оказавшись у порога нужного ей помещения, она вдруг обратила внимание на тяжёлую массивную дверь.

— Это что, засов?

Крупный задвижной механизм крайне грубо бросался в глаза. Сверху, над ним, был вырез, напоминающий глазок. Луиза провела рукой по заржавевшей стали.

— Такую штуку впору ставить на основной вход. Так почему этот засов находится внутри дома?

Отставив ведро, она решила бегло осмотреть эту часть этажа. Её взгляд выискивал двери, на которых красовались точно такие же засовы.

— Предыдущие владельцы завели себе медведя в качестве питомца? Иначе не нахожу объяснений.

Усмехнувшись собственным мыслям, девушка вернулась к работе. Через несколько долгих часов, тяжело дыша, она прокричала:

— Тильда, я закончила!

Со второго этажа послышался голос служанки:

— Прекрасно! Теперь выбирай себе комнату и приступай к её уборке.

Это явно было не то, что Луиза хотела услышать.

— Что? Снова?! Но я так утомилась!

Ответ, прозвучавший сверху, был прост:

— Спать в грязи или в чистоте — право твоё, Луиза.

Девушка устало опёрлась о стену и тихо прошептала:

— Неужели так теперь будет всегда? Это просто невозможно.

Через пару минут она всё же поплелась наверх.

— Может, денег на горничных и нет, но достоинство-то у меня осталось! Спать на грязных простынях не стану.

По правде говоря, она была уверена, что ей не понравится ни одна из спален, но, войдя в первую, пришлось признать: потенциал огромен. Комната была просторной, с большим деревянным окном, красивой резной кроватью и... часами.

Да, в дальнем углу комнаты стояли уже знакомые ей часы. Они были почти идентичны тем, что находились в холле, за одним лишь исключением — их стрелки двигались назад.

— Как странно... Но с этим я разберусь позже.

Откуда-то у девушки даже взялись силы, и она незамедлительно приступила к уборке своей новой комнаты. Первым делом ей хотелось расчистить окно.

— Может, завтра, когда комнату зальёт солнце, мне станет легче?

Она содрала старую портьеру, когда её взгляд зацепился за красивую раму какой-то картины, робко поблёскивающую из тени.

Оставив все дела, она подошла ближе.

— Так это же портрет.

Она была права. С полотна на неё взирал красивый темноволосый юноша, едва ли старше её самой.

— Неужели один из прошлых жильцов?

Повинуясь какому-то странному чувству, она не без труда сняла портрет с его места. Ей вдруг показалось, что такая искусная работа не должна висеть на обветшалой стене.

— Какое красивое лицо...

Луиза провела пальцами по изображению.

— Если оставлю образ юноши себе и об этом узнает отец, то, возможно, одними розгами я не отделаюсь.

Её страх мешался с желанием.

— Но я хочу иметь право хоть на что-то.

С задней части портрета выпал клочок пожелтевшей от времени бумаги, на котором едва можно было разобрать текст:

— «К двадцать пятому дню рождения вашего дорогого сына, от дома Флетчер».

С ощущением азарта и тайны происходящего она всё же решила спрятать портрет под кровать и как ни в чём не бывало продолжить уборку.

Настроение заметно улучшилось, но ненадолго. Сверху послышались тяжёлые шаги — это отец изучал свой новый кабинет, а совсем рядом, в соседней по коридору спальне, раздавался знакомый плач — это мама.

Она и без того не любит процедуры, которые каждый вечер проводит Тильда, а сегодня, утомлённая дорогой, весь день вредничала словно ребёнок — и теперь, словно ребёнок, плачет.

До этого момента Луизе казалось, что на новом месте она

будто бы одна, но то была лишь мимолётная иллюзия. Главная проблема приехала сюда с ними в одной карете и сейчас вальяжно расхаживала там, наверху. Внутри девушки непроизвольно стало разрастаться какое-то острое чувство, которое ей едва-едва удавалось сдерживать. Но, выметая пыль, она, не заметив выступ, запнулась и повалилась на пол.

— Чёрт, чёрт, чёрт!

Её ладонь гневно ударила по полу. Оглядев свои грязные и стёртые от непривычного труда руки, Луиза вдруг ощутила подступающие слёзы.

Её воспитывали так, чтобы она молчала и улыбалась. И, видит Бог, она мирилась с этим всю жизнь, но как теперь она может это делать?

Она всегда отличалась сдержанностью, но именно сегодня все её защитные механизмы дали сбой. И вот она сидит на полу и пытается сдержать тяжёлые всхлипы, которые оказались предательски громкими.

— Что же будет, когда кончатся последние сбережения?

Через пару мгновений Тильда уже поднимала её с пола и, поглаживая руки, нервно причитала:

— Отдыхай, ягнёнок, я закончу сама, а после принесу тебе любимый чай.— Ох, девочка, ты же совсем не привыкла... Что же это я, дура старая, не подумала? — вытирая слёзы с лица девушки, она тяжело дышала. В неунимающейся истерике Луиза схватилась за неё и с надрывом проговорила:

— Он был ответственен за нас, а теперь мы вместе с ним

летим в пропасть! Служанка тут же прижала палец к губам, призывая к тишине.

— Молчи, Луиза! Если он услышит... Молчи!

Девушка вывернулась.

— Все наши деньги, дом — ничего не принадлежало ему!

Это всё принадлежало маме! Так почему...

Тильда зажала рот девушки рукой и яростно прошептала:

— Потому что таков закон!

Голос служанки нервно подрагивал.

— Женщина не может распоряжаться своим имуществом, и ты знаешь об этом!

Её слова подействовали так же резко, как холодная вода, вылитая на угли.

Да, таков был закон, и согласно ему женщины были полностью бесправны.

— Я так не хочу... — прозвучал глухой девичий голос.

Видимо, эти слова напугали служанку, потому что она, схватив девушку за плечи, настойчиво проговорила:

— Не позволяй этим мыслям даже блуждать в твоей голове! Они погубят тебя так же, как погубили многих других!

По выражению лица Тильды было ясно: спорить не следует.

— Луиза...

Она сделала глубокий вдох.

— Мы все очень устали. Твоя мама только что уснула — она весь путь провела без лекарств.

С каждой секундой хватка становилась слабее.

— Нужно беречь её покой, ты понимаешь?

Девушка бессильно кивнула и, с трудом успокоившись, попыталась вновь приступить к уборке. Однако заботливая служанка была непреклонна и почти вытолкала её вон. Дверь за ней сразу закрылась.

«И куда я должна идти?»

Смирившись и взяв свечу, Луиза направилась прочь. Ей ничего не оставалось, кроме как брести по длинному и тёмному коридору. Дорожки от слёз на щеках постепенно высыхали.

В какой-то момент ноги привели её к монументальным резным дверям, которые покоились в пустующем крыле дома.

«А там что?»

С первой попытки отпереть вход не удалось. Дверь будто была завалена чем-то тяжёлым. Не без усилий, но Луизе всё же удалось попасть внутрь.

Осветив помещение, она впервые за долгое время испытала радость.

— Библиотека!

Книг было так много, что дыхание перехватывало. Девушка тут же принялась рассматривать полки.

— Этикет... механика... кулинария...

К этому моменту пыль и грязь совершенно перестали смущать её.

Рука скользнула по громоздкому фолианту. Подцепив переплёт пальцами, девушка потянула его на себя, улавливая название:

— «Материи. Учение о загробном мире».

Глаза её сразу вспыхнули неподдельным интересом. Неве­ро­ятно — она держит в руках то, что ей строжайше запре­щено.

Раскрыв книгу, на первой же странице она увидела над­пись, выведенную пером когда-то очень давно:

«Собственность Л. У. 1802 год».

Прочитав это, девушка слегка устыдилась, что так вольно схватила чужую вещь. Быстро вернув фолиант на место, она продолжила осматривать полки.

— Ох, медицина!

Ещё дома она втайне читала пособия по врачеванию. Жен­щи­нам полагалось изучать музыку, танцы и ведение до­машнего быта — но науки никогда.

— Увесистая книга. Хорошо, что пометки «собственно­сти» нет.

Девушка не без труда спрятала её под платье и сразу же схватилась за следующую.

— Как же много знаний...

Она поставила свечу на пол.

— Настоящее сокровище!

На мгновение ей даже показалось, что всё не так уж и пло­хо.

Шелест страниц наполнял душу надеждой, и она почти забылась, как ночную тишину внезапно разорвал громкий стук входной двери.

Вздрагнув, девушка выпалила логичный вопрос:

— Это ещё кто?

Отец никогда не открывал двери самостоятельно. Тильда занята уборкой наверху. Значит, встречать неизвестного гостя придётся ей — Луизе. С беспокойной душой девушка всё же поспешила к источнику нетерпеливого стука. Уже через считанные секунды она отворила дверь. И сразу замерла.

Глава вторая: и тьма узнала ее имя

И тьма узнала ее имя

— Ну здравствуй, Луиза, — прозвучал скрипучий мужской голос. На пороге стоял Винсент — близкий друг главы семейства. По мнению Луизы, именно с его появлением отец растерял к матери всякое уважение. А теперь они в глуши, в его доме, и, конечно, он пришёл справиться об их новоселье. Но вид его пугал. Всё же он был человеком крайне отталкивающей наружности. Его суховатый вид, жидкие седые волосы и злобный взгляд всегда вызывали в девушке неприятные чувства. Но в ту секунду, в ночи жуткого старого места, — особенно.

— Добрый вечер, мистер Грандли.

В тот же миг поняв, что всё ещё держит гостя на пороге, она поспешила исправить:

— Входите, пожалуйста. Я сейчас позову отца.

Она уже сделала шаг к лестнице, как всё тот же скрипучий голос остановил её:

— Погоди-ка. Очень невежливо оставлять визитёра в одиночестве. Я так устал с дороги, и было бы уместно сперва

предложить мне чаю, ты не находишь, дитя?

Приличия не позволяли девушке отказать, но и оставаться одной рядом с Винсентом совершенно не хотелось.

— Разумеется, я сейчас же всё подготовлю.

Луиза быстрым шагом направилась в освещённую свечами кухню, расположенную сразу после холла. За спиной вальяжной, хозяйской походкой двигался мистер Грандли.

От нервного напряжения испуганная девушка выронила чашку, и та со звоном разлетелась на мелкие осколки. Это был прокол. Реакция мужчины не заставила себя ждать.

— Как же дурно сейчас воспитывают женщин, раз даже приготовление чая для них становится проблемой, — последнее слово он выделил особой презрительной интонацией.

Луиза растерялась окончательно, но внезапно на лестнице раздались спасительно приближающиеся шаги.

— Ах, господин Грандли! Мы так рады вашему визиту!

Тильда, тяжело дыша от спешки, принялась снимать с гостя плащ.

— О, ваше гостеприимство не знает границ, — саркастично подметил Винсент, впившись колким взглядом в Луизу, которая тем временем уже собрала все осколки и достала новую чашку.

— Но я рад видеть тебя, Тильда. Скажи, хорошо ли вы устроились в моём доме?

Служанка порхала вокруг мужчины туда-сюда, щебеча на-

рочито радушно:

— Вы так великодушны, а ваш дом просто чудесен, господин. К концу недели мы с Луизой закончим уборку, и, уверяю, в эти стены вернётся былое величие!

Винсент явно был удовлетворён хвалебными одами Тильды, а потому, снисходительно кивнув, добавил:

— Да-да. Он слишком долго пустовал и, конечно, нуждается в заботливой женской руке. Но я уверен, что вы отлично справитесь.

Служанка резче, чем следовало, забрала поднос из рук Луизы и с осторожностью поставила его перед гостем.

— Признаться, я всё же приятно удивлён, — просипел Винсент, делая глоток из чашки и вновь уставившись на Луизу, — тому, как быстро ты выросла. Скоро, поди, уже и замуж выходить!

Он покрутил в руке печенье.

— Только сперва следует обучиться тому, как правильно заботиться о мужчине.

Девушка замерла на месте. Разговоры о браке всегда выбивали её из колеи. К счастью, вмешалась Тильда:

— Верно вы это подметили, господин. Нашей Луизе ещё учиться и учиться. Пока она настоящая неумеха!

Тильда тихонько захихикала и стала едва заметно выталкивать Луизу с кухни.

— Благодарю вас за совет, мистер Грандли, но день был утомительным, и мне, пожалуй, лучше будет вернуться в

свою комнату.

Не дожидаясь ответа, девушка с гадким чувством внутри побрела наверх.

Нужно было прийти в себя после изматывающего дня.

Когда дверь её комнаты податливо распахнулась, она отметила, что новое пристанище теперь выглядело намного лучше.

— Как же быстро ты привела это место в порядок...

Луиза с благодарностью подумала о Тильде.

Сменив одежду, она залезла в чистую постель и только тогда заметила стоящий у кровати поднос с чашкой ещё тёплого чая.

— Нашла ведь силы ещё и чай мне приготовить... Ох, Тильда.

Как ни странно, но, несмотря на тепло и покой, Морфей не спешил принимать девушку в свои объятия, так что она решила уделить немного времени своей драгоценной находке.

— Ах, какой переплёт...

Луиза сразу принялась читать.

Её интерес к медицине уходил корнями в детство. И эти корни вели её к воспоминанию...

Ей было не больше девяти, когда она услышала разговор отца и доктора, который каждую неделю посещал маму.

— Сожалею, мистер Бартвелл, но излечить вашу жену невозможно. Могу посоветовать только опиумные процеду-

ры, чтобы облегчить её боль.

Мужчина понимающе кивнул.

— Какие прогнозы можете дать?

Отец хоть и выглядел напряжённым, но едва ли его вид отражал действительность.

— Не возьмусь прогнозировать, но я встречался с такими случаями и, к сожалению, болезнь будет прогрессировать всё быстрее.

Девочка стояла за дверью, и каждое слово доктора отдавалось болью в её детском сердце.

Вдруг в их диалог вклинился дядя Альберт, появление которого мгновенно вызвало в ребёнке надежду.

— Доктор, наверняка ведь можно сделать хоть что-то? Если уж не излечить, то замедлить.

Дядя выглядел опечаленным, но собранным, как и всегда.

— Если решение требует дополнительных затрат, то это не проблема.

Отец был не рад появлению брата жены.

— Альберт, я уже обо всём...

— Я говорю не с тобой, Джозеф!

Мужчины сцепились острыми взглядами. Повисло напряжение, которое прервал доктор.

— Я очень сожалею, но, как я уже сказал мистеру Бартвеллу, чуда ждать не стоит. Наслаждайтесь её обществом, пока ещё её разум цел.

Взгляд лекаря опустился к полу.

— Мы не знаем когда, но её рассудок начнёт угасать, а затем она покинет этот мир.

Для маленького ребёнка эти слова оказались страшнее всего, и она выбежала из своего укрытия, чтобы броситься к доктору.

— Как вы можете?!

Она схватила его за рукав.

— Как можете так говорить?!

Детский плач заполнил комнату. Отец пытался остановить её, а доктор что-то причитал, но из-за истерики было не разобрать.

— Дитя, тише, тише...

Крепкие, но дрожащие руки дяди обхватили её и понесли прочь. Он как мог старался успокоить ребёнка, но не вышло.

Спустя несколько минут он резко крикнул в сторону:

— Тильда!

Луиза не унималась.

— Почему всё это происходит с мамой?

Он сочувственно посмотрел на племянницу.

— На этот вопрос тебе никто не ответит. Но я постараюсь сделать всё возможное, чтобы спасти её, слышишь?

Дышать и говорить было трудно, но девочка сделала усилие.

— Если доктора не смогут...

Она вздохнула, и её детский голос почти перестал дро-

жать.

— Я сделаю это сама.

Альберт замер, поражённый такой резкой сменой поведения, и, наверное, хотел бы что-то ответить, но к тому моменту в комнату уже вбежала Тильда, которая сразу принялась хлопотать над ребёнком.

На следующее утро дядюшка Альберт принёс Луизе её первую книгу врачевания. Посыл был понятен: он верил в неё. Это стало их секретом, который девочка будет хранить все последующие годы.

Луиза оторвалась от тяжёлых воспоминаний.

«Ну хватит, пора спать».

Устроившись поудобнее, она уже приготовилась ко сну.

На первом этаже раздались голоса.

— Рад был повидаться, Джозеф. Надеюсь, ты примешь во внимание всё, что я сказал.

Судя по услышанному, Винсент наконец собирался уходить.

— И я бы хотел попрощаться с твоей дочерью. Пусть спустится проводить меня.

От этих слов Луиза напряглась. Отец в ответ мямлил нечто неразборчивое, и вдруг снова Тильда пришла на помощь:

— Она наверняка уже спит. Бедняжка так утомилась за сегодня, господин.

Винсент неодобрительно хмыкнул и перед тем, как дверь

за ним захлопнулась, пренебрежительно бросил:

— Вся в свою мать!

Луиза со злостью впилась пальцами в подушку и, пролежав так некоторое время, наконец погрузилась в сон.

Одному Богу известно, сколько было времени, когда Луиза проснулась, но к тому моменту все свечи уже погасли, и только лунный свет озарял просторную комнату.

Она сонно поднялась. Всё тело ломило от нагрузки прошедшего дня. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, где она находится.

Не сразу поняв, что именно её разбудило, она прислушалась.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Звук от стоящих в углу часов был слишком частым и назойливым. С полной решимостью хоть как-то облегчить себе жизнь и найти способ остановить этот неистовый ритм, Луиза направилась к ним.

Осматривая механизм в темноте, она увидела, как стрелки с немыслимой скоростью вращаются в обратном направлении.

Это не пугало — скорее раздражало.

Промучившись добрых десять минут, она наконец остановила часы и огляделась.

— В полной темноте невыносимо!

Решив, что ей срочно нужно заменить свечи, девушка по-

брела в гостиную, ведь именно там Тильда расположила короб со свечами.

Выйдя в коридор, она сразу пожалела о своём решении. Ночью дом был ещё страшнее. Старые половицы под девичьими ступнями глухо поскрипывали, и Луиза по неведомой ей причине старалась идти как можно незаметнее, будто боялась потревожить царящую вокруг тишину.

Различные углы, куда не доставал лунный свет, были наполнены такой непроглядной тьмой, что Луиза ясно осознала: лучше ей туда не смотреть.

— К этому месту ещё нужно привыкнуть, — заключила она.

Спустившись вниз как можно скорее, она принялась выскидывать свечи. По счастью, окон в гостиной было три. Вчера Тильда сняла портьеры с каждого, благодаря чему лунный свет беспрепятственно проникал внутрь, облегчая поиски.

Спустя несколько минут девушка наконец держала в ладони три восковые свечи.

Теперь всё, что было нужно, — как можно скорее вернуться в комнату. Ведь, как ей самой казалось, в воздухе будто ощущалось что-то странное.

Звук собственных шагов внезапно исчез.

Быстро преодолев всю гостиную и уже поставив ногу на первую ступень ведущей наверх лестницы, Луиза внезапно остановилась.

Что-то было совсем не так.

Липкий пот выступил на её коже, когда она наконец поняла, что именно её смутило.

Проходя мимо последнего окна, краем глаза она заметила едва различимую мужскую фигуру.

Понимание того, что это не отец и, конечно, не Винсент, пришло сразу.

Длинные волосы сливались с неразборчивым одеянием. Широкие плечи были перекошены вправо. Высокий, но сторбленный, этот некто стоял к девушке спиной, слегка подрагивая.

Весь его образ выдавал нечто неправильное — нечто такое, чего там, у окна, в этом доме или даже в этом мире быть не должно.

И всё же, пусть Луиза и поняла это не сразу, этот образ кого-то ей напоминал.

Когда человек испытывает страх, его рациональная часть отключается, уступая место животному поведению. Все люди ведут себя по-разному: кто-то сбегает, кто-то нападает, а кто-то просто замирает.

Последнее произошло и с Луизой.

Тихо заскулив, она опустилась на ступени, не в силах подняться и сделать хоть что-нибудь. Дыхание стало таким частым, что разрезало тишину гостиной своим оглушительным эхом. Конечно, это не могло остаться незамеченным.

Силуэт медленно и чужеродно обернулся. Девушка хоть и не видела лица, но готова была поклясться, что нечто смот-

рело на неё. И, если бы не весь ужас происходящего, она решила бы, что смотрело с интересом.

Внезапно оно заговорило — отчужденным, безжизненным шёпотом, которому девушка не могла найти сравнения: — Однако, не ожидал.

Сердце Луизы грозило вырваться из груди, свечи выпали из онемевших рук и с грохотом покатались по полу, а незнакомец, будто наблюдая за происходящим, изучающе наклонил голову. И движение это было настолько резким, жутким и неестественным, что стало последней каплей перед тем, как девичий визг разрезал тишину. В глазах девушки тут же потемнело, и до затухающего сознания донеслась последняя, протяжная и вместе с тем осуждающая фраза незнакомца:

— Какая же шумная...

Луиза очнулась на лестнице ещё до рассвета. Она поднялась с трудом, придерживая голову, и тут же принялась собирать воспоминания воедино.

— Кто это был? Что это было? Неужели я так сильно испугалась темноты, что мне привиделось такое?

Она обхватила голову руками и зажмурилась.

— Я читала о подобных недугах. Иногда даже у здоровых людей случаются видения, если сильно перевозолноваться...

— Или...

В глазах мгновенно поселился ужас.

— Неужели недуг матери достался и мне?

Колени затряслись, но размеренное дыхание, о котором она также прочла в книге, постепенно приводило её в норму.

— Итак, вчера я перенесла множество потрясений, волновалась и сильно устала... — она закусила губу от волнения.

— А значит, мне могло померещиться.

Это стремительное умозаключение подарило ей шаткое спокойствие.

— Да, точно. Просто померещилось!

Нарочито бодро она поднялась и огляделась.

— Удивительно, конечно, что отец или Тильда совсем не услышали моего крика... Но оно и к лучшему — ещё не хватало, чтобы они волновались из-за меня.

Окончательно убедив себя в том, что ей всё привиделось, она, собрав разбросанные свечи, поднялась к себе.

— Нужно помыться и ещё немного поспать.

Последующие несколько часов девушка осуществляла задуманное и всё ещё приходила в себя. А когда солнце полностью поднялось над горизонтом, она впервые увидела свою комнату, залитую светом.

Сидя на постели, она наблюдала, как красиво его лучи ложатся на старую мебель из тёмного дерева, и удивлялась то-

му, как легко свет может преобразить пространство.

Где-то внизу, вероятно на кухне, загремела утварь — это Тильда готовилась подать завтрак, а значит пришло время одеваться.

Меньше чем через четверть часа Луиза уже спускалась вниз, попутно поправляя платье и волосы. Голова раскалывалась.

Преодолевая последние ступени, она думала только об одном:

«Нужно вести себя спокойно, говорить как обычно и ни слова про видения».

В столовой её уже ждал завтрак, заботливо приготовленный Тильдой, которая всё ещё не смела сесть, поправляя приборы для еды.

— Доброго утра, — мягко проговорила девушка и осторожно присела за стол: подальше от отца, который неспешно читал газету, и поближе к матери, которую усадили с краю.

Женщина с привычно пустым взглядом теребила в руках ложку. Луиза поправила салфетку на коленях матери и снова обратилась к присутствующим:

— Как вам спалось в новом месте?

Отец проигнорировал её вопрос, и она бы ощутила себя пустым местом, если бы не вмешался родной голос.

— После хорошей работы всем спится сладко, — ответила Тильда, поставив перед Луизой чашку с ароматным чаем.

Девушка взглянула на отца, скрывая неприязнь. Отче-

го-то ей захотелось, чтобы он всё-таки её заметил.

— Папа, как ты спал? — она произнесла вопрос чуть громче обычного.

— Сносно, — сухо ответил он, не отрывая глаз от газеты, ясно давая понять, что продолжать диалог ему не хочется.

Луиза намёк поняла и обернулась к матери.

— Вижу, ты сегодня в настроении? — тепло проговорила она, обращаясь к родительнице, словно к ребёнку.

Наконец усевшись за стол, Тильда включилась в разговор:

— Ещё в каком настроении! До того, как ты спустилась, миссис Бартвелл уже успела съесть порцию бекона!

Её слова мгновенно отодвинули в сторону все дурные чувства девушки.

— День обещает быть хорошим, раз с самого утра такие новости.

Они улыбнулись друг другу, и Луиза продолжила:

— Но в самое ближайшее время мы всё равно должны найти доктора, чтобы следить за её болезнью.

Тильда кивнула в ответ, а девушка принялась за еду, когда отец вдруг поднял на неё грозный взгляд.

— Ты выносишь решение, не спросив меня?

От его слов еда мгновенно встала в горле.

— Смеешь раздавать команды в моём присутствии?

Его тон постепенно нарастал. Луиза отрицательно замотала головой, как делала это всегда.

И только убедившись, что его авторитет не пошатнулся,

голос Джозефа снова зазвучал спокойно и буднично:

— Нанимать врача для Клаудии сейчас — пустая трата денег.

Он отпил из чашки.

— Вы с Тильдой вполне справитесь сами. Вы всё знаете и всё умеете.

Служанка, вцепившись в ложку до побелевших костяшек, напряжённо взглянула на Луизу.

— Пока твоя мать будет спать, вы должны съездить в город и вернуться, — начал отец, а после, будто устав, добавил: — Впрочем, я всё уже разъяснил Тильде.

Девушке ничего не оставалось, кроме как промолчать.

— И да, Тильда, — Джозеф устремил строгий взгляд на служанку, — ты помнишь мой наказ.

Женщина утвердительно кивнула, продолжая есть. И дальше всё могло бы пройти спокойно, если бы миссис Бартвелл, очевидно услышав из уст мужа своё имя, не потянулась к нему. Она едва успела задеть его рукой, когда Джозеф вспылил, отбрасывая газету.

— Чёрт! Тильда, почему не следишь за ней?!

Служанка тут же оставила свою тарелку и принялась успокаивать напуганную Клаудию. Не выдержав происходящего, Джозеф вскочил с места и вышел прочь, бросив напоследок:

— Чёрти что!

Аппетит пропал, и вскоре Луиза покинула кухню вслед за отцом.

Уже на крыльце, оставшись в одиночестве, она принялась размышлять.

«Он, конечно, всегда был строг, но за последние дни строгость эта стала превращаться в жестокость».

Девушка присела на ступени и вдохнула утренний воздух.

«Слишком много всего случилось за последнее время... но я не могу расклеиться и оставить маму с Тильдой».

Рука нащупала заколку на голове, которую когда-то подарил дорогой дядюшка Альберт.

«Он ведь даже не знает о том, что случилось. Мы фактически сбежали. Нужно найти способ обойти отцовский запрет и связаться с ним, а до тех пор придется все стерпеть».

Она решительно поднялась и направилась во двор, чтобы получше осмотреться. И только в тот момент с ужасом осознала, что даже не представляет, что это за окрестности. Вдалеке виднелся небольшой городок, поблизости стояли несколько домов и, конечно, любой из них выглядел радушнее и дружелюбнее их мрачного строения.

— Дом с привидениями — усмехнулась она про себя, оглядывая постройку, однако по коже пробежал небольшой холодок от воспоминаний, которые девушка, со всем усердием, гнала прочь.

— Буду искать хорошее в моей новой жизни, чтобы не сойти здесь с ума.

С этими словами Луиза отправилась исследовать новую территорию и неподалёку от дома нашла приятное место с

уютной скамейкой.

Присев на неё, она обнаружила в зарослях уже знакомые ей стебли.

— Ну здравствуй, — обратилась она к погибшему кусту.

Однако стоило ей взглянуть, как она не поверила своим глазам: ещё вчера полностью засохшее растение сегодня покryлось крохотными молодыми листочками.

— Не может быть!

Обойдя источник интереса со всех сторон, она заключила:

— Значит, выкорчёвывать не будем.

Вдруг её взгляд устремился выше — туда, где росло вековое дерево. На нём висела табличка с надписью:

«Лестер и Анна».

Дощечка с вырезанными именами была очень старой и местами заросла мхом.

— Хм... брат и сестра или муж и жена? Как же здесь много следов чужой жизни.

Это навевало странные ощущения, но отвлекало от мыслей об отце. Девушка устало потёрла виски.

— Мне нужно в город, чтобы проветрить голову.

С этими мыслями Луиза вернулась в дом и с напускной радостью подошла к Тильде. Обсуждать ситуацию за завтраком не хотелось.

— Сегодня у нас будет интересный день. Изучим новые улицы, лавки и познакомимся с людьми.

Речь девушки сопровождалась театральным восторгом и

жестами.

— А вдруг ещё завяжем дружбу с местными леди и потом будем посещать чаепития, как раньше?

Разумеется, она знала, что как раньше уже не будет, но так хотелось помечтать и поднять настроение Тильде.

Она вдруг обняла служанку, и та расплылась в тёплой улыбке, однако голос её прозвучал немного печально:

— У нас не будет много времени, Луиза. Мы должны успеть до того, как проснётся твоя матушка. Теперь только мы следим за ней.

Тильда явно не разделяла энтузиазма девушки, и та понимающе кивнула.

— Ну, в любом случае, сегодня ведь будет интересно, да?

Служанка мягко провела рукой по её голове.

— Конечно, дорогая. И чем раньше ты соберёшься, тем лучше!

Луиза сразу подскочила на месте.

— А вот прямо сейчас и соберусь!

Тильда широко улыбнулась.

— Вот она, моя Луиза! С румяными щёчками и без дурных мыслей в голове! Беги скорее!

Девушка поцеловала служанку в щёку и радостно устремилась наверх, стараясь не думать о ночном видении и о возможном недуге матери, который мог передаться и ей.

Вихрем влетев в свою комнату, она принялась искать подходящее платье. Всё же прогулка всегда ощущалась как гло-

ток свежего воздуха, а сейчас — особенно. Но когда сборы были почти окончены, Луиза уловила в тишине едва различимый звук — царапанье. Но откуда?

Отложив ленту для волос, она попыталась прислушаться. Источник находился в старом платяном шкафу. Сердце сразу пропустило удар. С горькой усмешкой она подумала, что грызуны, портящие мебель, были бы самым лучшим исходом ситуации. Простояв в оцепенении несколько секунд и слушая методичное поскребывание, она всё же решила узнать, кто или что находится внутри деревянной громады. Сделав первый шаг, Луиза внезапно остановилась: по мере её приближения царапанье усиливалось. Это не сулило ничего хорошего, но страх постепенно перерос в бессильную злость, и девушка уже не могла заставить себя просто уйти. Мало-помалу она двигалась вперёд и, когда оказалась в шаге от дверцы, царапанье резко прекратилось. Набравшись смелости, девушка всё же осторожно приоткрыла её, устремив взгляд в темноту.

Ничего не видно.

Она раскрыла дверцу сильнее. Тусклый свет проник внутрь, осветив разбросанную древесную стружку, а над ней — наспех нацарапанную надпись:

*Коль захлопнулись оковы,
Ты теперь уж не беглец.
Перед сном задвинь засовы,
Иль пожалеет мертвец.*

Животный ужас сдавил горло Луизы. Она сидела на дере-

вянном полу, недвижно глядя на испорченную стенку шкафа, и думала только об одном:

“Я уже сошла с ума”.

Тильда ждала девушку внизу и, поняв, что прошло слишком много времени, а та всё не появляется, направилась напрямиком в её комнату. Поднимаясь по лестнице, она уже прокручивала в голове самые разные мысли, но, распахнув дверь спальни, тут же успокоилась.

— Я просто подбирала ленту. Прости, что задержалась, — стоя перед зеркалом, девушка улыбалась.

Будто бы как обычно, но было в ней что-то, не дававшее сердцу Тильды покоя.

— У тебя их всего три — проговорила служанка, пристально всматриваясь в Луизу.

Девушка молчала.

— Ладно, идём! Без того уже опаздываем.

Спустя несколько минут они уже ехали в город.

— И запомни: от меня ни на шаг! Мы этих людей не знаем!

Тильда, как обычно, поучала, усердно стараясь не замечать, что с девушкой явно что-то не так.

Луиза кивала и со всем соглашалась, но взгляд её был устремлён куда-то вглубь себя.

Служанка коснулась её ладони — та была ледяной и влажной.

— Милая, с тобой всё в порядке? Ты не заболела?

От этих слов девушка мгновенно оживилась, осторожно спрятала руку под крохотный ридикюль и крайне неумело поспешила перевести тему:

— Наш сопровождающий такой хмурый, тебе не кажется?

Луиза знала, что отвлечь Тильду очень просто. Достаточно занять её голову любым пустяком. В этот раз сработало, как и всегда.

— Главное, что он есть, иначе не ехали бы никуда, — ворчливо шепнула Тильда и зачем-то принялась рыться в своей сумке.

— Вот ещё не забудь: если кто из distinguished господ решит познакомиться и поинтересоваться, кто мы и откуда взялись, то легенду ты помнишь.

Девушка не дала ей договорить, показывая, что всё это знает:

— Наша семья прибыла из Лондона. Мама больна, и чтобы сберечь её здоровье, отец увёз семью подальше от городской суеты.

Выслушав, служанка удовлетворённо кивнула.

Вскоре их высадили на главной улице. Погода не радовала: туман и серость, но это было меньшей из бед.

— Такая вонь, что аж глаза режет!

С запахами улиц Луиза была знакома и раньше, но к здешним ароматам ещё нужно было привыкнуть, поэтому они шли, прикрывая нос.

Пробираясь сквозь снующих туда-сюда людей, давно при-

выкших к жуткой вони, Луиза вдруг заметила почтовую карету. На дверце красовалась эмблема с тремя лебедями — символ аббатства города Селби.

Девушка наконец поняла, где находится.

— Тильда, можем мы заскочить в одно место?

Она вопросительно обернулась, и девушка немного замялась.

— Я хотела отправить весточку Джози. Я обещала ей.

Тильда резко оборвала её:

— Даже и не думай. Это исключено! Не лучшее время, чтобы гневить отца ещё больше.

Девушка не унималась:

— Но всего одно письмо. Она ведь так волнуется.

Служанка сказала, как отрезала:

— Это не обсуждается!

Конечно, попытка Луизы тайком отправить письмо дяде изначально была обречена на провал, но попробовать всё-таки стоило.

Спорить не имело смысла, и они продолжили путь молча, пока Тильда резко не остановилась, всматриваясь в свою дорожную карту.

— Ох, Луиза, подожди здесь пару минут, я сейчас вернусь.

Пока служанка отошла поговорить о чём-то с сопровождающим, девушка решила рассмотреть прохожих.

— Это главная улица города, и здесь, в основном, пред-

ставители среднего класса. Все они в хорошей одежде и в сопровождении слуг, разумеется.

— Улыбаются и болтают, будто бы не чувствуют удушающего запаха.

Она повернулась к витрине с куклами, и в груди защемило. Вспомнился её седьмой день рождения: тогда дядя Альберт принёс ей прекрасную фарфоровую фигурку.

— Всё равно найду способ связаться с ним, — подбадривала себя девушка.

Заколка в волосах, когда-то также подаренная дядей, успокаивала её. Она расстегнула замок простого механизма, чтобы в очередной раз рассмотреть вещицу, и, бережно уложив её на ладонь, наслаждалась переливами камней на свету.

— Всё будет хорошо. Я справлюсь.

И наверняка вылазка Луизы и её служанки могла бы пройти спокойно, но у судьбы были свои планы, ведь внезапно чумакая детская ручонка выхватила заколку из девичьих ладоней.

— Эй!

Девушка и среагировать не успела, как мальчишка в рваной одежде уже уносился прочь с дорогой ей вещью.

— Нет, вернись! — бросила она ему вдогонку.

Замерев посреди дороги, она не могла решиться. Перед ней встал непростой выбор: соблюсти наказ Тильды, оставшись на месте, а после забыть об украденной вещи, либо же прослыть сумасбродной девицей, не знающей правил, но

вернуть то, что когда-то подарил близкий человек.

Размышления длились всего секунду, а сразу после Луиза уже бросилась за мальчишкой через всю улицу.

Ветер ударил в лицо, на миг выводя её из-под контроля. Она инстинктивно закрыла глаза всего на мгновение, а когда открыла, было уже поздно: она со всего маху влетела в такого же рыжеволосого, как она сама, мужчину, повалив его на землю.

Тот был старше её лет на пять, не больше. Крепкий, высокий, статный и, конечно, полностью обескураженный такой взбалмошной наглостью дикой девицы.

Неловко извиняясь, Луиза, не дожидаясь развития конфликта, бросилась дальше. Всё же мальчишка удирал с немыслимой скоростью.

Платье путалось и мешало, каблук утопали в брусчатке, прохожие оборачивались, а она неслась за воришкой, который уже свернул с главной улицы и почти пропал из виду.

— Стой! Я заплачу тебе!

Погоня длилась ещё несколько минут. Насколько далеко Луиза убежала, стало понятно только тогда, когда она совсем выдохлась и остановилась.

— И где я?

Грудь часто вздымалась, а колени болели от внезапной нагрузки. В переулке было пусто, сыро и явно опасно.

— Упустила мальчишку.

В расстроенных чувствах девушка двинулась обратно, но

услышала гомон голосов неподалёку.

Стоило ей лишь немного отойти в сторону, как она увидела то, что таким, как она, видеть не положено.

— Ох...

На сырой земле сидели старики, рядом болезненного вида женщины укачивали своих младенцев, худые и грязные дети бегали друг за другом. Однако нужного Луизе воришки среди них не было.

Девушка стояла в изумлении.

— Два разных мира, разделённые парой улиц. Это происходит, но никто ничего не делает.

Она очень мало знала о жизни бедняков. Слышала, что им недостаёт еды, одежды и, конечно, денег, но также слышала о том, как власти принимают меры, открывая работные дома, интернаты и прочие учреждения для поддержки несчастных.

Однако теперь она видела всё своими глазами.

Кто-то громко спорил о чём-то и почти дрался, кто-то разделявал чью-то тушку, а кто-то уже пытался купить её подешевле. Здесь кипела своя жизнь и свой быт, в который девушка совершенно не вписывалась, и, конечно, её присутствие не могло остаться незамеченным.

— Как вы здесь оказались?

В её сторону двинулась женщина. На лице виднелись свежие ссадины.

— Уходите отсюда скорее, — проговорила она напуганным шёпотом.

Но было уже поздно. Луизу начали замечать остальные: одни смотрели с опаской, другие — с презрением. Девушка попятилась назад.

— Чего встала? Проблем ищешь? — раздался каркающий женский голос откуда-то со стороны.

Чем бы всё это кончилось — и подумать страшно, но Луизу спас звук приближающейся кареты, которая через секунду резко остановилась.

К девушке тут же выбежала Тильда.

— Совсем с ума сошла?!

Она грубо сгребла Луизу в охапку и повела к транспорту.

— Вот же беда на мою голову! Опоздай мы хоть на минуту — на тебе бы живого места не осталось! Ох, дурная...

Служанка принялась осматривать несносную девчонку.

— Тильда, мальчик... я... ты... ты просто не видела, что там происходит... нужно помочь!

Очевидно, Луиза несла бред в результате шока, но Тильда восприняла это по-своему.

— А теперь послушай меня, девочка...

Служанка обхватила её лицо руками.

— Ты ничем не можешь им помочь.

Тело девушки билась мелкая дрожь, но она внимала каждому слову.

— Хвали Бога, что родилась в благородной семье, а не на улице.

Её взгляд был тяжёлым, а сама она дрожала.

— Тебе не нравится отношение отца? Тоскуешь о подруге?

Голос её звучал почти с надрывом, но на лице Луиза видела страх.

— Ты выдумываешь себе страдания и желаешь свободы, в то время как они...

Она резко махнула рукой в сторону закоулка.

— ...жаждут только двух вещей — еды и ночлега. Я знаю это. Я сама росла в таких же переулках.

Девушка ощутила ком в горле.

— Никогда больше так не рискуй, Луиза!

Служанка в последний раз тряхнула её за плечи.

— Сытый голодному не товарищ, запомнила?

Девушка в очередной раз кивнула, и Тильда ослабила хватку. Говорить про заколку не хотелось.

Уверенными движениями женщина усадила негодницу в карету.

— Она всегда поучала меня и бранила за проступки, но такой, как сегодня, я вижу её впервые, — крутились мысли в голове Луизы.

Дальше ехали в полном молчании. Тильда даже ни разу не обернулась, и вскоре, когда карета остановилась у булочной, она коротко бросила девушке:

— Ты можешь остаться ждать здесь, если хочешь.

Луиза отрицательно мотнула головой и вышла вслед за служанкой.

Потрясения последних дней были так велики, что девушка ненадолго впала в ступор, а когда очнулась, служанка уже о чём-то радушно болтала с торговцем и совершенно не переживала о том, что произошло несколько минут назад.

— Радужная, весёлая... где же ты научилась так хорошо прятать свои чувства? — буркнула она себе под нос и поравнялась с ними, чтобы соблюсти условности этикета.

— Доброго дня, господин, надеюсь, мы вам не помешали? — прошептала девушка с лёгкой дрожью в голосе. Всё же до уровня Тильды ей было ещё далеко.

— Что вы, нисколько! Вы совсем недавно здесь, и я как раз рассказывал о местной еде, которую вы обязаны попробовать!

Прошло по меньшей мере пять минут, прежде чем с необходимой вежливостью было покончено и в диалог вновь не вступила Тильда, вернувшая всё внимание торговца на себя.

Аромат в булочной стоял потрясающий. Луиза закрыла глаза и прислушалась: корица, свежий хлеб, пряные травы и...

Вдруг в нос ударил резкий запах спирта.

Но откуда он здесь?

Она распахнула глаза и обернулась — за её спиной стояла девушка, явно не старше двадцати, но вид её был удручающим: спутанные волосы, ссадины на коже, но самое жуткое — большой живот, который она старательно прикрывала исхудавшими руками.

— Роб, дай мне что-нибудь из вчерашнего, — она слегка перевалилась через прилавок, протягивая деньги.

Торговец сконфузился, но монеты у девушки всё же взял.

— У тебя не хватает, Салли, но ничего.

Он протянул ей буханку хлеба.

— Я заработаю и верну тебе, спасибо.

На её истощенной шее виднелись багровые пятна, а декольте было непозволительно глубоким.

— Нечего на неё так глазеть! — послышался рядом настойчивый шёпот Тильды.

Но Луиза, как заворожённая, взгляда не отвела. Она вдруг подумала, что эта несчастная отлично вписывается в ту картину, которую она видела совсем недавно.

— Ещё раз спасибо, Роб.

Перед тем как выйти, девушка посмотрела на Луизу, и взгляд этот был полон уже знакомого презрения и зависти.

— Сытый голодному не товарищ, — невольно прозвучали слова Тильды в голове.

Торговец оторвал Луизу от размышлений.

— Госпожа, позвольте угостить вас нашими пышками. Они сделаны по семейному рецепту, и я вас уверяю — вы не пожалеете.

Булочную они покинули не меньше чем через полчаса.

А уже через час стояли на крыльце своего нового дома.

— Так, возьми это, а я проведу миссис Бартвелл.

С этими словами Тильда всучила девушке покупки, а сама

устремилась на второй этаж.

— День просто сумасшедший, — пробормотала Луиза, доставая еду из корзины.

При свете дня пугающая обстановка в доме рассеялась, и от этого даже дышать было легче.

— Верить всегда нужно в лучшее.

Она мягко улыбнулась. Однако улыбка сползла, когда в кухню нервным шагом вошёл отец.

— У тебя есть совесть, Луиза?! — прогремел его голос.

Девушка тут же сжалась, а отец продолжал:

— Носилась по городу, как поджаренная утка! Вздумала меня позорить?!

В ответ голос девушки дрогнул:

— Я виновата, но позволь объяснить, я думала...

— Женщинам не нужно думать, пойми уже! — грубо оборвал её одной фразой отец.

— Всё, что от тебя требуется, — делать то, что я говорю.

После этих слов он так же резко, как пришёл, направился обратно, а Луиза, проглотив комок в горле, пошла подготавливать стол к ужину.

Закончив, она побрела наверх. Уже на лестнице слышался мягкий голос служанки:

— Так, миссис Бартвелл, теперь на другой бок, — она помогала Клаудии выполнять ежедневные процедуры.

— А почему не приходит Джозеф? — немощный и почти

детский голос матери дошёл до ушей девушки.

Служанка печально вздохнула и ничего не ответила. К тому моменту Луиза уже стояла на пороге комнаты, в которой витал запах травяной мази от пролежней.

— Папа сейчас очень занят, но он обязательно навестит тебя позже.

Женщина перевела ласковый взгляд на свою дочь.

— Луиза, детка, мои гортензии уже зацвели?

Клаудия Бартвелл редко бывала такой оживлённой — это был добрый знак и, конечно, радовало Луизу.

— Конечно, мама, они прекраснее, чем когда-либо.

Она присела рядом и принялась помогать служанке.

— Тильда, зачем ты рассказала отцу? — тихо спросила девушка.

Ответ прозвучал так же тихо:

— Нужно было дожидаться, когда скажет кто-то чужой?

Луиза с обидой проговорила:

— Он снова накричал на меня, понимаешь?

Тильда промокнула салфетку удушливым спиртом и, не отрываясь от обработки пролежня, проговорила:

— Он боится осуждения, не гневись на него за это. Ты ведь не знаешь, как и где прошла его молодость.

Девушка поправила подушку матери, не отрывая испытующего взгляда от собеседницы.

— А ты знаешь?

Тильда, тяжело вздохнув, собиралась что-то ответить, но

остановилась, увидев, как ледяной взгляд Луизы устремился на изголовье кровати матери.

— В чём дело?

Девушка не отвечала. Лишь впилась побелевшими пальцами в деревянную перекладину, на которой красовалась недавно выцарапанная надпись «Достаточно?»

Реакция Тильды отличалась от поведения Луизы. Служанка, разумеется, не придавала происходящему большого значения.

— Надо бы мастера позвать. Такую мебель портить — это кем надо быть? Дети, наверное, жили, — пробубнила женщина, вернувшись к своим делам.

— Не дети, — тихо, но твёрдо проговорила Луиза. — Здесь, в этом доме, что-то происходит, Тильда.

Служанка, закатив глаза, с лёгким раздражением развернула девушку к себе.

— Всё, что происходит, — это усталость. Место старое, и, конечно, оно тебя пугает, но как только отдохнёшь — всё наладится.

Луиза смотрела на неё и понимала: доказывать что-то бесполезно.

Вдруг немощный голос повторил вопрос, уже задаваемый ранее:

— А почему не приходит Джозеф?

Тильда тут же надела на лицо улыбку и, отпустив Луизу, полностью переключилась на женщину.

— А вы сегодня полны сил и не прочь поболтать, да, миссис Бартвелл?

Служанка обращалась с ней так же нежно, как и с маленьким ребёнком.

— О, это всё после утреннего визита того молодого человека, — Клаудия проговорила это взволнованным шёпотом.

— Ах, вот как! Выходит, в наше отсутствие вас посещают кавалеры?

Вытряхивая простыню, Тильда заговорщицки прищурилась.

— А вы не промах, миссис Бартвелл!

Клаудия заулыбалась:

— Верно, верно! Представляешь, он пришёл и сказал, что моя дочь забрала себе вещь, которая принадлежит ему.

Луиза распахнула глаза шире, а мать всё продолжала:

— Но я тотчас отругала его и сообщила, что моя девочка никогда бы не взяла чужого!

В голове девушки вспыхнули воспоминания: царапанье, портрет, незнакомец — её нутро похолодело, и она схватила женщину за руку.

— Мама, ты видела его здесь? Можешь описать?

— Луиза! — Тильда с непониманием и осуждением смотрела на девушку, но та не обращала на неё никакого внимания.

— Мама, ответь!

Бедная женщина немного испугалась, но выполнила

просьбу:

— Так, вон там, у окна, и стоял. Красивый такой, длинноволосый.

Она посмотрела на дочь и дополнила:

— А после того, как я его отругала за клевету, он пожелал мне доброго здоровья и удалился.

— Это всё? — голос девушки звучал с надрывом.

Тильда решила вмешаться.

— Луиза, что ты делаешь? — интонация её становилась угрожающей.

Она снова взяла девушку за плечи и на этот раз направила к выходу.

— Не знаю, что это за шутки, но лучше ступай и принеси обед для матушки.

Луиза тяжело опустилась на ступени, сдерживая подступающую истерику. Дышать было трудно, а мысли сдавливали голову.

— Мне это не померещилось... В доме кто-то есть. Но кто? Призрак? Он опасен? Чего он хочет?

Раздавленная тяжестью этих вопросов, Луиза просидела на ступенях добрых полчаса, пока поток истеричных мыслей не прервала вышедшая из комнаты матери Тильда.

— Что это было? Зачем ты глумилась над матушкой?

Девушка обернулась на угрожающий голос.

— Я уже сказала: в этом доме что-то происходит, здесь что-то обитает...

У служанки от такой чужой едвой челюсть не свело. Она изумлённо приоткрыла рот, обеспокоенно и вместе с тем осуждающе глядя на девушку.

— Что за вздор? Прекрати сейчас же и больше не смей посягать на шаткое душевное состояние матери!

— Нет, ты не понимаешь, Тильда! — только и успела прокричать Луиза, прежде чем ощутила грубую хватку на своей руке, обладатель которой явно не сдерживался.

— Папа, мне больно!

Джозеф, не проронив ни слова, тащил Луизу по коридору. Служанка тут же бросилась догонять.

— Мистер Бартвелл, прошу вас, это лишнее!

Едва ли не в слезах женщина продолжала:

— Она просто устала и переволновалась, прошу вас!

Забрасывая Луизу в её комнату, Джозеф рявкнул в сторону служанки:

— Не вмешивайся, Тильда!

Вены у него на лбу вздулись, а лицо покраснелось.

— Она совершенно отбилась от рук, вот и пусть посидит да подумает о своём поведении. Может, это собьёт с неё спесь.

Дверь захлопнулась, и Луиза услышала звук поворачивающегося ключа.

Неизвестно, откуда в девушке взялась эта смелость, а может, и глупость, но в сердцах она ударила ногой по двери и выпалила:

— Ты не можешь мучить меня вечно!

Ответа не последовало, но тень отца за дверью замерла.

Вскоре послышались удаляющиеся шаги.

Девушка медленно сползла на пол.

— Да и чёрт с вами со всеми!

Думать о чём-либо совершенно не хотелось. Да и всё, на что она тогда была способна, — это зарыться лицом в подушку и рыдать. Впрочем, так она и поступила.

Сколько минут или часов прошло — неизвестно, но когда Луиза вдоволь насокрушалась и наплакалась, комната уже погрузилась во мрак.

Она тихо поднялась, чтобы проверить замок. Вдруг отец сжалился и уже давно отпер дверь.

Она сделала шаг в сторону выхода, когда её ступня случайно задела что-то острое, выглядывающее из-под кровати.

Она опустилась, чтобы присмотреться.

— Вот же! Я совсем забыла, что портрет остался здесь.

По неведомой ей причине она перестала чувствовать страх. Осторожно приподняв его, она уселась на кровать. Лунного света оказалось достаточно, чтобы снова рассмотреть изображение.

— Какое всё же красивое лицо у этого юноши.

Вглядываясь в образ, она всё больше осознавала: тогда, в гостиной, это был он. Искажённый, потусторонний, но всё же он.

В голове крутились вопросы:

«Опасен ли ты? Навредишь ли?»

Нужно было испытывать страх. Это было бы логично и правильно, но, смотря на его выразительное лицо с острыми чертами, она чувствовала, как внутри растекается неуместное спокойствие.

Сидя в полной безмолвии тёмной комнаты, она тихо шепнула:

— Кто же ты такой?

И тут за спиной, у самого её уха, буднично и непринужденно, будто так и нужно, раздался спокойный голос:

— У меня к тебе встречный вопрос.

Глава третья: манерная нечисть

В детстве Тильда часто говорила маленькой Луизе, что если та будет есть слишком много сладкого, то в конце концов вкус потеряется — и она просто перестанет его чувствовать.

Наверное, это относится ко всему. Иначе невозможно объяснить, почему Луиза не умерла от страха в тот момент, когда с ней заговорил призрак.

— У меня к тебе встречный вопрос.

Портрет выпал из её рук, дыхание перехватило, ведь за спиной сидел тот, кто теперь внушал ей животный ужас.

От одного лишь осознания этого Луиза не могла пошевелиться: язык словно окаменел, а сердце бешено колотилось.

Несколько мгновений гнетущей тишины — и она всё же решилась медленно обернуться.

На одной кровати, в нескольких сантиметрах друг от друга, сидели двое: задыхающаяся от страха девушка — и тот, кому дыхание не требовалось вовсе.

Это было наяву. На Луизу смотрел юноша с портрета. Только кожа его стала неестественно бледной, взгляд — пустым, лишенным жизни. И сам он... очевидно был мёртв.

— Если ты в очередной раз намереваешься нарушить со-

кровенную тишину этого дома, — заговорил призрак, — будь готова к тому, что я вырву тебе язык.

Голос его звучал неуместно мелодично и размеренно, но вместе с тем и опасно.

Оцепенение наконец спало. Девушка вскочила с постели и прижалась к холодной стене.

— Не приближайся!

— И не собирался, — лениво отозвался призрак.

Он по-хозяйски перегнулся через край кровати, поднял портрет, осмотрел его и, не глядя на Луизу, с оттенком ревности произнёс:

— Больше не трогай мои вещи. Это неприлично.

Странность происходящего резала сознание: страх, тьма — и этот почти светский укор из уст манерной нечисти.

Язык Луизы постепенно начинал её слушаться.

— Что ты такое?.. — выдавила она.

Но её вопрос остался без ответа. Всё внимание незнакомца было приковано к портрету. Подойдя к окну, куда ярче падал лунный свет, он внимательно осмотрел его, словно выискивая повреждения.

Луиза, растеряв всю свою живость, нехотя отметила: с их последней встречи он изменился. Широкие плечи больше не были перекошены, осанка выровнялась, и в темноте, если не считать мертвенной бледности, он почти не отличался от живого человека.

Девушка, собрав остатки смелости, снова спросила:

— Как тебя зовут?

Призрак взял со столика её платок, принялся бесцеремонно протирать им раму, а после, без особой охоты, всё же ответил:

— Не лучший момент для знакомства, не находишь?

Холодный пот лип к коже, но она не отступала:

— Почему ты здесь?

Он насмешливо хмыкнул:

— Странно спрашивать об этом хозяина дома.

Её кулаки постепенно разжимались:

— Но зачем ты...

Он резко обернулся и громогласно оборвал её:

— Ты совершенно не в том положении, чтобы задавать мне вопросы!

Луиза вытянулась, как струна, и тут же умолкла. Чего ожидать — непонятно.

Призрак осторожно отложил портрет и направился к ней. Медленно, почти играючи, он приблизился настолько, что девушка невольно вжалась в стену и тихо проскулила:

— Чего ты хочешь от меня?..

Девушка не узнавала свой собственный голос.

Расстояния между ними почти не осталось, и Луиза уловила тонкий аромат шафрана, исходящий от него.

Раньше она чувствовала этот запах в разных частях дома, но не догадывалась, *кто* является его источником.

— Ты гостя в моём доме, — произнёс он негромко, — и всё, что мне от тебя нужно...

Он наклонился ближе, почти касаясь её лица, и на выдохе прошептал:

— Это тишина.

После этого он резко отстранился — и исчез.

Комната вмиг опустела, будто из воздуха исчезло нечто осязаемое, и Луиза осталась одна.

В ту же секунду она рухнула на колени, судорожно цепляясь за ускользящую нить происходящего.

— Это правда... всё, о чём я говорила, — правда.

Осознание разрывало голову, но вместе с тем приносило болезненное облегчение. Истерично рассмеявшись, она выдохнула:

— Я не сумасшедшая.

И тут же в голове начали рождаться новые вопросы:

— Как теперь быть?.. Как вообще ведут себя люди, столк-

нувшиеся с потусторонним?..

Она всё ещё пыталась выровнять дыхание, когда услышала звук поворачивающегося в замке ключа.

— Милая, время ужина, разумеется, давно прошло, но негоже спать на голодный желудок.

Служанка с мягкой улыбкой поставила поднос и внимательно взглянула на сидящую в углу девушку.

— Боже, что с тобой?

Нахмурившись, она коснулась её лба.

— Ледяная вся... и дрожишь, как осиновый лист! Всё-таки заболела!

Быстро отставив блюдо, она помогла Луизе приподняться.

— Я сейчас же займусь тобой, потерпи!

С этими словами служанка торопливо вышла, оставив Луизу одну с тяжёлым и глухим осознанием: рассказать о случившемся она не сможет никому.

События последних дней говорили об этом слишком ясно.

— Молчи... просто молчи, Луиза...

Девушка повторяла это почти беззвучно, словно молитву, пока дыхание не выровнялось.

Вернувшись с охапкой тёплых одеял, Тильда тут же принялась хлопотать над ней.

— Ох, если бы я знала, чем всё кончится, не поднимала бы шум... — сокрушалась она на себя. — Ты прости меня, девочка.

Запах травяной мази, которой женщина натирала Луизу,

быстро наполнял комнату, вьедаясь в кожу. Сама же девушка сидела неподвижно, словно выточенная из камня.

Наконец она тихо произнесла:

— Всё хорошо, Тильда... правда. Я просто устала. Наверное, мне нужно поспать.

Служанка бережно укрыла её, провела рукой по волосам, а после спешно вышла.

И сон к девушке пришёл, однако не принёс покоя. Он тянулся, обрывался, возвращая Луизу к одному и тому же — к образу призрака, который никак не хотел укладываться в ее голове.

Так и прошла вся ночь.

Утром первая мысль ударила чётко и холодно:

«Мне это не приснилось».

Она медленно привыкала к этому факту, но тревога не отступала. Девушка обхватила себя руками — и в тот же миг резкая боль заставила её вздрогнуть.

— Ох... что такое?

Она перевела взгляд на плечо. Под тканью проступал крупный синяк — результат вчерашней хватки отца.

Следы его грубости на ее теле не были чем-то новым. Она давно научилась не удивляться им. Но сейчас возникло другое чувство — странное, почти чужое. Это был вопрос, который раньше не приходил ей в голову: «С чего он решил, что имеет право?»

Даже если он был несчастен, как утверждала Тильда, это вовсе не давало ему оправдания.

Но слишком многое происходило с девушкой одновременно. Хаос последних дней не оставлял ее разуму опоры, а потому она лишь глубоко вздохнула и подошла к шкафу.

— Пусть так... надену что-нибудь закрытое и спущусь вниз. Нельзя же запереться здесь навсегда.

Синяк припух, и рукав натягивался с трудом.

— Вот так... и почти не видно.

Оставалось лишь поправить волосы и выйти из комнаты.

С тяжёлым сердцем она всё же подошла к двери. С учётом последних событий Луиза уже боялась наступления нового дня: каждый из них приносил новые и отнюдь не приятные сюрпризы.

Когда она спустилась, за столом уже сидело всё семейство.

— Доброе утро, — тихо сказала Луиза, не поднимая взгляда.

— Доброе утро, милая, — отозвалась Тильда и тут же поставила перед ней завтрак.

Джозеф внимательно всматривался в дочь, тяжёлым взглядом удерживая её на месте. Затем прочистил горло и важно произнёс:

— Вчера я был излишне резок, но, надеюсь, ты понимаешь, что сама в том виновна?

От одного его вида девушке становилось тошно, но высказать своё мнение она не могла, поэтому покладисто выдави-

ла:

— Да, папа.

Мужчина помедлил секунду и одобрительно кивнул.

— Это хорошо. Теперь садись.

Знакомая злость вновь закипела в ее венах, заставляя челюсть сжаться. Чтобы не сказать лишнего, она незаметно впиалась пальцами в травмированное плечо — всё же боль лучше всего охлаждает чувства. И лишь успокоившись, села за стол рядом с матерью.

Прошло не больше пяти минут, как Клаудия, завернувшись в любимое одеяло, уснула прямо за столом. И неудивительно — за трапезой стояла гробовая тишина.

Луиза невольно подумала о призраке:

«Он бы оценил».

Стоило ей только вспомнить и поднять взгляд от тарелки, как вилка с пудингом звонко выпала из её рук.

— Когда это ты научилась держать приборы? — резко бросил отец, обращаясь к дочери, чьё пристальное внимание, как ему казалось, было обращено к пустующему холлу.

— Милая, тебе всё ещё не хорошо? — спросила Тильда, также всматриваясь туда, куда ошеломленно смотрела девушка, но не видя ничего, кроме непримечательного пространства.

Разумеется, никто из них не мог даже предположить, что именно в этот момент открывалось её особенному зрению...

Из холла, прямо к столу, неторопливо и шумно ступая,

двигался он — тот , кто прошлой ночью назвался хозяином этого дома. В его походке сквозила наглая уверенность человека, которому нечего бояться. Или даже того, кто слишком долго ждал, чтобы его наконец заметили.

Луиза оцепенела.

Она перевела взгляд на остальных, будто надеялась увидеть на их лицах такой же ужас, но отец и Тильда продолжали вести себя так, словно ничего не происходило.

— Где твои манеры, несносная? — раздражённо бросил Джозеф.

Луиза медленно подняла руку и указала туда, где расхаживал призрак.

И тот явно наслаждался её смятением — об этом говорили и беззаботная походка, и насмешливый взгляд. Призрак смотрел прямо на Луизу, будто ожидал, что же она сделает дальше: закричит, убежит или лишится чувств?

Но девушка поступила иначе.

Сжав дрожащую ладонь и спрятав её под стол, Луиза поняла: видеть его дано лишь ей. И это оставалось только принять. Она изо всех сил старалась не смотреть в его сторону. Ей казалось, что, если не замечать его, он, быть может, попросту исчезнет.

Закусив губу, девушка заставила себя произнести:

— Простите, мне действительно нехорошо. Наверное, я пойду к себе.

Она осторожно отодвинула стул и отвела взгляд в сторо-

ну, но тут же вздрогнула: призрак вдруг рассмеялся — залиристо, бархатисто, и, разумеется, издевательски.

Не заметить этот смех было невозможно.

И всё же отец с Тильдой смотрели только на неё — точнее, на её всё более странное поведение.

— То и дело сидишь в своих покоях безвылазно! — на-пряжённо проговорил отец, совершенно не подозревая, что прямо напротив него, вальяжно развалившись на свободном стуле и закинув ногу на ногу, сидело загробное нечто.

Неожиданно даже для самой себя, словно окончательно сдавшись, Луиза все же подняла взгляд на призрака — с немой мольбой и отчаянным вопросом: «Зачем ты это делаешь?»

Однако по дерзко изогнувшейся брови она сразу поняла: просто так. Он лишь развлекался.

— Чего молчишь? — нетерпеливо повысил голос Джозеф, откровенно не понимая, что происходит с дочерью.

Луиза не знала, что ответить. С одной стороны — отец, который едва ли долго станет терпеть её странности. С другой — потустороннее нечто, явно получавшее удовольствие от её растерянности.

Молчание затягивалось, но внезапно его разорвал стук входной двери.

На этот раз вздрогнули уже и отец, и Тильда.

Служанка тут же поднялась:

— Я сейчас открою, мистер Бартвелл.

Луиза мельком взглянула на отца. Его лицо выражало неподдельное удивление.

— Разве мы кого-то ждём?— он вопросительно смотрел на дочь.

Девушка отрицательно покачала головой и быстро огляделась. Призрак исчез.

Вскоре из холла послышались голоса, и отец поспешил навстречу неожиданным гостям.

В зал вошли двое мужчин и девушка. Первый был ровесником Джозефа, второй — скорее ровесником самой Луизы, а белокурая девушка выглядела немного младше.

— Простите, что мы без приглашения. Надеюсь, наш незапланированный визит не доставит неудобств. Меня зовут Август, — проговорил старший из гостей и учтиво поклонился.

Джозеф, как и подобало гостеприимному хозяину, мгновенно подобрался.

— Что вы, мы всегда рады гостям. Чем обязаны?

Луиза, следуя правилам приличия, поднялась из-за стола и придала лицу настолько радушное выражение, насколько вообще была сейчас способна. Впрочем, взгляд её то и дело скользил по сторонам.

Вся эта натянутая вежливость и в лучшие времена вызывала у неё внутреннюю брезгливость, а теперь, после всего происходящего в доме, и вовсе раздражала. Потому девушка просто молча стояла рядом, пока Август продолжал:

— Мы и сами переехали сюда несколько лет назад. Всё это

время дом пустовал, и вдруг — новые жильцы! — мужчина широко улыбнулся. — Вот мы и решили познакомиться. Вы ведь здесь всего пару дней?

Джозеф сразу просиял.

— Слухи расходятся быстро. Что ж, проходите, пожалуйста. И представьте нам ваших спутников.

Август театрально изобразил смущение.

— Ох, как бестактно с моей стороны, простите. Это Артур, мой сын.

Стоило Луизе внимательнее взглянуть на рыжеволосого молодого мужчину с хитрым прищуром, как в голове тут же вспыхнула ассоциация:

«Лис».

А следом другая:

«Очень знакомый лис».

Всего секунда — и девушка почувствовала, как лицо заливает жар.

«Не может быть! Это его я сбила с ног, когда гналась за мальчишкой... Господи, только бы он меня не узнал».

— А юная леди — моя дочь, Элизабет, — закончил Август.

Луиза сразу заметила сходство между братом и сестрой. Оба были красивы и статны, однако Элизабет производила впечатление нежного, хрупкого цветка, тогда как Артур будто являлся живым воплощением слова «невежливость».

Он стоял чуть позади отца и с откровенной скукой рас-

сматривал стены.

Тем временем Джозеф повернулся к дочери.

— Позвольте представить вам и моё дитя.

Он указал ладонью в ее сторону.

— Луиза.

Все присутствующие смотрели на нее так, как и полагалось при вежливом знакомстве.

Все, кроме Артура.

Скучающе отвлекшись от стены, он перевёл внимание на девушку, и в его глазах почти сразу мелькнул интерес. Следом — задумчивость, словно мужчина силился что-то припомнить. А затем его губы тронула медленная, многозначительная улыбка, и он посмотрел на Луизу так пристально, что ей стало не по себе.

Девушка тут же смутилась и опустила глаза, надеясь скрыть своё замешательство.

Когда с любезностями было покончено, все вновь вернулись к столу.

— Так в каком доме, говорите, вы поселились? — поинтересовался Джозеф.

Август не заставил себя долго ждать:

— Да вот, прямо за вторым холмом от вас, — он указал направление в сторону окна.

— В доме с жёлтыми воротами? — неожиданно вклинилась Луиза, которая ещё вчера осматривала окрестности.

Август неуверенно кивнул:

— Да, верно. Признаюсь, я был удивлён местным колоритом...

Пока мужчины продолжали светскую беседу, Тильда тихо шепнула девушке на ухо:

— Не делай так больше.

Луиза обернулась:

— Чего не делать?

— А то сама не знаешь! Не вмешивайся, когда мужчины ведут беседу.

Эти слова заставили Луизу устыдиться.

Обстановка за столом складывалась странная: Тильда хлопотала возле Клаудии, Джозеф и Август с азартом обсуждали охоту, Элизабет старательно изображала восторг, а Артур смотрел на Луизу слишком пристально и слишком долго.

Призраки, гости, взгляды и вынужденная вежливость — в какой-то момент Луизе осточертело всё, и оставшееся время за столом она не поднимала глаз дальше собственной тарелки.

— Именно, Джозеф, мы все привыкли считать, что лань — существо безобидное, совсем не хищник, — с жаром рассказывал Август. — И вот представь: когда мы загнали животину в тупик, она буквально озверела! Вцепилась зубами так, что я уж думал — руки лишусь!

Он без стеснения закатал рукав, демонстрируя глубокий шрам.

— Чему меня научил тот случай? Тому, что даже самое

безобидное создание способно стать убийцей, если загнать его в угол. И после я ещё не раз убеждался в этом!

Луиза скучаяще гоняла горошины по тарелке, представляя себе перепуганную лань, когда вдруг Август повернулся к дочери:

— Думаю, юные леди немного устали, Джозеф. Быть может, им стоит провести время за своей женской беседой?

— Разумеется, папенька, — тут же отозвалась Элизабет с идеально вежливой улыбкой.

— Луиза, дорогая, покажешь мне свою комнату? Мы могли бы поговорить о вышивании.

— С удовольствием — ответила девушка, едва удерживаясь от тяжёлого вздоха.

Вскоре юные леди уже поднимались по лестнице.

Перед дверью своей комнаты Луиза вдруг остановилась — да настолько резко, что идущая позади Элизабет ткнулась носом ей в спину.

— Что-то не так? — мягко спросила та.

— Нет, всё в порядке, — поспешно ответила Луиза и жестом пригласила её войти.

Но не так было многое.

В дальнем конце пустого коридора девушка едва успела заметить незнакомую фигуру. И нет — это был вовсе не её ночной гость, хотя нечто потустороннее в этом образе явно считывалось. Однако времени думать об этом не было, ведь Элизабет уже ожидала у двери, и Луизе пришлось взять себя

в руки.

Она открыла комнату и, пропуская гостью внутрь, с тоской подумала о предстоящем разговоре.

— Если честно, Элизабет, я не очень люблю вышивку, — обратилась она к девушке, поднимая на неё взгляд, и тут же увидела, как та без всякой грации плюхнулась на её постель.

— Я тоже, не волнуйся, — дерзко проговорила гостья, закинув ногу на ногу.

Внезапная перемена в её поведении немного обескуражила Луизу.

— Но ты сказала...

— Сказала то, чего от меня ждали. Как и ты, — перебила её девушка.

— И ещё — зови меня Элли.

А после хитрая улыбка растянулась на её лице, и напряжение между ними мгновенно спало.

— Так какими судьбами тебя занесло в это захолустье? — бесцеремонно спросила гостья.

Луиза растерянно моргнула, отчего девушка звонко рассмеялась:

— Брось! Сюда не приезжают от хорошей жизни. Так что привело вас сюда? Закон? Долги? Или нечто иное?

— Семейные драмы, — ответила Луиза с усталым вздохом.

Элизабет понимающе кивнула.

— Знакомо звучит. Мы переехали из-за чрезмерной дея-

тельности папеньки, если ты понимаешь, о чём я.

Луиза не понимала, но просить разъяснений было неловко. Она и без того была удивлена тем, как легко девушка откровенничает с той, кого совсем не знает.

— Он держит многие лавки в городе. Братец почти сразу влился в местную жизнь, а мне пришлось сложнее, — продолжала Элли, нервно перебирая волосы.

— Тебя не тошнит от вечных условностей и гадкой вежливости?

До невозможности приятно было услышать то, о чём неприлично было говорить.

— Тошнит. И чаще, чем ты думаешь, — заговорщически улыбнулась Луиза.

Они переглянулись — и будто мгновенно стали союзницами. Дальше разговор потёк неожиданно свободно. Впервые за долгое время Луиза почувствовала странную лёгкость. Не нужно было притворяться, подбирать слова или изображать благовоспитанность. Они говорили искренне, и это казалось самым правильным на свете.

— Честно говоря, даже подумать не могла, что кто-то станет жить здесь, — Элли окинула комнату взглядом. — В этом особняке. Он кажется таким... знаешь...

Луиза знала. И слишком хорошо. Более того — её собеседница даже представить себе не могла, с чем девушке приходится сталкиваться в этих стенах. Но рассказывать об этом было нельзя. Никому не хочется прослыть сумасшедшей, а

потому она без всякого стыда решила пустить разговор в другое русло:

— А что насчёт твоего брата?

Элизабет мгновенно закатила глаза.

— Святые угодники, оставь это! Артур — редкостный гадёныш, и я не советую тебе иметь с ним дело.

Луиза поспешила оправдаться:

— У меня и в мыслях не было ничего такого...

Но остановить Элли уже было невозможно.

— Он вечно путается с дурными людьми. Вокруг него снуют друзья-нахлебники да путаны, а сам он всё время пытается что-то доказать отцу и ведёт себя так, что, не будь он моим братом, я бы давно задушила его подушкой!

Отчего-то такая волна исповеди вызвала в Луизе настоящий приступ смеха, который вторая девушка подхватила моментально, однако вскоре она решилась поднять непростой вопрос:

— Я заметила, что твоя мама в очень тяжёлом состоянии...

Улыбка медленно сплзла с лица Луизы. Она знала: рассказывать о семье нельзя. Отец строго запретил. Но так хотелось хоть с кем-то поделиться, и, набрав в грудь воздуха, она заговорила:

— Она не всегда была такой, — тихо произнесла девушка. — Болезнь забирала её разум годами. А ведь когда-то у неё было всё, о чём только могла мечтать женщина: деньги,

положение, фамилия...

— И довольно красивый молодой муж, — вклинилась Элизабет и тут же смутилась. — Прости... Просто разница в их возрасте очень бросается в глаза.

Луиза и не думала обижаться.

— Так и есть. Мама старше отца на семнадцать лет. Но никто и слова не посмел сказать, когда речь зашла о свадьбе. Да и как иначе? С её положением выбор принадлежал лишь ей.

Брови Элизабет удивлённо поползли вверх.

— Хочешь сказать, она была вольна сама выбрать мужа?

— Именно так, — тихо ответила Луиза. — Как я уже сказала, у неё было всё.

Девушка поднялась с постели и подошла к окну.

— Однако судьба бывает обидчива... и я сейчас говорю далеко не о болезни.

На мгновение повисла пауза.

— Дай-ка угадаю. Неужели как раз эта обида сейчас беседует с моим отцом об охоте? — вкрадчиво шепнула Элизабет.

Луиза замялась. Это была граница откровенности, переступить которую она не могла. Да и не нужно было. Иногда молчание красноречивее любых слов.

Элли и без того всё прекрасно поняла.

Оставшиеся полчаса разговор шёл уже о прошедших днях.

— Ох, ты оторва, действительно сунулась в трущобы? — глаза Элизабет округлились, а Луиза, рассмеявшись, кивнула.

— Вот же! Повезло, что цела осталась! Там люди словно дикие звери! — всплеснула руками подруга.

Луиза не согласилась:

— Они борются за своё выживание, вот и всё.

Ей невольно вспомнилась беременная девица, покупавшая хлеб.

— Я видела девушку. Думаю, она падшая из дома развлечений. Её несчастный образ не выходит у меня из головы, — поделилась она.

Но Элли лишь хмыкнула:

— Подумать только, какая ты нежная. Их полно на улицах. Кто-то на сносях, а кто-то и вовсе с младенцем на руках, и все они работают. Чаще всего — за еду.

От этих разговоров Луиза стала уходить куда-то вглубь себя, и, заметив это, Элизабет, поспешила перейти к другому вопросу:

— Так а чего ради ты так вцепилась в ту заколку? Я и сама обожаю украшения, но в трущобы бы не сунулась!

Луиза, помедлив, ответила:

— Из-за дяди... Это его подарок. Отец строго запретил с ним связываться и это единственное, что у меня от него осталось, понимаешь? Я всё время под присмотром, и даже отправить письмо невозможно.

Элли задумалась, вперив взгляд в одну точку, а затем голос её приобрёл загадочный тон:

— Ну почему же невозможно?

Луиза вопросительно посмотрела на неё.

— Я помогу тебе с этим — твердо заявила она.

— За мной следят не так пристально, а до моих служанок и вовсе никому нет дела, так что...

Она перешла на хитрый шёпот:

— Пиши письмо своему дяде, а ночью я пришлю к твоим воротам прислугу, которая завтра же всё и отправит.

— Т-так просто? — спросила не верившая своим ушам Луиза.

Внутри неё смешалось столько эмоций, что выразить благодарность вежливо уже не представлялось возможным, потому девушка с радостным визгом бросилась обнимать свою спасительницу.

— Задушишь меня, сумасшедшая, — сдавленно смеясь, проговорила подруга.

В дверь постучались, и леди мгновенно утихомирились, вновь надев маски сдержанности и приличия. В комнату вошли Тильда и одна из служанок Элизабет.

Юная девочка обратилась к своей хозяйке:

— Госпожа, вам пора на урок музыки. Карета уже ждёт вас.

Элли грациозно поднялась и повернулась к Луизе:

— Благодарю за увлекательную беседу. Я обязательно на-

вещу тебя позже, и мы обсудим иные методы вышивания.

Луиза ответила ей зеркальной вежливостью, и та, незаметно подмигнув, покинула комнату.

В голове у девушки ураганом крутились тысячи мыслей, но главной была одна:

«Удивительный человек. За столь короткое время она подарила мне столько радости и надежды, что не выразить словами».

Тильда обратилась к просиявшей Луизе:

— Ты тоже не засиживайся. Все собираются на чаепитие, спускайся.

Через минуту Луиза уже сидела за столом в прекрасном расположении духа.

Отец и Август всё так же оживлённо что-то обсуждали, Тильда хлопотала на кухне, а Артур всё посматривал на Луизу — и тогда в её голове назойливо билась мысль: «Я ощущаю себя нагой под этим взглядом. От него хочется бежать». Когда же его внимание всё-таки переключалось, он периодически вставлял собственные рассуждения в разговор старших и внимательно следил за реакцией отца. Но тот будто не слышал сына вовсе.

По лицу молодого человека было видно, что это одновременно и злит его, и расстраивает, однако он сохранял спокойствие и раз за разом пытался вновь обратить на себя внимание.

Сама же Луиза едва могла усидеть на месте. Все дурные

мысли — вызванные как призраками, так и гадкими взглядами, — на время улетучились. Она думала лишь о дяде и о том, что совсем скоро он узнает, где она и в каком положении. А значит — обязательно поможет, как делал это всегда.

«Надо поскорее вернуться в комнату и подготовить письмо», — вот и всё, о чём она думала.

По телу растекалось приятное волнение, и, как бы Луиза ни старалась держать себя в руках, оно всё равно заставляло её улыбаться. Мужчины были слишком заняты беседой, чтобы обратить на неё внимание.

Однако кое-кто за столом принял её едва сдерживаемую улыбку на свой счёт.

Внезапно девушка вновь поймала на себе пристальный взгляд Артура. Молодой человек, к слову, обладал удивительно приятными, почти аристократическими чертами лица, которые отлично подчёркивали дорогая одежда и убранные в хвост волосы.

«Как странно», — вдруг подумала Луиза. — «Вот ведь бывает: смотришь на человека — и всё в нём ладно, но от него мороз по коже».

Рассматривая его, девушка подметила ещё кое-что: если раньше он смотрел на неё бесстыдно и нагло, то теперь в его взгляде читалась какая-то выдуманная, необоснованная обида, словно говорившая:

«Смеёшься надо мной? Что ж, теперь смотри, как умею смеяться я».

Вдруг он резко поднялся и громогласно произнёс:

— Господа, думаю, сейчас самое время немного прогуляться.

Август будто и не услышал — всё продолжал что-то рассказывать. Однако Джозеф всё же откликнулся:

— Полностью поддерживаю вашу идею, Артур.

В следующую секунду молодой человек, не меняя уверенного тона, произнёс:

— Вы позволите мне сопровождать вашу дочь, Джозеф?

Он так легко обратился к главе дома по имени, будто они были давними приятелями. В этом чувствовалось что-то вызывающе неуважительное.

Луизе идея прогулки совершенно не нравилась, однако её отец явно придерживался иного мнения, хоть сперва и растерялся.

— Д-да, конечно. Не вижу в этом ничего предосудительного.

Пусть это и было откровенно глупо, но девушка тут же схватила служанку под руку.

— Разумеется, Артур. Мы с Тильдой будем очень рады составить вам компанию!

Однако лицо мужчины мгновенно сделалось недовольным. Он пренебрежительно бросил:

— Думаю, у служанки есть и другие обязанности. Зачем же отвлекать её от работы?

Отец услужливо вмешался:

— Это верно. У Тильды полно дел. Ступай и покажи господину Артуру наш двор.

Стоило этим словам сорваться с его губ, как Тильда решительно высвободилась из хватки Луизы и покорно произнесла:

— Конечно, господин.

«Значит, лишний раз выйти за ворота дома я не могу, а оставаться наедине с малознакомым мужчиной — можно?» — раздражённо пронеслось в голове девушки.

Но спорить было бессмысленно, и потому она послушно повела за собой молодого человека, который теперь имел горделивый вид победителя.

Вскоре они в полном молчании вышли из дома. Лишь пройдя по меньшей мере сорок шагов, Луиза резко остановилась и демонстративно произнесла:

— Ну что же, господин Артур, вот наш двор.

Она и не пыталась скрывать неприязнь — ни к навязанной прогулке, ни к его бесстыдным взглядам за столом.

И, кажется, это не осталось незамеченным.

— Мне приятно ваше общество, Луиза, но отчего-то у меня есть ощущение, что вы не в восторге от моего.

От противной насмешливости в его взгляде не осталось и следа, а голос звучал мягко, почти чарующе, однако Луизу это нисколько не трогало.

— Ваши ощущения вас обманывают, Артур.

Не давая ему развить тему, она поспешно указала рукой

в сторону сада.

— Взгляните туда. У нас есть очаровательная скамья под деревом. Следуйте за мной.

Он тихо рассмеялся, и в глазах его сверкнуло явное предвкушение игры.

— Ведите же меня, мисс Бартвелл.

И, ступая за ней, с откровенным сарказмом добавил:

— Но хочу заметить... мне думается, что я уже где-то вас видел.

Дыхание Луизы участилось. Вспоминать тот унижительный конфуз ей совершенно не хотелось. А чего хотелось ещё меньше — так это оправдываться.

Тем временем Артур, театрально сводя брови, продолжал:

— Может быть, вы встретились мне в церкви? Или в пабе? А может... совсем недавно сбили меня с ног, и я разбил любимые часы? Всё никак не вспомню. А вы?

Он вперил в неё лукавый взгляд. Разумеется, от него не ускользнуло, как девушка мгновенно залилась краской. Напряжение будто начиналось с кончиков её пальцев и сгущалось прямо в воздухе вокруг них.

Молчание затянулось, и, видимо, Артуру захотелось разрядить обстановку.

— Бросьте, уверен, я что-то напутал!

Он широко улыбнулся, и, как бы Луизе ни хотелось это признавать, улыбка у него действительно была обаятельной.

— Знаете, мисс Бартвелл, я заметил, как вы веселились

за столом. Но вот незадача — сейчас вы совсем не смеётесь.

Артур по-прежнему улыбался, а голос его звучал вкрадчиво и даже мягко. Но девушка каким-то внутренним чувством совершенно ясно понимала: это была агрессия.

— Полагаете, причиной моего веселья были вы? Что ж, у вас необъятное самомнение, — парировала она, стараясь выглядеть как можно увереннее.

Мужчина помедлил секунду, а после совершенно невпопад произнёс:

— У вас очень редкий и притягательный цвет волос, Луиза, — он сделал шаг вперёд.

— Благодарю. Вы тоже им не обделены, — ответила девушка, отступая назад и сохраняя вежливую дистанцию.

Он вдруг замер, с усмешкой наблюдая за ней. Её напускная сдержанность явно забавляла его. Со стороны они выглядели как кот и мышь.

— Да и сама вы — женщина редкой красоты, — томно шепнул он и протянул руку, чтобы коснуться её лица.

Но Луиза ловко увернулась и возмущённо посмотрела на него.

— Не смейте! Одно ваше касание — и моя репутация будет разрушена!

Его рука так и зависла в воздухе, не достигнув цели. Через мгновение он устало выдохнул и опустил её, но отступить явно не собирался.

— Знаете, к вашему сведению, я отнюдь не смешон. Я наблюдателен.

Девушка не отвечала, лишь настороженно смотрела на него, попутно прикидывая, насколько громко нужно кричать, чтобы её услышали в доме.

— Такие женщины, как вы, мне знакомы. Вы хотите показаться неприступной крепостью, чтобы вскоре сдать... И я не против. Мне нравятся такие игры.

Он осторожно приблизился к ней и продолжил:

— У вас буйный нрав, но я ведь знаю, что в это отдалённое место вы привели меня, повинувшись тайным желанием. Я прав?

Самонадеянность сквозила в каждом его слове, а тем временем от вежливости Луизы не осталось и следа, и она со всем скопившимся ядом выпалила ему прямо в лицо:

— Отвратительный и жалкий лис! Неужели ваше эго настолько нежное, а нутро настолько озлобленное, что вы привыкли получать внимание принуждением и наглостью?

Каждое её слово вылетало словно пощёчина. Теперь уже и она сделала шаг к нему ближе.

— Но знайте же: я лучше лягу в землю, чем окажусь подле вас!

Такие манеры были совсем ей не свойственны, однако его поведение не оставило выбора.

— Осторожнее, дорогая, — оскалившись, ответил он.

Было очевидно: Артур пытался показать, что ему плевать

на сказанное, но девушка заметила, что после её слов он задышал чаще, а лицо его с каждой секундой всё сильнее багровело от злости.

— И вот ещё что, — не унималась Луиза. — Я тоже наблюдательна и заметила, как отчаянно вы пытаетесь быть услышанным отцом, но всё тщетно... Кажется, для него вы не больше, чем надоедливый ребёнок, который всё время мельтешит перед глазами.

Видя его молчаливую ярость, она победно улыбнулась и резко пошла прочь.

Однако он ещё не закончил.

Глубоко вдохнув, Артур гневно крикнул ей вслед:

— А вот что подметил я!

Девушка сделала ещё несколько шагов, не оборачиваясь, когда он продолжил:

— Ваше платье изношено, еда на столе скудна, а за единственную служанку вы хватаетесь, словно за мать!

Вся решимость девушки вмиг улетучилась. Его слова одно за другим будто вбивали её в землю.

— Ваш отец так отчаянно уступчив... — он снова приближался к ней, словно хищник, почуявший слабость. — Я уверен, что за разумную цену он простит мне любую шалость.

Она знала этого человека всего час, но уже ненавидела его. Ненавидела за то, что понимала: его слова не были лишены правды.

— Но если ты будешь покладистой... — он медленно

убрал выбившуюся прядь её волос, — то увидишь, насколько щедрым я могу быть.

На неё вдруг накатило бессилие, а глаза больно защипало, когда она уловила едва ощутимый аромат шафрана.

— Так что я действительно... кхм-кхм... действительно рекомендую...

Артур вдруг зашёлся кашлем.

— Что за чёрт? Кхм-кхм-кхм... Что такое?!

Луиза растерялась и молча наблюдала, как его губы постепенно начинают синеть.

— Я... я позову на помощь, — озадаченно пробормотала девушка.

Она и впрямь собиралась бежать за отцом, когда вдруг Артур вихрем промчался мимо неё, стремительно удаляясь прочь с территории дома.

Луиза так и осталась стоять на мокрой траве, не в силах собрать произошедшее воедино.

— Что это сейчас было?..

Ответ напрашивался сам собой, но ещё не достиг осознания.

Она вздрогнула, услышав за спиной уже знакомый и удивительно спокойный голос:

— Это мои розы.

Призрак стоял позади неё, вальяжно сложив руки за спиной.

Она обернулась, и взгляд её был совсем как у испуганного

котёнка.

— Розы... что?

Он всё так же спокойно повторил, чуть задрал подбородок:

— Ты стоишь на моей розе.

Девушка подняла ногу и заметила под ней смявшийся чёрный бутон. Она и вправду наступила на ветвь того самого погибшего, как ей казалось, куста.

— Прости, я не хотела, — само сорвалось с её губ.

Он недовольно фыркнул:

— Ещё бы.

Призрак развернулся, собираясь уйти, но она поняла: если не спросит сейчас, то, возможно, не спросит уже никогда.

— Этот человек... его кашель... Это ведь произошло не просто так, верно?

Он посмотрел на неё со скучающим видом.

— Как же много вопросов ты задаёшь. К счастью, я не намерен отвечать.

Теперь всё его существо выражало горделивость. Он направился дальше, и она выкрикнула ему в спину:

— Я не крала твой портрет!

Теперь он остановился и вопросительно обернулся. Луиза поняла — это шанс продолжить разговор.

— Ты сказал моей матушке, будто я украла его, но это не так.

Тут она впервые увидела, как лёгкая улыбка тронула его

губы.

— О, неужели? — в его словах звучал откровенный сарказм.

Всё ещё держа руки за спиной, он театрально вышагивал с каждым новым словом:

— Давай-ка разберёмся. Ты взяла вещь, которая тебе не принадлежала, и тайком утащила её под свою постель без всякого стыда! Это ты называешь «не крада»?!

Странно, но, пока он отчитывал её, она подметила то, чего не успела заметить ночью: когда его образ не освещался лунным светом, он вовсе не казался таким жутким.

Засмотревшись, Луиза даже не уловила половины сказанного. Внимание вернулось лишь тогда, когда он заключил:

— Впрочем, меня совершенно не интересуют подробности твоего злодеяния.

После этого он развернулся и пошёл прочь.

Девушка больше не смела его останавливать и лишь едва слышно, но до невозможности искренне, прошептала:

— Спасибо тебе за помощь.

Удивительно, но, несмотря на приличное расстояние между ними, он всё же услышал её, но даже не обернувшись, пренебрежительно бросил:

— Не понимаю, о чём ты.

После чего исчез так же внезапно, как и появился.

Луиза, переводя сбившееся дыхание, опустилась на землю, чтобы поправить ту самую ветвь, на которую случайно

наступила.

Стоило ли удивляться тому, как быстро зацвёл ещё позавчера умирающий куст? Нет, не стоило.

Она лишь поправила ветвь и побрела обратно к дому.

На пороге её встретил отец.

— Вы уже закончили прогулку? А где же господин Артур?

Девушка, проходя мимо и даже не взглянув на него, монотонно ответила:

— Ему стало дурно, и он покинул меня.

Август, стоявший неподалёку, тут же бросился к ней с вопросами:

— Дурно? Что произошло? Где он?

И только после долгих и утомительных объяснений её наконец оставили в покое.

Луиза шумно захлопнула дверь своей спальни.

«Мерзкий лис. Как он посмел?..»

Нужно было успокоиться. Сделать несколько медленных вдохов.

«К дьяволу все эмоции. Письмо».

Усевшись за стол, она заставила себя отбросить чувства и с надеждой принялась писать:

«Дорогой дядюшка, вы наверняка сбились с ног в поисках нас. Отец строжайше пресек любую связь с вами, но, если вы читаете это письмо, значит, мне удалось обойти запрет.

Маме нужен доктор, но отец считает, что нам это сейчас не по карману. На деле же, дядюшка, нам теперь не по

карману абсолютно всё.

Я бы не просила вашей помощи, но жестокость отца день ото дня становится всё страшнее. Я почти всё время провожу в доме, мне запрещено выходить, но это не самое ужасное. Очень скоро у нас не останется еды, и, как мне кажется, отец ничего не собирается с этим делать. Его состояние пугает меня... Он раздражителен, почти не спит и мало ест.

Я не знаю, что происходит, но очень рассчитываю на вашу помощь.

С любовью,

ваша племянница Л.Б.»

Девушка утёрла выступившие слёзы, свернула письмо и спрятала его в складках простыни.

«Остаётся надеяться, что Элизабет сдержит обещание и всё это не какая-то злая шутка».

Нужно было отвлечься. Развеемся. Но как это сделать в доме, полном тайн?

Мысли её невольно вернулись к призраку, существование которого теперь порождало не страх, а вопросы.

Вспомнился Артур и его внезапный приступ кашля.

«Я уверена, что без его вмешательства не обошлось... пусть он и отрицает».

Луиза наводила порядок в шкафу и размышляла о случившемся.

«Ещё ночью я была напугана до чертиков одной мыслью о нём, а сейчас...»

Она закрыла шкаф и устало выдохнула.

«Сейчас я благодарна ему».

Усидеть на месте было невозможно, и потому девушка начала нервно ходить по комнате.

«Кто он? Как его зовут? Как умер? И как давно находится здесь?»

И вдруг ей в голову пришла мысль, о которой прежде она не задумывалась:

«Выходит, он заперт здесь... один».

«Но один ли? Кого я мельком видела в коридоре? Что вообще творится в этом доме?»

Путаясь в собственных мыслях, Луиза измученно прижала ладонь ко лбу.

И пусть она совершенно ничего не знала о призраке, в ней вдруг проснулось сожаление.

«Как бы там ни было, участь заточённой души ужасна».

Ей внезапно захотелось узнать о нём всё. О духе, с которым волей судьбы она теперь делила своё существование.

«С чего бы начать? Я должна попасть в город, но после вчерашнего это совершенно точно плохая затея — отец всё ещё зол из-за моей выходки».

Она задумчиво постукивала пальцами по столу.

«Из-за последних событий, отнявших у меня все силы, я так и не успела осмотреть дом целиком. А ведь он огромен».

Пальцы замерли.

«Да. Я должна исследовать остальную часть».

Усидчивость никогда не была сильной стороной Луизы, а потому она резко вскочила с места и покинула комнату.

— Итак, где старые дома обычно хранят свои тайны?..

Она смело шагала по коридору, размышляя вслух:

— Что-то мне подсказывает — это обязательно должен быть чердак. Вот с него и начну.

«Боже, не верю, что произнесла это вслух. Да, Луиза Бартвелл, у тебя определённо проблемы».

Девушка потянула на себя чердачную лестницу.

— Ещё год назад, попивая чай с различными леди, я и подумать не могла, что буду рыться на чердаке...

Платье вдруг зацепилось за край лестницы, и она, не жалея ткани, резко рванула его на себя.

— ...чтобы понять хоть что-то о призраке, живущем рядом. Но теперь это кажется самым логичным из всего, что могло прийти мне в голову.

Поднявшись наверх и оказавшись в полной темноте, девушка поставила свечу на пол, выпрямилась, отряхнулась и наконец огляделась.

— Ох... да здесь и целого дня не хватит, чтобы всё осмотреть.

Она осторожно шагнула вперёд, проводя рукой по истлевшему кружеву — первому, что бросилось ей в глаза.

— Это чьё-то памятное платье...

Луиза двинулась дальше. Теперь её внимание привлёк старый деревянный станок.

— А это наверняка принадлежало какому-то мастеру...

Вокруг царил хаос из самых разных вещей. Чего здесь только не было: сервизы, картины, игрушки и даже чьи-то забытые, истерзанные временем дневники.

Оставалось лишь гадать, сколько же людей когда-то жило в этом доме.

— А вот это уже может быть интересно...

Луиза остановилась перед ворохом пожелтевших писем, заботливо скрытых под массивным ящиком.

— Здесь должно быть хоть что-то...

Руки перебирали лист за листом, пока взгляд не зацепился за знакомые имена:

«От Анны — Лестеру».

Схватив письмо с жадностью оголодавшего пса, дорвавшегося до кости, она уже собиралась развернуть его, как вдруг всё её тело вздрогнуло от прозвучавшего во мраке голоса:

— Дай-ка угадаю... ты испытываешь моё терпение?

Узнаваемый тембр звучал, как всегда, спокойно, но Луиза вдруг почувствовала себя пойманной, и сердце её забилось быстрее.

— Или это результат твоего скудоумия? — продолжал он.

С чувством стыда она обернулась к призраку — тот всё продолжал говорить, и напор его лишь усиливался.

— Или, быть может, всё вместе? Иначе я не могу понять, почему ты снова роешься в моих вещах!

Глаза девушки были опущены в пол, а руки за спиной тем временем осторожно сворачивали письмо.

— Я просто исследую дом, в котором живу... — виновато прошептала она.

Призрак усмехнулся.

— О, я не идиот.

Он лениво двинулся вокруг неё, будто заранее зная исход разговора

— Ты пытаешься найти что-то, что поможет тебе узнать обо мне больше. И, право слово, для людей это нормально. Но наша с тобой ситуация не самая обычная, не так ли?

К тому моменту, как он оказался у неё за спиной, Луиза уже спрятала письмо в складках платья.

— И мне никак не понять, в какой момент ты настолько осмелела, что позволяешь себе подобное?

Обойдя девушку, он остановился прямо напротив неё.

Озарённый светом свечи, он выглядел пугающе, однако в голове Луизы вдруг вспыхнул совершенно неуместный вопрос:

«У него карие глаза?..»

Пауза затянулась.

— Твоё молчание мне понятно, но послушай меня... как тебя там? Лукреция?

Внутри девушки мгновенно вспыхнуло возмущение. Он

мог вести себя как угодно, но коверкать её имя — нет.

— Луиза! — она и сама удивилась твёрдости собственного голоса.

Призрак на секунду замер, а затем всё с тем же раздражённым видом продолжил:

— Так вот, Элаиза, твоя смелость, конечно, забавляет меня, но ты забываешься.

Он резко задул свечу, оставив их в кромешной темноте.

Голос его стал тихим, почти шипящим:

— Ты спокойно ходишь, спишь и ешь в моём доме только потому, что я позволяю тебе это делать!

В полной темноте невозможно было понять, откуда именно доносится его голос. Луизе казалось, будто он звучит сразу отовсюду.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал твоё пребывание здесь невыносимым?

В его тоне сквозил откровенный яд угрозы, но, как ни странно, страх, который он так старался внушить девушке, вдребезги разбивался о её благодарность за спасённое достоинство.

Она вдруг ясно ощутила: он не был злом, а все происходящее — лишь театральное представление.

— Я тебя не боюсь, — мягко сказала она.

— Я знаю, что сегодня ты помог мне.

Воцарилось молчание. Луиза уже успела подумать, что снова осталась одна, когда он вдруг заговорил. Теперь голос

звучал совершенно обычно — скучающе и даже устало:

— Это было не ради тебя. Я просто не терплю мерзавцев.

Вокруг царил тьма. Девушка стояла на чердаке рядом с нечистью, однако страха больше не было.

Лишь искренняя благодарность.

— И тем не менее я никогда не забуду твоей помощи, господин Призрак.

Несколько мгновений они снова провели в тишине, а затем тихий голос произнёс:

— Лестер.

— Что?.. — по наитию переспросила девушка.

Но в этот момент дверца чердака внезапно распахнулась.

Внутри хлынул свет, и она увидела Тильду.

— Луиза, ты чего здесь?

Девушка мгновенно огляделась, но, разумеется, уже была одна.

— Я сейчас, Тильда, — прозвучал ответ..

Служанка, спускаясь обратно, бормотала себе под нос:

— Сидит тут в темноте... вот чудная.

Глава четвёртая: живым вход воспрещён

Немного оправившись, Луиза поспешила вниз.

Дом снова сотрясался от звуков, доносившихся из кабинета отца: что-то глухо падало, стекло звенело о пол.

— Что ж, вечер идёт как обычно, — безжизненно прошептала девушка.

Не успела она оказаться в холле, как из кабинета Джозефа стремительно выскочила Тильда.

— Что происходит? — тут же спросила девушка.

— Не бери в голову! Ты лучше вот что... — служанка протянула Луизе небольшой бумажный свёрток. — Ступай прямо сейчас в город! У твоей матушки кончились лекарства.

Она слегка вздрогнула, когда в кабинете Джозефа особенно громко разбилось что-то стеклянное.

— То есть как? Сейчас? Одна?! — ошеломлённо переспросила Луиза.

— Сейчас и одна! Карета ждёт! — нетерпеливо проговорила Тильда, накидывая шаль на плечи девушки.

— Но разве отец отпустит? Что там вообще происходит? — не унималась Луиза, пытаясь добиться хоть каких-то объяснений.

— Просто немного зол. Иди скорее! — Тильда уже почти бесцеремонно выпихивала её за порог.

Луизе ничего не оставалось, кроме как подчиниться. И прежде чем дверь с грохотом захлопнулась, Тильда крикнула ей вслед:

— И позаботься о том, чтобы глупости не завладели твоим разумом! Тебе нужно вернуть расположение отца!

Оставшись в одиночестве на промозглом от дождя крыльце и совершенно не понимая, что происходит, Луиза подумала:

«Ощущение такое, будто меня выгнали».

Она развернулась и неуверенным шагом направилась к воротам.

«Ох, я впервые без конвоя. Может, даже удастся поговорить с кем-нибудь».

Поразмыслив об этом ещё несколько мгновений, девушка устроилась в карете, и та тронулась.

По дороге Луиза разглядывала уже знакомые места и почти каждое сопровождала тихим шёпотом:

— Булочная «У Барни»... здесь мы были с Тильдой.

Невольно вспомнились трущобы.

— А это свечной магазин. Надо бы как-нибудь туда заглянуть.

Карета ехала дальше, и вдруг взгляд девушки зацепился за небольшое обветшалое строение.

— А этого места я раньше не видела...

Она вчиталась в вывеску:

— «Дом спиритизма мадам Клейн».

Глаза её мгновенно округлились.

— Вот оно!

Поглощённая эмоциями, Луиза совершенно забыла о присутствии кучера.

— Мисс, всё в порядке? — обеспокоенно спросил он.

— Да... простите, — тихо ответила девушка.

Суховатый мужчина бросил на неё быстрый взгляд и вскоре остановил карету у лекарни.

«Мне нужно попасть в этот дом. Там наверняка найдутся ответы на мои вопросы».

Но свернуть с заданного кучеру маршрута она не могла — об этом обязательно стало бы известно. Потому Луиза вышла из кареты и послушно направилась в лекарню.

Внутри пахло чем-то резким и терпким.

— Добрый вечер, мадам, — с улыбкой проговорила Луиза, вчитываясь в свёрток, данный Тильдой. — Я ищу доктора Стивенса.

Миниатюрная женщина прищурилась, выпрямилась и заговорила:

— Сегодня я заменяю его здесь! Меня зовут Мария. А вы Клаудия Бартвелл?

Девушка отрицательно мотнула головой.

— Её дочь — Луиза Бартвелл.

Женщина учтиво поприветствовала посетительницу, юркнула под прилавок и спустя минуту вручила ей небольшой тканевый мешочек.

Луизе полагалось взять его, улыбнуться и направиться к выходу, однако она не сделала этого.

— Простите, Мария... я могу полюбопытствовать кое о чём? — неуверенно заговорила она.

— Разумеется, — захлопав глазами, ответила женщина.

Луиза убедилась, что других посетителей в аптеке нет, и только после этого продолжила:

— Вы знаете что-нибудь о доме спиритизма, что находится на вашей улице?

Женщина вдруг растерялась.

— Как не знать? Знаю... — беспокойно произнесла Мария, а после опёрлась на прилавок и продолжила.

— Мадам Клейн проводит там весьма... специфичные сеансы. Люди приходят к ней, чтобы говорить с усопшими.

Глаза женщины сузились.

— Жуткое место, мисс Бартвелл! А почему вы спрашиваете?

Сама не понимая отчего, Луиза тоже заговорила тише:

— Понимаете ли... дело довольно деликатное. И мне очень нужно попасть туда, чтобы поговорить с ней.

Взгляд Марии оставался недоверчивым, но, похоже, к человеческим странностям ей было не привыкать.

— Это будет непросто. Мадам уже в крайне почтенном

возрасте и приезжает сюда редко — всего раз в неделю, по четвергам.

Стало ясно: большего Луиза от неё не добьётся. Но и этого оказалось достаточно.

— Благодарю вас за беседу. Хорошего вечера.

Она вышла из аптеки и направилась обратно к карете, как вдруг на другом конце улицы заметила знакомую одинокую фигуру.

Не смущаясь дождя и холода, прямо на брусчатке, прислонившись спиной к стене, сидела та самая девушка из булочной — или, как мысленно окрестила её Луиза, беременная Салли.

Их первая и единственная встреча прошла скверно. Все эти дни Луиза думала, чем же заслужила тот презрительный взгляд. Наверняка правильнее всего было бы пройти мимо, сесть в карету и навсегда забыть об этой несчастной. Но правильные вещи никогда особенно не привлекали Луизу. Поэтому, набравшись смелости, она зашагала прямо к девушке.

— Салли! Ты ведь Салли, верно? — осторожно спросила Луиза, подходя ближе.

Та явно не обрадовалась её появлению. Убрал с лица чёрные как смоль волосы, девушка внимательно взгляделась в незваную гостью.

— Кто такая? Чего надо? — настороженно спросила она. Луиза, как и велели выученные с детства приличия, слег-

ка поклонилась.

— Моё имя Луиза Бартвелл. Мы виделись в булочной на днях, но ты, наверное, не помнишь. Знаешь, я лишь хотела...

От волнения язык начинал путаться.

— На улице дождь, а ты сидишь прямо здесь... — она растерянно обвела рукой пустую холодную улицу, не зная, как подобрать слова.

Однако Салли перебила её своим хриплым, почти каркающим голосом:

— Мешаю?

Глаза Луизы тут же округлились, и она поспешно принялась оправдываться:

— Нет-нет, что ты! Я лишь хотела предложить подвезти тебя. Где ты живёшь?

Салли всмотрелась в неё внимательнее. В глазах мелькнуло что-то незнакомое, а затем она лишь отмахнулась.

— Не надо мне! Я тут недалеко живу — пара минут. Сама дойду.

Она тяжело поднялась, придерживая живот и явно собираясь уйти, когда Луиза остановила её лёгким прикосновением.

— Даже если пара минут... всё равно...

Девушка вдруг сняла с себя шаль и накинула её на продрогшие плечи Салли.

— Возьми. Я в карете не замёрзну.

Видимо, этот жест всё-таки тронул несчастную, потому

что на её лице не осталось и следа былой дерзости. Напротив — глаза вдруг заблестели. И если бы Луиза лучше разбиралась в людях, то поняла бы: в них читалась болезненная благодарность.

— Спасибо... — глухо произнесла Салли.

После этого она развернулась и, укутавшись в шаль, побрела прочь по мокрой улице.

И в тот момент, наблюдая за удаляющейся фигурой, Луиза вдруг ясно поняла: нет у нее никакого дома.

— Подожди минутку! — крикнула она вслед девушке и бросилась за ней. Догнав, осторожно ухватила под локоть и повела к карете.

— Куда ты ведёшь меня?.. — испуганно спросила та, однако сопротивляться почему-то не спешила.

— Сама ещё не знаю... — честно ответила Луиза. — Но скажи, когда ты в последний раз ела?

Спустя минуту обе уже сидели в карете. Луиза попросила кучера отвезти их к ближайшей закусочной, и тот, хоть и был явно не в восторге от новой пассажирки, всё же повиновался.

В пабе, у которого карета остановилась спустя каких-то десять минут, стоял удушливый запах жареной баранины, отчего Луиза слегка поморщилась, а вот Салли, напротив, в предвкушении заёрзала на стуле.

Девушку было откровенно жаль. Луизе хотелось расспросить её о самых разных вещах, но как только принесли обещанную еду, Салли набросилась на неё с такой жадностью,

что стало ясно: лучше дожидаться, когда та сама будет расположена к беседе.

— Вот, возьми ещё молока.

Луиза протянула ей чашку, и та без раздумий приняла её, жадно отхлебнув. Через пару минут Салли наконец закончила есть и проговорила:

— Как же приятно быть сытой!

Теперь в её взгляде не было прежней жуткой подавленности. Напротив — он наконец приобрёл живость.

— Не стоит благодарности, — ответила Луиза.

— А теперь, — мигом стерев улыбку с лица, начала Салли, — говори, что от меня за это требуется!

— Мне за это вовсе ничего не нужно! — тут же возмутилась девушка.

Но Салли подозрительно прищурилась.

— Нет! Так не пойдёт. В долгу быть нельзя! — заявила она. — Может, спросить чего хочешь? Мне тут всё обо всех известно!

Луиза мало знала о правилах общения людей из других слоёв общества, а потому заключила: раз требуется услуга за услугу — значит, так тому и быть. Конечно же, первое, что пришло ей на ум, было:

— О том доме что-нибудь знаешь?

Она осторожно повернула голову девушки к окну, откуда открывался вид на далёкое строение, в котором теперь и жила Луиза.

Салли пригляделась и, пожав плечами, хмыкнула:

— Особняк как особняк. Старый и разваливающийся. Ты о людях спрашивай! Преимущественно о мужчинах! — она многозначительно улыбнулась. — Может, интересуется кто?

— Никто меня не интересуется! — с лёгкой обидой заявила Луиза.

Всё же леди даже думать о подобном не следовало, и Салли, увидев реакцию невинной девушки, громко расхохоталась.

— Ладно, ладно, поняла. Но что же, ты даже никого не знаешь?

Она упёрлась локтями в стол.

— Не знаю?.. — Луиза задумалась. На ум пришёл только один, и крайне скверный, человек.

— Разве что Артур Бишеп. Слышала о таком? — тихо спросила она.

Салли неприятно поморщилась и хлопнула ладонью по столу.

— Да кто ж не знает это поганое семейство?

Луиза устремила на девушку вопросительный взгляд, и та продолжила:

— Август, который папашка, едва ли не всю городскую торговлю держит, — Салли говорила без всякой опаски. — Да только работать на него желающих не так много. И обмануть может, и покалечить. Был случай, когда он велел забить беднягу за то, что тот важному гостю не угодил. И забили

ведь. Насмерть, понимаешь?

Она поджала губы.

Луиза в изумлении прикрыла рот ладонью, готовясь услышать продолжение.

— А отпрыск его, Артур, — частый гость в нашем заведении. Сама с ним дел не имела, да и он услугами наших девиц не пользуется. Однако дружки его под покровительством этого паршивца чего только не творят в стенах нашего борделя. И сделать никто ничего не может — связи, понимаешь ли.

Девушка негодуяще развела руками, размышляя, что ещё рассказать, а тем временем Луиза сидела не шевелясь и всё пыталась осознать, в какое общество попала.

— Ну и эта... как её?.. — Салли напрягла память. — Ах да! Элизабет!

Она придвинулась ближе и перешла на шёпот:

— Слух ходил, что в прошлом году эта святоша повелась с каким-то приезжим французом, а потом поговаривали, что и дитя от него носила. Да вот только выносила ли — никто не знает. Девица на несколько месяцев пропала. Отец её быстро все слухи замял. Ох и скандал тогда был...

Закончив, Салли шумно выдохнула и снова откинулась на спинку стула.

— Такие дела, — заключила она, глядя на явно не готовую к подобной правде собеседницу.

— Но откуда тебе так много известно? — ошеломлённо

спросила Луиза.

В ответ девушка допила остатки из бокала, улыбнулась и приглушённо сказала:

— Тайны есть у всех. Нужно лишь уметь слушать.

Луиза, взбудораженная таким количеством информации, совершенно растерялась. Однако, немного помедлив, поняла, что есть ещё кое-кто, чья судьба интересует её не меньше.

— Скажи, Салли... давно ты живёшь на улице?

Девушка отвела взгляд в сторону и вся будто сжалась.

— Да пару дней всего. Не бери в голову, я справляюсь! — отмахнулась она.

«Ну да, то-то я и вижу», — подумала Луиза, но вслух ничего не сказала. Лишь продолжала испытующе смотреть на собеседницу, и та, не выдержав, выпалила:

— Ну что?! Да! Беременных в борделе содержать не любят! Пусть катятся — сама разберусь!

Она тут же осеклась, поняв, что явно сболтнула лишнего. Глаза её забегали — девушке стало стыдно.

— За еду тебе спасибо... только жалости мне не надо. Я пойду.

Она поднялась, и только теперь Луиза заметила, насколько большим был её живот.

— К какому сроку ты должна разрешиться, Салли?

Тяжело вздохнув, та ответила:

— Думается мне, к концу осени. Но точно не знаю. Сейчас немного заработаю и поеду к сестре в Шардинг.

Луиза осторожно усадила её обратно, продолжая расспрашивать:

— Это довольно скоро... А кто же отец?

Салли вдруг многозначительно замолчала, и девушка тут же устыдилась собственного вопроса.

«С её образом жизни откуда ей знать?..»

— Если тебя выгнали, то как ты собираешься зарабатывать?

Наивные и в чём-то даже глупые вопросы Луизы явно не доставляли девушке удовольствия, но отчего-то она всё равно продолжала отвечать.

— Ну, знаешь... ведь есть мужчины, которым...

Глаза её заморгали чаще, а голос стал тише.

— Которым нравится делать разные вещи с женщинами в моём положении.

Как только Луизе стало ясно, о чём речь, она тут же ощутила приступ тошноты.

— Боже мой, Салли, нет!

Она прикрыла рот рукой и искренне спросила:

— Я могу помочь?

Конечно, чем именно могла помочь Луиза, которая и себя-то спасти никак не могла, она не знала. Однако, видя всю эту безысходность, просто не могла остаться безучастной.

Салли долго всматривалась в собеседницу и, видимо, искренность девушки всё же тронула её.

— Ты уже помогла, — успокаивающе проговорила Салли.

— Гляди-ка: на мне тёплая шаль, а нутро согрето пищей. Ты сделала для меня больше, чем кто-либо другой, милая добрая Луиза.

Она легонько провела рукой по рыжей копне её волос.

— А теперь прости, но я должна работать.

Салли поднялась и направилась к одутловатому мужчине с сальным взглядом, который с самого начала пожирал девушек глазами.

Возразить Луиза не могла, но всё же довольно крепко ухватила её за руку.

— Салли...

Та мягко улыбнулась и тихо шепнула:

— Тебе пора.

В тяжёлых мыслях девушка направилась к карете и к дому возвратилась уже к сумеркам.

Подходя к воротам, она отбросила все переживания и сосредоточилась лишь на одной мысли: «Служанка, посланная Элизабет, должно быть, скоро будет здесь».

Войдя в дом, первое, на что обратила внимание Луиза, — тишина.

«Выходит, отец уже успокоился», — с надеждой подумала она, однако где-то внутри таилось недоброе предчувствие.

Преодолев холл и войдя в гостиную, девушка увидела Тильду. Служанка протирала старый сервиз, но Луиза слыш-

ком долго жила рядом с ней, чтобы не замечать очевидно-го. Сейчас, с напряжённой сосредоточенностью полируя маленькую чашку, женщина буквально кипела от гнева.

— Тильда, я здесь, — негромко проговорила девушка.

Было очевидно: служанка слышала её, однако намеренно не собиралась поворачиваться.

— Я сделала всё, что ты просила.

Луиза осторожно положила мешочек с лекарствами на небольшой столик, когда Тильда всё же резко обернулась, отбросив тряпку.

— Изволь объяснить, где так долго тебя носило?!

Девушка сцепила пальцы в замок.

— Я просто... поболтала с одной...

Тильда прервала её резким жестом ладони и тут же вспыхнула:

— А знаешь, неважно! Что ты, что твой отец — вы скоро меня с ума сведёте!

С этими словами она собрала оставшиеся чашки и с небрежным позвякиванием унесла их прочь.

Луиза осталась стоять посреди зала, не понимая, что произошло здесь в её отсутствие. Да, она виновата в том, что задержалась с Салли, но что успел натворить отец? Неужели снова взялся за старое?

В довершение её мыслей со стороны отцовского кабинета послышался характерный звук — звонкий всплеск жидкости, ударившейся о стеклянное дно.

Всё стало ясно.

Ведомая обидой, Луиза направилась на звук. Как и ожидалось, отец сидел в своём кабинете, развалившись в кресле у стола, на котором красовалась почти пустая бутылка бренди. Его тусклый взгляд медленно сфокусировался на девушке.

— Ох, а вот и моё дитя! — тягуче проговорил он, снова наполняя фужер.

— Проходи, садись, дочка.

С этими словами он достал второй бокал и с глухим стуком поставил его на стол.

Луиза поморщилась, но промолчала и с места не сдвинулась.

— Что такое? — сбивчиво промычал он.

— Осуждаешь меня?

Он смазано улыбнулся и пригрозил пальцем.

— А вот этого не надо!

Мужчина попытался подняться с кресла и не смог. От бессилия голос его привычно сорвался на крик:

— Осуждений и унижений мне хватило от твоей матери — их я терпел! Но от собственной крови и плоти терпеть не стану, так и знай!

Он продолжал что-то говорить, однако Луиза уже не слушала. Молча развернувшись, она поднялась к себе.

Всё, что сейчас было нужно, — письмо.

«Скорее бы покинуть этот сумасшедший дом», — думала девушка, быстро поднимаясь по лестнице.

Забрав драгоценный клочок бумаги, она покинула комнату и тихо вышла через дальнюю дверь прямо во двор.

Вечер встретил её пронизывающей свежестью. Осторожно устроившись неподалёку от ворот, Луиза принялась ждать.

Время шло. Становилось всё холоднее, от сырости клонило в сон, но девушка продолжала всматриваться в темноту за воротами с одной лишь мыслью:

«Это мой единственный шанс, и я буду ждать хоть всю ночь».

Временами она оборачивалась к дому, вглядываясь в пустующие провалы окон, в комнаты, где они с Тильдой ещё даже не бывали. И от одной мысли о том, что могло скрываться в тех стенах, ей становилось ещё холоднее.

Так прошло какое-то время.

Луиза потёрла плечи и тихо зевнула, когда вдруг заметила неподалёку, на крыльце, уже знакомый благородный силуэт.

Сколько он стоял там — неизвестно, но призрак будто ждал, когда девушка обратит на него внимание. И когда это наконец произошло, нарочито громко произнёс:

— Ждёшь гостей, Элаиза?

Высокомерный голос разрезал тишину.

Луиза встрепенулась, тут же нервно приложила палец к губам и оглянулась:

— Не шуми, прошу!

Однако её просьба, похоже, нисколько не волновала призрака — на шёпот он не перешёл.

— Ох, не тревожься. Даже если я буду кричать до хрипоты, всё равно никто не услышит. Поверь мне... я проверял.

Он беззаботно шагнул вниз по ступеням.

Лицо его оставалось беспечным, однако при этих словах в глазах мелькнуло что-то болезненно-печальное.

«Даже думать не хочу, что он испытывал, когда это проверял», — невольно подумала Луиза, мгновенно проникнувшись сочувствием.

От его общества ей почему-то становилось спокойнее. Что было странно, ведь он буквально являлся нечистью этого дома. И всё же девушке не хотелось, чтобы он уходил, а потому она поспешила продолжить разговор:

— Лестер... — произносить его имя всё ещё было непривычно. — Скажи, ты случайно не был свидетелем того, что происходило в доме, пока меня не было?

Призрак на миг застыл в раздумье, а после заливисто рассмехался. И смех его вышел поразительно красивым — настолько, что Луиза не могла этого не отметить, пусть повод для него и был весьма обидным, ведь смеялись-то над ней.

— Считаешь, я караульный?

Он игриво склонил голову набок, а голос его стал чуть тише.

— Элаиза, даже чтобы просто говорить с тобой, я трачу

очень много энергии. Неужели ты думаешь, что стал бы расходовать её ещё и на твоего убогого старика?

Внимание девушки зацепилось лишь за одно слово. «Энергия».

Это был шанс узнать хоть что-то о потустороннем мире, но как спросить так, чтобы не прозвучать навязчиво или, хуже того, безумно, она не знала.

— О чём ты говоришь? — тихо спросила Луиза, игнорируя холодный ночной воздух, покрывавший кожу мурашками.

Лестер поднял взгляд к тёмному небу и едва заметно улыбнулся.

— Я не обязан объясняться.

Укол обиды кольнул девушку, однако ей ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

— Ты прав, не обязан. Я разберусь сама. Недавно я как раз видела книгу с учениями о загробном мире.

Призрак тут же ошетинился:

— Копалась в моей библиотеке?!

— Теперь это моя библиотека! — упрямо бросила девушка.

Руки Лестера горделиво сложились за спиной, а взгляд мгновенно похолодел. Не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы понять: он оскорблён.

Почувствовав, что диалог начинает сворачивать совсем не туда, Луиза поспешила смягчиться:

— Ладно, прости за резкость. День был сложный, понимаешь?

Лестер перевёл на неё возмущённый взгляд, но уходить не спешил. И Луиза неожиданно почувствовала, что ему, как и ей, совсем не хочется обрывать этот разговор.

— Позволь разобраться, — вкрадчиво проговорила она.

— Если ты так бережёшь свою энергию, то зачем тратишь её на жуткие послания?

Мужчина вопросительно вскинул бровь.

— Царапины в моём шкафу. Предупреждение запираТЬ засовы, — пояснила девушка.

Призрак задумался, а затем произнёс три до боли жутких слова:

— Не моя работа.

Луиза и прежде подозревала, что это не его рук дело, однако мысль о том, что в доме присутствует ещё что-то, была совсем неутешительной.

Молчание затянулось, и Лестер, заметив это, произнёс:

— Бояться тебе нечего, уверяю. Однако засовы и впрямь лучше запираТЬ.

Ещё пять минут назад Луиза умирала от холода, а теперь от этих слов её будто окатило жаром.

— Что ещё есть в доме? — прямо спросила она.

Лестер отрицательно мотнул головой и слегка улыбнулся:

— Это мы обсуждать не будем. Знай главное — бояться нечего.

— Но как же...

— Задай другой вопрос, — перебил призрак, ясно давая понять: ещё немного — и разговор закончится вовсе.

Собрав остатки смелости и стараясь не позволить голосу дрогнуть, Луиза тихо спросила:

— Значит... тебя совсем никто не слышит и не видит?

Призрак посмотрел на неё снисходительно.

— Ну, ты ведь это делаешь.

Он подошёл чуть ближе и продолжил:

— Некоторые тоже могут. Просто для этого человеку нужно быть... — он ненадолго задумался, подбирая слова, — в определённом состоянии разума. Понимаешь?

Луиза удивлённо смотрела на него. Сейчас в его голосе не было привычной язвительности. Напротив — Лестер вдруг говорил с ней почти откровенно.

— Если честно, не очень, — призналась она, ожидая насмешки.

Но её не последовало.

Лестер лишь кивнул:

— Я объясню. Такое бывает, когда человек находится в изменённом состоянии сознания. Например, пьян.

Он поправил рукав и продолжил:

— Или когда разум очень чист — как у детей... или как у...

Луиза договорила за него:

— Как у моей мамы.

На секунду ей показалось, будто на его лице мелькнуло сожаление.

— Верно, — тихо произнёс он. — И есть такие, как ты.

Он указал рукой на девушку, мельком оглядев её с ног до головы.

— Которые по какой-то неведомой причине способны соприкоснуться с такими, как я.

Тёмные глаза Лестера сверкнули в темноте.

— Но это ещё не всё.

Мелькнула его белая улыбка.

— Есть и те, кто не видят и не слышат... но чувствуют.

Он подошёл почти вплотную, и голос его стал тише:

— Таких я встречал всего пару раз, но они всегда как...

— Как кто? — замороженно спросила девушка.

Не отводя от неё взгляда, Лестер махнул рукой в сторону ворот.

— Как она.

Луиза резко обернулась.

За воротами стояла служанка и не решалась приблизиться.

Позабыв обо всём, девушка метнулась к ней.

— Ты от Элизабет? — задыхаясь от бега, спросила она.

Молодая служанка коротко кивнула, и Луиза, не теряя времени, сразу достала письмо из складок платья и протянула его через прутья ворот.

— Возьми, пожалуйста!

Листок дрожал в напряжённой руке.

— Госпожа, я... — девушка сделала шаг, повинувшись, и вдруг замерла, всматриваясь в дом за спиной Луизы.

— Госпожа, простите... — она быстро отступила назад.

— Вы не можете выйти?

Было ясно: прислуга Элизабет чего-то сильно боится.

— Прощу тебя, просто подойди и возьми письмо, — почти умоляюще проговорила Луиза. — Всё в порядке.

Но девушка не двигалась.

«Дом у нас не самый приветливый на вид, но такая реакция... Чёрт, без трудностей не бывает», — подумала про себя Луиза и, отойдя в сторону, где ограждение было ниже, стала перелезать через забор.

— Хоть бы никто не увидел...

Через несколько секунд, спрыгнув прямо в заросли, она поднялась и подбежала к напуганной служанке, которая сразу принялась оправдываться:

— Простите, госпожа, не могу себя заставить...

Луиза резко перебила её:

— Не переживай, вот, возьми.

Письмо было передано, и девушка уже собиралась объяснить детали, когда заметила, что внимание служанки обращено вовсе не к ней, а к дому за её спиной.

— Всё хорошо? Ты слышишь, что я говорю?

Напуганная девушка тут же перевела взгляд на Луизу.

— Да, да, конечно, госпожа, я всё поняла.

Она уже собиралась уйти, но Луиза мягко остановила её:

— Почему ты так боишься этого места?

Теперь служанка совсем сжалась и даже не могла смотреть ей в глаза.

— Не заставляйте... Госпожа Элизабет выпорот меня за эти глупости, если узнает... — чуть ли не плача проговорила она.

— Не узнает, обещаю, — твёрдо заверила Луиза.

Бедняжка размышляла недолго, а затем вдруг взяла леди за руку и тихо произнесла:

— Этот дом отравлен предательством, материнским горем и бесконечным одиночеством...

От того, как она это сказала, по телу побежали мурашки.

— Так здесь... — начала Луиза глухим шёпотом, но девушка не дала ей договорить. Она резко дёрнула её к себе и прошептала прямо на ухо:

— Этот дом никогда не пустовал, госпожа. Тут живут те, кто заблудился, и те, кому неведом покой. Это место кишит страданиями и несбыточными надеждами, услышьте меня!

Превозмогая страх, Луиза хотела что-то спросить, но служанка вцепилась в неё с такой силой, что девушка решила не сопротивляться.

— Бегите отсюда, госпожа. Живым не место среди мёртвых, и вы скоро поймёте это.

С этими словами служанка отпустила её и поспешно на-

правилась прочь, а Луиза так и осталась стоять в оцепенении, до чертиков напуганная услышанным.

Глава пятая: сойти с ума или приспособиться

Той же ночью Луиза, сидя на полу своей комнаты, напряжённо размышляла.

«Прислуга сказала, что здесь опасно и нужно бежать».

Эта мысль не отпускала её ни на мгновение. Поднявшись, девушка принялась нервно мерить комнату шагами.

«Но куда бежать? И откуда ей вообще всё это известно?»

От напряжения тело начинало едва заметно раскачиваться само по себе.

«Но Лестер...» — взгляд её вдруг оживился. — «Ведь он не хочет мне зла...»

Она всплеснула руками.

«Хотя что я о нём знаю?»

И тут же шлёпнула ладонью себя по лбу.

«Но всё же он сказал, что бояться мне нечего...»

Девушка внезапно остановилась, затем медленно опустилась на пол и, обхватив колени руками, уставилась в окно, по которому быстрыми струйками стекали крупные дождевые капли.

«Эх, и откуда в тебе такая слепая вера, Луиза?» — мысленно спросила она саму себя.

Дождь барабанил по стеклу. Ещё совсем недавно девушка вздрагивала бы от каждого шороха в этом доме, однако теперь сидела, погруженная в собственные мысли, и подобные мелочи её больше не тревожили.

«И эти его слова о засовах... Зачем говорить загадками? Я так скоро с ума сойду».

В особенно тяжёлые минуты — такие, как эта, — Луиза вспоминала мудрость дядюшки:

«Не тревожься о том, что не в твоей власти».

Сейчас этот совет подходил как нельзя лучше. Ведь она никак не могла повлиять на происходящее. Скорее наоборот — всё, что ей оставалось, это позволить течению событий нести её дальше.

И чтобы мысли окончательно не поглотили её, Луиза поспешила отвлечься.

— Письмо с чердака! — внезапно вспомнила девушка.

Соскочив с подоконника, она тут же принялась искать нужный клочок бумаги.

— Поглядим... Может, удастся выяснить хоть что-то об этом надменном призраке, — сосредоточенно проговорила Луиза, осторожно разворачивая старый лист.

В глаза сразу бросился аккуратный женский почерк.

Девушка начала читать:

«Мой милый Лестер, с тех пор как дела моей семьи разлучили нас, я не нахожу себе места и всё время думаю о тебе. Я неприлично часто вспоминаю наши прогулки и, поверь

мне, этим воспоминаниям предаюсь самозабвенно. А иногда мне и вовсе думается, что жива я только благодаря им.

Мне известно, какие чувства вызовет в тебе моё письмо, и, конечно, я помню наш последний разговор... По правде говоря, мой милый, я без конца возвращаюсь к нему. Если бы я могла обернуть время вспять, то поступила бы иначе. Ведь я знаю: ты просто был не понят мной.

В том, что случилось, лишь моя вина, но всё это уже неважно, ведь цель сего письма — сказать, что я люблю тебя и неустанно жду нашей встречи».

*С трепетной нежностью и любовью,
навсегда твоя Анна.*

— Ох, какая же страстная натура эта Анна... — тихо проговорила Луиза, свернув письмо и уставившись в одну точку. А после тут же устыдилась собственных мыслей.

— Чувствую себя так, будто прокралась в чужую спальню без разрешения...

Постель тихо скрипнула, когда девушка повалилась на неё.

— Но, видимо, папа и Тильда правы — моё любопытство гораздо сильнее совести.

Убирая письмо под кровать, Луиза всё же вновь задумалась об Анне.

«Выходит, она была его возлюбленной. Они были вместе, любили, мечтали... но их разлучили...»

Брови девушки напряженно сдвинулись.

«И все же, как странно думать, что этот холодный мужчина мог проявлять к кому-то ласку».

По какой-то причине эта мысль вызвала в Луизе неподдельный интерес. Спросить об этом у призрака напрямую было невозможно, но ей вдруг подумалось, что, найди она новые письма, она бы без всякого стыда прочла их все.

«И раз она звала его милым... значит, для неё он действительно был таковым».

Устремив взгляд в потолок, девушка всё глубже погружалась в размышления о чужих чувствах, когда внезапное нервное тиканье часов резко вырвало её из этого состояния.

— Что такое? — настороженно произнесла Луиза, приподнявшись на постели.

Стрелки часов с немыслимой скоростью рвались в обратном направлении, и, как помнила девушка, это не сулило ничего хорошего.

Единственная горящая рядом свеча стала подрагивать, и не успела Луиза опомниться, как дверь её спальни закрипела.

«Засов! Я не задвинула засов!» — слишком поздно ударила в голову сокрушительная мысль.

Впившись взглядом в медленно открывающуюся дверь, она понимала: это не Тильда, не отец и отчего-то точно знала, что это и не Лестер. Оставалось лишь мгновение до того, как посетитель явит себя, и это сводило с ума.

Девушка впиалась ногтями в одеяло, когда из-за двери медленно, почти лениво показалась детская рука. И выглядела она так, что сомнений не оставалось — её обладатель точно не человек. Кожа была синюшной, покрытой струпьями, а пальцы с длинными когтями, замерев на секунду, задвигались так, будто были чем-то отдельным. Они методично ощупывали деревянную поверхность, царапая её потемневшими ногтями, словно пытались что-то отыскать.

Кричать Луиза не могла, лишь безвольно наблюдала за тем, как вслед за рукой показалось и лицо — если его вообще можно было так назвать. Всё та же мёртвая посиневшая кожа, вместо глаз — две тёмные впадины, а на месте рта красовалась будто восковая, слишком длинная улыбка.

В проёме стояла девочка — Луиза поняла это по тёмным влажным волосам, прилипшим к лицу и плечам ребёнка, а также по платью, которое давно потеряло форму и теперь висело на ней, как истлевшая оболочка.

Она стояла и смотрела прямо на неё — на Луизу.

Пространство вокруг будто сгустилось.

Вдруг существо вздрогнуло и словно изломилось, а после опустилось на четвереньки и так резко, что у Луизы остановилось сердце, — поползло по полу, не отводя от неё взгляда.

Чтобы не умереть от страха, выход был один — закрыть глаза! Сейчас же!

Так и поступила девушка.

Зажмурившись, она ощутила, как постель рядом проми-

нается от чужого веса. До неё донёсся земельный запах — нечто было совсем рядом. Оно задержалось возле девушки на несколько мгновений, но они казались вечностью.

После этого Луиза ощутила, как монстр сполз вниз, открыл дверцу шкафа, и послышалось то, что она уже слышала ранее, — царапанье. Истеричное, напористое.

И когда бы это прекратилось — неизвестно, но вдруг стрелки часов, стоящих в углу, вновь пустились в свой несносный бег, и очень скоро в комнате стало тихо.

Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем Луиза осмелилась открыть глаза и встать с постели. Убедившись, что комната действительно пуста, она медленно приблизилась к шкафу, замечая на полу уже знакомую стружку.

На дальней стенке шкафа, там, где красовалась старая надпись, появилась новая:

«грех скрывается в добре
правда твоя отнята
что не предано земле —
то навеки проклято»

Понять, о чём идёт речь, Луиза, конечно, не могла, да и сил на это не было.

В этот момент из-за непогоды за окном по стеклу громко ударила ветвь стоящего неподалёку дерева, и для напуганной девушки этого оказалось достаточно, чтобы вскочить и побежать прочь из комнаты, где только что своё очередное послание оставило нечто.

Она бежала босиком по коридору, не разбирая дороги.

Остановившись, Луиза опёрлась рукой о стену и схватилась за грудь, где сердце выстукивало опасный ритм.

Она жила в доме, где границы между мирами были стёрты, где за каждым углом могло скрываться что-то мёртвое и неупокоенное, и на выбор у неё оставалось лишь два варианта: сойти с ума или приспособиться.

Нужно было унять сердцебиение как можно скорее, и Луизе помогла лишь одна рациональная мысль, за которую она отчаянно ухватилась:

«Если бы в этом доме что-то хотело убить меня, то наверняка уже сделало бы это».

Так или иначе, но страх постепенно ослаблял тиски.

Стоя в пустующем тёмном крыле, девушка вдруг услышала возню в библиотеке. По привычке вздрогнула и немного замялась, боясь сделать шаг.

А после подумала:

«Как же надоело бояться! Сколько можно?.. Я знаю, кого там увижу... и мне хочется поговорить с ним».

Уверенной, а может, и слегка обезумевшей походкой она направилась к обиталищу призрака, но уже у самых дверей библиотеки немного замедлилась. Перевела дыхание, а после осторожно приоткрыла дверь и вошла.

Внутри было темно, но совсем не пусто.

В глубине книжных стеллажей она увидела его — Лестер перебирал книги, но делал это нервно, почти раздражённо.

Кажется, он почувствовал Луизу задолго до её появления и, не глядя, бросил:

— Теперь незваная гостья решила отнять у меня последнее пристанище?

Девушка всё ещё стояла в дверях, не решаясь приблизиться.

— Прости, я не хотела помешать.

— О нет, ты хотела. Но зачем? Болтовня чужой прислуги напугала тебя?

Он сделал шаг вперёд, выходя на освещённый участок, и медленно, с привычной грацией поднял голову. Лицо его, как всегда, было бесстрастно, но под этой неподвижностью Луиза различила едва заметное волнение.

— Разумеется, я всё слышал, — он грубо поставил фолиант на полку. — И, честно говоря, я кое с чем согласен.

Измученная страхом девушка не была готова к разговорам загадками, а потому задала прямой вопрос:

— Что еще обитает в этом доме?!

— А моего общества тебе мало, Элаиза? — в его словах слышался сарказм, но Луиза уже не обращала внимания на неуместное веселье.

— Ты можешь причинить мне вред? — твёрдо спросила она, сдерживая дрожь в голосе.

— Ты слаба и наивна. Любой может причинить тебе вред, — бесцеремонно ответил призрак и принялся рассматривать очередную книгу.

Ладони её вспотели, а сердце забилося сильнее — но не от страха, а от обиды.

— Мне опасно здесь быть?

Он резко бросил книгу на полку — терпение его явно подходило к концу.

— Если ты хочешь знать, опасен ли я для тебя, то нет, — голос его стал значительно твёрже. — Есть ли в доме кто-то ещё? Да. Эти стены поглотили много душ. Но опасны ли они? Нет! Они слабы настолько, что вот-вот исчезнут!

Высказавшись, он немного успокоился и снова отвернулся к шкафу, бросив через плечо:

— А теперь уходи. Я не расположен к беседе.

Он явно не хотел продолжать разговор, но Луизу это не остановило.

— Что-то жуткое пробралось в мою спальню! — резко выпалила она.

Призрак всплеснул руками.

— Ещё бы! Ты сама в этом виновата! — произнес он буднично.

— Я объясню всего раз. — Лестер рывком придвинул к себе старое кресло и сел в него.

— Всё, что обитает в этом доме, — мертво. И мертво очень давно. Они тянутся к тебе лишь потому, что ты на них реагируешь.

Девушка слушала, не перебивая: наконец-то у неё появились хоть какие-то ответы. Однако на слове «они» встре-

пенулась — ведь это означало лишь одно: в этих стенах «их» было много.

И всё же кое-что по-прежнему не укладывалось в голове. — То существо, — тихо начала Луиза, — это была девочка... но совсем не такая, как ты. Её вид... я не понимаю...

Призрак перебил её:

— Чем старше душа, тем дальше она от живых и тем больше теряет человеческий облик. Иначе говоря — ей не за что зацепиться. Теперь понимаешь?

Девушка нервно сглотнула. Как вообще такое можно было понять?

— А ты?.. — замявшись, спросила она. — За что цепляешься ты, чтобы не потерять себя?

На лице призрака поселилась тоска, а голос его угас.

— Это уже моё дело. Но считай, тебе повезло, что я до сих пор — я. Иначе бродил бы к тебе по ночам точно так же, требуя помощи.

— Помощи?.. — Луиза нахмурилась.

Призрак раздражённо закатил глаза, будто всё, что он объяснял, было очевидным.

— А зачем ещё ты им нужна? — Он вперил в неё серьёзный взгляд. — Мы все здесь заперты. И если я, сохранив разум, ещё понимаю, что это навсегда, то они... — он указал куда-то в сторону, — никогда этого не поймут. Мёртвое тянется к живому — это нормально.

Нервно перебирая пальцы, Луиза всё же задала пусть и

неуместный, но логичный вопрос:

— Ты тоже... тянешься ко мне?

Было видно, как призрак слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— При жизни я отличался излишним контролем. После смерти это не изменилось. Я способен контролировать свою сущность.

Девушка замолчала, всматриваясь в его лицо. Что-то в словах Лестера не давало ей покоя, и она бы обязательно переспросила, если бы он вдруг не продолжил:

— И возвращаясь к твоему вопросу: если ты не готова помогать тем, кто к тебе приходит, то лучше сделай вид, что не слышишь и не видишь их. — Он резко поднялся, опустив голову.

— Не давай им ложную надежду. Нет ничего хуже. Услышала?

Девушка кивнула.

— А теперь уходи! — грозно бросил призрак.

Очевидным было одно: для Лестера этот разговор был открытой раной. Луиза поняла это быстро, но шагнуть за дверь, туда, где неизвестно что может выскочить на неё из темноты, было безумно страшно.

— Можно я побуду здесь? — тихо спросила девушка, заранее зная ответ.

Призрак поднял на неё недоумённый взгляд.

— Я не настолько отличаюсь от них, не обманывайся на

мой счёт.

Это было правдой. Лестер точно так же был мёртв и, возможно, точно так же опасен. Однако нутро Луизы, несмотря ни на что, говорило ей обратное.

— Я не помешаю, клянусь, — она стояла у входа, поджигая босые ступни и совершенно не смущаясь того, что одета лишь в ночную сорочку.

Лестер посмотрел на неё так, будто увидел что-то давно забытое. Он ни за что бы в этом не признался, но в ту секунду что-то внутри его мёртвого существа дрогнуло, зашевелилось. И виной тому была она — девушка, что искала защиты у того, кого должна была бояться до смерти.

— Только до рассвета, Луиза, — бросил он и исчез в глубине стеллажей.

Девушка облегчённо выдохнула и как можно тише устроилась в углу, размышляя над тем, что услышала.

Под шум перелистываемых Лестером страниц она начала засыпать, и уже на грани сна до неё дошла одна простая мысль:

Он наконец назвал её по имени.

Глава шестая: не дразни изголодавшегося зверя

Она открыла глаза, как только первые рассветные лучи проникли в библиотеку. Поднявшись и почувствовав, как сильно затекло тело, девушка потянулась и тихо позвала:

— Лестер...

Однако никто не откликнулся, и Луиза побрела к себе. Всё-таки объяснять отцу или Тильде, которые могли случайно её увидеть, почему она ночевала в библиотеке, ей совсем не хотелось.

Впрочем, делать этого и не пришлось.

Ступая по длинному пустому коридору с множеством высоких окон, Луиза заметила, как её отец ни свет ни заря садится в карету и уезжает прочь.

Как ни странно, это не вызвало у неё никаких вопросов. Девушка и без того прекрасно понимала: он снова связался с очередными азартными людьми. Такова уж была натура Джозефа — где бы он ни бывал, он всегда находил подобные общества.

Поскольку это не стало для неё новостью, Луиза лишь тяжело вздохнула и пошла дальше.

У порога собственной комнаты её сердце всё же забило быстрее — воспоминания о прошедшей ночи были слишком

свежи. Но Луиза помнила и слова Лестера: «Бояться нечего». И сейчас этого оказалось достаточно.

Неуверенно толкнув дверь, девушка окинула спальню взглядом.

Пусто, светло и ни намёка на чужое присутствие.

Её взгляд остановился на часах.

— Этот механизм точно связан со здешней чертовщиной — вслух произнесла Луиза.

Однако подойти ближе так и не решилась. Больше она не сомневалась — от часов исходило нечто потустороннее.

Переодевшись, приведя себя в порядок и уловив шаги проснувшейся Тильды, спускавшейся на первый этаж, девушка поняла: больше нельзя избегать места, которое прошлой ночью стало целью визита той сущности.

Сколько бы Луиза ни пыталась игнорировать шкаф, проходить мимо и не смотреть в его сторону, это не отменяло того, что оставленное для нее послание всё ещё находилось там.

Отчего-то теперь, когда стало ясно, что это был зов о помощи, где-то глубоко внутри девушки проснулось сочувствие.

Неуверенно приблизившись к источнику своего страха и слегка приоткрыв дверцу злополучного шкафа, она тут же замерла.

Надпись, оставленная ночью, была изодрана глубокими рваными царапинами, будто тот, кто их оставил, пребывал в

настоящей истерике.

— Вчера она снова была здесь... — тяжело сглотнув, прошептала Луиза. — И явно разозлилась, потому что меня уже не оказалось в комнате.

«Не можешь помочь — не давай надежду», — пронеслись в голове слова Лестера.

Что делать со всем этим, девушка не знала, а потому лишь устало закрыла дверцу и тяжело выдохнула.

К новой реальности, в которой ей теперь приходилось жить, ещё нужно было привыкнуть.

— Милая, ты проснулась? — донёсся далёкий голос Тильды, уже хлопотавшей на кухне.

— Да! — тут же отозвалась девушка.

— Матушке пора на воздух. Спускайся, — велела служанка, и Луиза, где-то даже обрадовавшись возможности уйти, быстро собралась и покинула комнату, перед выходом бросив косой взгляд на часы.

Катить коляску по траве было совсем непросто, но ради улыбки матери девушка была готова на многое.

— Ну вот, теперь наслаждайся красотой, — тепло сказала она и остановила коляску возле лавки под деревом.

— Посмотри, какие необычные розы растут здесь.

Поглаживая руку женщины, Луиза указала на куст чёрных цветов, уже распустившихся так, будто на дворе стояла вовсе не осень, а тёплая весна, и за растением ухаживали с особой заботой.

«Возможно, однажды я пойму, что всё это значит», — подумала девушка и вновь обратилась к матери:

— Мне сказали, чтобы я их не трогала, — с улыбкой она вновь вспомнила о призраке. — Но ведь смотреть никто не запрещал.

Луиза придвинула коляску чуть ближе, но не успела опомниться, как Клаудия внезапно сорвала один из чёрных бутонов.

— Мама, ну зачем? Просто смотри на них, не срывай! — всплеснула руками девушка.

Она совершенно не представляла, как будет объясняться перед хозяином цветов, который слишком ревностно относился к тому, что считал своим.

— Холодает... — поёжилась Луиза от подкрадывающегося ветра. — Я сейчас принесу тебе плед.

С этими словами она быстро направилась к крыльцу и уже через несколько минут заботливо укрывала плечи Клаудии.

На губах Луизы невольно появилась тёплая улыбка при виде того, как оживилось лицо матери.

И именно тогда она заметила кое-что странное.

С шеи Клаудии исчез фамильный кулон, который та никогда не снимала.

— Где твой кулон, мама?.. — тихо и встревоженно спросила Луиза.

Разумеется, ответа не последовало, и девушка решила, что украшение, скорее всего, случайно соскользнуло и оста-

лось где-то в постели Клаудии.

Так или иначе, она решила разобраться с этим позже.

Какое-то время они спокойно сидели и наслаждались природой, однако длилось это совсем недолго...

— Луиза, иди скорее! — раздался голос радостной Тильды.

— Что там? — девушка поднялась со скамьи, вглядываясь в бегущую к ней служанку.

— Идём, идём, моя дорогая! — взволнованно проговорила Тильда, хватая Луизу за рукав и утягивая за собой.

— Да что случилось? Куда ты меня ведёшь? — девушка ничего не понимала, но всё же послушно шла следом.

Служанка не отвечала — только многозначительно улыбалась и продолжала тащить её вперёд.

Так продолжалось до тех пор, пока они не остановились у ворот, где их уже ждал улыбающийся посыльный.

— Вы мисс Луиза Бартвелл? — произнёс светловолосый юноша.

Девушка утвердительно кивнула, всё ещё не понимая, что происходит.

— Это велели передать вам.

С ловкостью фокусника он достал из кареты небольшую, но очень красивую коробку, перевязанную бордовой парадной лентой, и протянул её Луизе.

Та неловко приняла подарок.

Однако на этом сюрпризы не закончились.

Посыльный, прикладывая немалые усилия, пытался вытащить из кареты что-то крупное.

— И это тоже для вас, — пыхтя от натуги, проговорил он и наконец явил девушке огромную корзину белых роз.

— От кого это всё? Посмотри скорее! — сторала Тильда от радостного любопытства.

Но Луиза уже заранее чувствовала что-то неладное.

Среди цветов лежала записка.

«Дорогая мисс Бартвелл, наше знакомство вышло крайне неудачным, и я искренне прошу прощения за свой бестактный поступок. Уверяю вас, подобное больше не повторится. Я был бы очень рад увидеться с вами вновь.

Прошу, примите это в качестве моих извинений.

Артур Бишеп».

Волна омерзения прошла по телу Луизы.

С брезгливостью вложив записку обратно, девушка отпихнула коробку ногой.

Возмущению Тильды не было предела, и, подобрав подарок, она сама распаковала содержимое.

Внутри оказалось дорогое платье.

— Ох, какая красота... Какая роскошь, Луиза! — с придыханием заговорила служанка и тут же возмущённо ошети-нилась: — А ты ещё и пинаешь его, грубиянка!

Но Луиза совершенно не разделяла её восторга.

Лишь ей одной был понятен истинный смысл этого подарка — новое, не изношенное платье.

— Отпусти эту тряпку, Тильда! — холодно скомандовала девушка, потянувшись забрать коробку.

— Это шёлк, Луиза! Настоящий шёлк! — недоумённо воскликнула служанка, крепче вцепившись в ткань.

— Это очередная попытка унижить меня! И я не собираюсь терпеть подобные оскорбления!

Нервно выхватив короб из рук растерянной женщины, Луиза поспешила догнать посыльного, уже собиравшегося уезжать.

— Простите, сэр, не могли бы вы вернуть это отправителю?

Молодой человек, обернувшись, выглядел слегка обескураженным, однако всё же вежливо улыбнулся.

— Да, конечно. Хотите что-нибудь передать?

«Мне бы многое хотелось передать», — пронеслось в голове Луизы.

Ярость внутри неё постепенно закипала.

— Подождите минуту. Я сейчас, — произнесла девушка резче, чем следовало.

Быстрым шагом она вернулась туда, где всё ещё стояла ошеломлённая Тильда, и тут же ухватилась за цветочную корзину.

— Нет, Луиза, только не розы! — взмолилась служанка.

Какой именно взгляд был у девушки в тот момент — сказать трудно, однако, увидев его, Тильда больше не пыталась защищать подарки и лишь молча отошла в сторону.

Луиза впилась пальцами в край тяжёлой корзины.

Теперь приличия перестали её волновать. Она уже не следила за словами, слетавшими с губ.

— И посмел же, мерзавец!.. — с натугой прошипела девушка.

Тащить корзину оказалось ужасно трудно, но сдаваться она не собиралась.

— Он туда камней, что ли, накидал?!

Посыльный, наблюдавший эту картину со стороны, хотел было помочь, но в тот момент ярость Луизы уже достигла предела.

Остановившись, девушка прорычала:

— Пусть отправит этот веник в бордель!

Молодой человек тут же замер, больше не решаясь приблизиться.

— Вы жалкий трус, Артур! — гневно выкрикнула раскрасневшаяся от напряжения Луиза.

Сил тащить корзину больше не осталось.

Кажется, именно в тот момент девушка окончательно потеряла самообладание, потому что попросту принялась вырывать бутоны и швырять их в стороны.

Посыльный, оценив ситуацию, попятился назад.

— Я, пожалуй, поеду, мисс...

После этого он поспешно сел в карету, и уже через несколько секунд его не было рядом с домом сумасшедшей леди.

А Луиза, сидя на земле перед своим душистым «презентом», продолжала рвать и разбрасывать несчастные цветы. Она ругалась, искалывала пальцы шипами, но никак не могла остановиться.

— Ай!

Болезненный возглас внезапно прервал её действия.

Обернувшись и резко подняв голову, девушка увидела молодого человека в одежде церковного служащего.

Ряса удивительно хорошо сидела на его стройной фигуре. Мягкие каштановые кудри аккуратно спадали на лицо, обладавшее почти юношеской красотой: ровная кожа, мягкие черты и красивые глаза.

Вернее, глаз.

Второй молодой человек зажимал ладонью — в него, судя по всему, угодил шипастый стебель, брошенный Луизой.

В следующую секунду девушка прижала ладонь ко рту.

Оглянувшись по сторонам, она вдруг осознала, насколько безумно выглядит происходящее, но тут же отбросила все лишние мысли и бросилась к пострадавшему.

— Ох, простите... Простите меня, пожалуйста!

Молодой человек всё ещё тихо шипел от боли, однако сдержанно произнёс:

— Это моя вина, мисс. Излишнее любопытство ведёт во грех. Полагаю, я получил по заслугам.

Раньше Луиза никогда никому не причиняла вреда и теперь попросту не знала, что делать.

Тут же примчалась и кряхтящая Тильда.

— Простите юную леди, господин! — принялась оправдывать девушку служанка.

Луиза, глядя на то, как женщина волнуется и как молодой человек не может открыть глаз, пришла в ужас от стыда.

— Ох, как же неловко... Позвольте мне загладить вину и хотя бы предложить вам чаю! Прошу вас!

Мужчина смотрел на неё единственным уцелевшим глазом, и, как показалось Луизе, в нём не было ни намёка на обиду.

— Ради вашего спокойствия, мисс, конечно, — вымученно улыбнулся он.

Этого оказалось достаточно.

Луиза тут же подскочила, взяла его под локоть и, ступая по разбросанным цветам, повела за собой.

— Проходите, пожалуйста. Я сейчас вернусь.

Тильда уже порхала вокруг несчастного, пытаясь облегчить его страдания и одновременно заваривая чай.

— Переоденься немедленно! Срам какой! — гневно зашипела она Луизе.

Девушка осмотрела себя и поняла, что служанка права: платье было перепачкано землёй и зелёными разводами.

Пока гость оставался в гостиной под чутким присмотром Тильды, Луиза поспешила вглубь дома, надеясь хоть немного привести себя в порядок и успокоиться.

Однако стоило ей завернуть за пустующий угол, как доро-

гу преградил Лестер.

— Для начала должен отдать тебе должное: представление вышло великолепным. Хоть и совершенно лишённым грации.

Он говорил медленно и спокойно, рассматривая картину на стене, но девушка сразу уловила в его голосе недовольство.

— Но даже столь впечатляющий дебют не даёт тебе права приглашать в дом чужаков!

Теперь возмущение в его тоне звучало уже совершенно открыто.

Но оправдываться перед ним у Луизы сейчас не было ни времени, ни сил.

— Я всё объясню позже. А сейчас пропусти.

Она попыталась пройти мимо, надеясь, что он уступит дорогу, однако Лестер резко развернулся всем телом, и девушка тут же врезалась носом ему в грудь.

— Чёрт, Лестер! — раздражённо выпалила она и сразу же осеклась.

Разве можно так разговаривать с древним духом?

— Просто потерпи немного, и он уйдёт, — уже спокойнее пробормотала Луиза, потирая ушибленное место.

— Что ж... понаблюдаем, — хмыкнул он и растворился в воздухе.

Луиза мгновенно поняла: теперь в гостиной окажутся не только Генри и Тильда.

Со злостью ударив ладонью по стене, девушка, окончательно махнув рукой на свой внешний вид, направилась обратно.

Через некоторое время она уже сидела за столом, как и подобало благородной леди, аккуратно держа чашку чая и совершенно не подозревая, что в её взлохмаченных волосах застрял кусочек стебля.

Оказалось, молодого человека звали Генри, и он был учеником пастора.

— Возможно, меня снова накажут за любопытство, но позвольте спросить... — произнёс он, удерживая холодный компресс у глаза. — Чем розы заслужили ваш гнев?

Луиза резко выдохнула и поставила чашку на стол.

— Виноваты вовсе не цветы, а человек, который их отправил.

Решив, что после всего случившегося изображать безупречные манеры уже бессмысленно, девушка принялась вытаскивать из ладони зудящий шип.

Генри мягко улыбнулся.

— Полагаю, ему очень повезло, что он не решил вручить их лично.

Луиза невольно улыбнулась в ответ и потянулась к чайнику, поскольку Тильда всё ещё была занята уборкой растерзанных цветов у ворот.

И именно в этот момент произошло то, чего девушка боялась.

В кухню вошёл Лестер.

Луиза мысленно закатила глаза.

«Сейчас снова начнёт меня изводить».

Она уже приготовилась старательно делать вид, что не замечает его присутствия, как вдруг раздался дружелюбный голос Генри:

— Ох, добрый день, сэ. Простите за столь внезапный визит.

Приподнявшись со своего места, молодой человек обратился к призраку:

— Видите ли... произошла несколько неловкая ситуация...

Пока Генри сбивчиво объяснял, как совершенно бесстыдно позволил себе любопытствовать и в итоге пострадал от цветов, Луиза переглядывалась с Лестером.

Их реакция в тот момент была одинаковой.

Оба выглядели мягко говоря удивлёнными.

Луиза смотрела на Генри и думала лишь об одном:

«Как?... Почему?..»

Но если девушка всё ещё пребывала в оцепенении, то Лестер быстро взял себя в руки.

— И что же с вами приключилось, уважаемый? — с наигранной тревогой поинтересовался он.

Генри неловко взглянул на Луизу и слегка замялся.

— Я имел неосторожность подойти к мисс Бартвелл, когда она... эм... занималась цветами. И один из стеблей слу-

чайно угодил мне в глаз. Ничего страшного!

К удивлению Луизы, молодой человек явно пытался её оправдать.

А вот Лестер происходящим, кажется, откровенно наслаждался.

— Ох, да... Наша мисс Бартвелл полна самых разнообразных интересов, — с издевательской улыбкой произнёс призыв. — Её увлекают письма, живопись, цветы... и Бог знает что ещё.

Манеры Лестера были безупречно аристократичными, а внешне — если не считать бледности — он почти ничем не выдавал свою потустороннюю сущность.

Генри, похоже, заметил лишь растерянность самой Луизы.

— Прошу, не переживайте из-за случившегося, — мягко обратился он к девушке. — Всё ведь обошлось.

Луиза натянуто улыбнулась.

Выбора не оставалось — приходилось подыгрывать.

— Лестер, у тебя ведь было много важных дел, порученных отцом. Почему бы тебе прямо сейчас ими не заняться?

Разумеется, намёк он понял сразу.

Вот только уходить явно не собирался.

— И оставить сестрицу наедине с мужчиной? — театрально возмутился Лестер.

От этих слов брови девушки не то в изумлении, не то в возмущении поползли вверх, в то время как несчастный Генри раскраснелся и принялся оправдываться

— Н-нет, что вы...

После чего поспешно обратился к Луизе:

— Благодарю вас за тёплый приём, но, думаю, ваш брат прав. Мне действительно пора идти.

Молодой человек начал подниматься со своего места, а развалившийся на стуле призрак победно улыбнулся.

И именно в этот момент в Луизе проснулось острое чувство несправедливости.

«Я терплю властность отца. Неужели теперь придётся терпеть её ещё и от какой-то нечисти?»

— Остаься, Генри! — твёрдо произнесла девушка и одним резким движением усадила его обратно, не сводя взгляда с главного зачинщика спектакля.

В глазах Лестера тут же вспыхнули азарт и предвкушение.

— Разумеется, Генри, я погорячился, — хитро улыбнулся он. — Оставайтесь. Поболтаем.

Придвинувшись ближе к несчастному юноше, Лестер заговорщически произнёс:

— Скажите, друг мой... а что вы думаете о теории, согласно которой все рыжеволосые женщины напрямую связаны с дьяволом?

Ученик пастора покраснел ещё сильнее.

— Я... не разделяю подобных взглядов, простите, — проворчал он и вновь резко поднялся. — Всё же мне лучше уйти.

Тильда могла вернуться в любой момент, и тогда ситуация

стала бы ещё хуже.

Но раздражённая Луиза отступить не собиралась.

Она ловко обхватила влажную ладонь Генри, тем самым смутив сразу обоих мужчин.

Жест был совершенно невинным, но всё же слишком непозволительным.

Генри замер, а Лестер почему-то резко отвёл взгляд в сторону.

— Понимаете, Генри... — начала Луиза, — мы совсем недавно въехали в этот дом, и временами здесь бывает довольно жутко.

Она бросила многозначительный взгляд в сторону призрака и продолжила:

— Не могли бы вы как-нибудь снова навестить нас... чтобы освятить это место?

Глаза Лестера округлились.

А затем он звонко рассмеялся, громко аплодируя.

Генри же, окончательно смущённый происходящим, торопливо проговорил:

— Для этого потребуется разрешение, но... я поговорю с пастором.

— Спасибо, — мягко улыбнулась Луиза и, решив больше не мучить молодого человека, отпустила его руку.

Генри неловко попрощался и чуть ли не побежал к выходу. Девушка, тяжело выдохнув, поплелась провожать несчастного гостя и услышала брошенную ей вслед мягкую

фразу призрака.

— А вы не перестаёте удивлять меня, мисс Бартвелл.

После этих слов он исчез.

Проводив Генри, Луиза направилась обратно и заметила Тильду, всё ещё убирающую разбросанные цветы.

«Ох... Нужно помочь».

Однако стоило девушке подойти ближе, как она заметила, с каким негодованием смотрит на неё служанка.

— Что ты устроила? Ты понимаешь, что отвергла и оскорбила ухаживания мужчины из благородной семьи? — строго спросила Тильда.

Луиза устало приложила руку ко лбу.

— Ты не понимаешь... Он это заслужил.

Но служанка оставалась непривычно суровой.

— Ты больше не ребёнок и должна понимать, что у подобных поступков бывают последствия, — отрезала Тильда и продолжила сметать стебли.

Возразить Луизе было нечего.

Она прекрасно понимала, что служанка права.

«Лишь бы это не дошло до отца...»

С этими мыслями девушка принялась помогать Тильде, даже и не подозревая, что тем временем в доме Артура тот самый посыльный в красках описывал её далеко не благородное поведение.

— А потом... потом она сказала, что вы жалкий трус, и бросилась на ваши цветы! — заикаясь, рассказывал парень,

пока Артур слушал его с нескрываемым любопытством.

— Бросилась на цветы? Это ещё как понимать? — возмутился мужчина.

— Как есть, господин! Бросилась и растерзала все бутоны до последнего! — пылко заверил посыльный.

— Несносная женщина... — пробормотал Артур, чувствуя, как знакомый укол вновь задевает его самолюбие.

Вернее, задевала его именно она — Луиза.

— Что она... ещё что-нибудь сказала? — спросил он, едва скрывая раздражение.

Посыльный заметно замялся.

— Ну... ещё перед этим она сказала отправить ваши цветы в бордель...

Глаза Артура округлились.

— Вот так и заявила?!

— Да, господин. А ещё кричала, что вы мерзавец, — белокурый юноша опустил взгляд в пол, будто ему самому было неловко повторять подобное.

Артур на несколько секунд задумался, затем неожиданно успокоился и чему-то усмехнулся.

— Хм... ну, допустим, справедливо.

Будто очнувшись от собственных мыслей, он твёрдо произнёс:

— Я тебя понял.

Несколько звонких монет легли в ладонь посыльного.

— И, Ганс... никто не должен знать о случившемся. Ты

ведь понимаешь?

— Конечно, господин.

Вскоре карета отъехала от поместья Бишепов, а сам Артур поспешно удалился в свои покои.

В доме Луизы работа шла молча. Стебли и бутоны казались бесконечными, но, когда уборка всё же закончилась, девушка, устало вытирая пот со лба, направилась к себе.

Она шла, почти не замечая дороги. В голове бесконечно крутились последние события — и, как ни странно, вовсе не подарок отвратительного Артура занимал её мысли сильнее всего, а Генри, который видел то, чего не замечали другие, так же легко, как и она сама! Это одновременно приносило и волнение, и облегчение. Но было и кое-что, вызывавшее в Луизе исключительно злость.

«Сестрица?.. Да как он вообще посмел?»

Погружённая в эти размышления, она и не заметила, как ноги сами принесли её совсем к другому месту.

— Лестер! Братец, ты здесь?! — нетерпеливый девичий голос разрезал тишину библиотеки.

— Что за мода такая — врываться без стука? — раздражённо, но неторопливо произнёс призрак, сидевший в своём кресле.

Его беззаботный вид неслабо раздражал.

— Зачем ты явился к Генри? Что это вообще было?! — грозно спросила Луиза, стремительно приближаясь к нему.

Лестер хоть и не подал виду, но явно не ожидал такого

напора.

— В моём доме был гость. Я, как честный и порядочный хозяин, всего лишь поприветствовал его, — ехидно улыбнулся призрак, поднимаясь с места.

— Раз такой честный и благородный, — начала девушка, скрестив руки на груди, — то почему не сообщил ему о своей истинной природе?

Лестер сделал вид, что не услышал глупого вопроса, и направился к книжной полке.

Но внезапно остановился, вновь услышав раздражённый голос:

— Объяснись!

Он медленно взглянул на нарушительницу спокойствия.

Ворвалась в его библиотеку, кричит, обвиняет...

Что вообще позволяла себе эта невоспитанная девица?

— Чего смотришь? — не унималась Луиза. — Как мне теперь объяснить, что никакого брата у меня нет?

Фолиант в руках Лестера тихо заскрипел от силы, с которой он сжал переплёт.

— Думаю, ты как-нибудь с этим справишься, — процедил он сквозь зубы. — За пять минут знакомства вы ведь успели сблизиться, не так ли?

Луиза нахмурилась и непонимающе посмотрела на него.

— Да брось, — язвительно продолжил Лестер. — Я видел, как вольно ты схватила его за руку. Часто так делаешь?

И в ту же секунду призрак понял, что совершил ошибку.

Потому что вспыхнувшая от злости девушка мгновенно ухватилась за первое, что попало под руку, — дорогое издание по механике — и уже была готова запустить им прямо в него.

— Остановись, безумная! — с неподдельным волнением выпалил Лестер и тут же поспешил смягчить тон:

— Я нагрубил. Признаю. Только положи книгу на место. Грудь Луизы тяжело вздымалась, пока она стояла, замахнувшись тяжёлым томом.

Но спустя несколько секунд всё же медленно опустила руку.

— Почему он видел тебя? — уже спокойнее спросила девушка.

— Не знаю, — неожиданно честно ответил Лестер. — Либо он такой же, как ты... в чём я сомневаюсь. Либо дело в чём-то другом.

Отложив книгу, Луиза тяжело опустилась на пол.

— Всё это сводит меня с ума... — тихо пробормотала она, переводя дыхание. — Всё происходящее вокруг — настоящее безумие.

Лестер незаметно закатил глаза.

Если бы мог — наверняка бы ещё и устало вздохнул.

— Тайны, призраки, послания... — продолжала девушка. — А дальше что? Безумие? Одержимость?

Лестер мгновенно посерьёзnel.

— Об этом не тревожься. У мёртвых нет возможности за-

владеть человеческим разумом или телом без позволения.

Луиза подняла на него испытующий взгляд.

— Без позволения? Значит... если бы я согласилась, кто-то действительно мог бы...

— Никто в здравом уме на такое не пойдёт! — Резко перебил её призрак.

Но прерывать её было уже поздно — поднятая тема пробудила в Луизе неподдельный интерес.

— Это понятно... Но если бы я всё-таки согласилась, — тихо прошептала она, подходя ближе, — что произошло бы тогда?

— Не произноси таких вещей, глупая! — внезапно взорвался Лестер. — Тем более в этих стенах!

Девушка замерла.

Впервые она слышала, как он кричит.

— Ты не понимаешь, — он упёрся руками в стол, будто хищник, готовящийся к прыжку.

— Нет ничего желаннее звука живого сердца, — тихо, но жёстко произнёс он, глядя прямо на неё. — Тебе лучше замолчать, пока этого не услышал кто-то другой, ведь подобными словами ты дразнишь изголодавшегося зверя.

Лицо его изменилось — будто стало ещё бледнее прежнего, а в голосе появилась лёгкая злобная дрожь. Он резко отвернулся, и Луиза готова была поклясться: глаза его стали темнее.

— Я понятия не имею, почему твой дружок внезапно про-

зрел, — бросил Лестер через плечо. — А теперь уходи!

Луиза спорить не стала.

Человек или призрак — когда кто-то находится в таком состоянии, лучше оставить его в покое.

Так она и поступила.

Уходя, девушка поймала себя на том, что успела заметить в глазах Лестера нечто странное.

Мимолётную надежду.

И скрыть её он не успел.

Глава седьмая: и пусть первым, что мы разделим, станет стыд.

Оставшиеся несколько часов Луиза провела у себя, читая о перевязке открытых ран и размышляя о призраке. Так незаметно наступил вечер.

— Дорогая, спускайся, ужин готов!

Голос Тильды вырвал её из потока мыслей. Закатив глаза, девушка захлопнула книгу.

Обстановка в доме в последнее время стала слишком напряжённой, поэтому совместные ужины не вызывали у неё ничего, кроме усталости.

— Делать нечего

Через минуту она уже сидела за столом. Отец, как и всегда, находился на своём месте, а Тильда хлопотала возле печи. Матушки не было — после прогулок она обычно подолгу спала.

— Бери, милая.

Служанка поставила перед ней тарелку.

Джозеф увлечённо читал газету, однако сегодня в нём было что-то особенно тревожное. Луиза не сразу поняла, что именно её смущает.

— Папа, всё хорошо?

Он ничего не ответил — лишь дёргано кивнул. Руки мужчины слегка дрожали, взгляд блуждал по странице, не задерживаясь на строчках. И именно тогда Луиза заметила: газета перевернута вверх ногами.

«Что с тобой происходит?..»

Спрашивать вслух она, конечно, не стала. Вместо этого опустила взгляд в тарелку, где лежали несколько картофелин и пара отварных кусочков моркови. Нахмурившись, девушка поняла: дела у них хуже некуда. И при этом отец будто не собирался ничего предпринимать.

Более того — он явно был не в себе.

Откусив картофель, Луиза тут же почувствовала привкус гнили. Незаметно выплюнув кусок обратно, она решила, что это случайность, и попробовала другой.

Испорченным оказался весь ужин. Девушка замерла над тарелкой, после чего снова взглянула на отца — теперь уже с откровенным непониманием.

«Он ест так, будто ничего не замечает Тильду тоже всё устраивает?..» Наконец она осторожно произнесла:

— Простите вам не кажется, что с картофелем что-то не так?

Повисло тяжёлое молчание, которое прервал отец.

— Тильда старалась, а ты смеешь жаловаться? — буркнул Джозеф, с трудом фокусируя взгляд на дочери.

— Нет, нет, — поспешила оправдаться девушка. — Тильда не виновата, что еда испорчена. Нам просто стоит

— Ешь, что дают! — резко оборвал её отец.

Служанка, как и всегда, молчала, опустив глаза. А Луиза, поняв, что не сможет заставить себя есть испорченную еду, нервно пролепетала:

— П-простите но я правда не голодна

Джозеф резко ударил ладонью по столу.

— Выйдешь лишь тогда, когда тарелка будет пустой!

От громкого голоса Луиза невольно вздрогнула, однако отступать не собиралась.

— Но я не могу это есть, — сказала она, всё ещё надеясь хотя бы на каплю понимания. И напрасно.

Ведь в следующую секунду Джозеф схватил тарелку и швырнул её в стену с такой силой, что та мгновенно разлетелась на мелкие осколки. На удивление, Луиза и глазом не повела.

— Я уберу! — тут же вскочила Тильда.

— Нет я сама, — девушка мягко остановила женщину, заметив, что та едва сдерживает слёзы.

И именно тогда отец неожиданно спросил:

— Тильда, насколько хорошо ты умеешь шить?

Служанка растерянно подняла взгляд.

— Достаточно хорошо, господин.

Пальцы Джозефа медленно постукивали по столу.

— А насколько хорошо ты обучила этому мою дочь?

Луиза замерла с осколками в ладони.

— Она прекрасно работает с тканями, господин, — тихо

ответила Тильда.

— К чему ты спрашиваешь, отец? — настороженно произнесла девушка.

Джозеф медленно поднял на неё тяжёлый взгляд.

— Молчи. Я говорю не с тобой! А затем снова обратился к служанке:

— Вам обеим пора начать работать. Я так решил.

Луиза застыла. Это заявление прозвучало слишком неожиданно.

— Но отец если я начну работать, что о нас подумают? И без того весь дом держится на нас с Тильдой

— Никто не узнает, — холодно отрезал он. — Тильда будет брать заказы на вас двоих.

Он спокойно доел картофель и добавил:

— Да и для девушки полезно иметь навык, которым однажды можно похвастаться перед мужем.

Ладонь Луизы невольно сжалась. Острые края осколков впились в кожу, выпуская на волю кипящую от злости кровь.

Служанка ненадолго застыла, глядя в одну точку, а затем тихо произнесла:

— Поняла вас, господин. Мы всё сделаем.

— Отлично, — коротко бросил Джозеф и поднялся из-за стола, оставив женщин наедине с ошарашившей их новостью.

— Тильда, что мы

Служанка тут же остановила Луизу жестом, приказывая

молчать.

— Иди наверх. Я найду к тебе чуть позже, — шёпотом сказала она.

И девушка с пустым желудком и головой, полной вопросов, направилась к себе.

Она нервно расчёсывала волосы, снова и снова проводя щёткой по прядям. Ей всё казалось, что сейчас служанка войдёт и скажет: «Ничего страшного. Отец просто вспылит. Всё обойдётся». Ей отчаянно хотелось в это верить. Но Луиза понимала: теперь всё иначе.

«Если кто-то узнает о нашем положении — нас ждёт позор. Как вообще можно работать тайно?..» — эта мысль неотступно билась у неё в голове.

Но дверь открылась, и в комнату вошла Тильда.

— Наконец! — Девушка мгновенно поднялась с места. — Он ведь не всерьёз? Где мы вообще будем искать работу?

— Успокойся, Луиза, — быстро оборвала её служанка.

Она подошла ближе и взяла её за руки.

— Я всё устрою. Всё найду. От тебя мне нужны только терпение и благоразумие.

— Но если кто-нибудь узнает — робко произнесла девушка.

— Этого не будет, — твёрдо сказала Тильда.

— Сейчас мы на грани. Еды почти нет, а та, что осталась, уже начинает портиться. Нам всё равно пришлось бы

Она резко замолчала, и взгляд её потускнел.

— А отец? — тут же спросила Луиза. — Он ведь постоянно куда-то уезжает. Разве не для того, чтобы

— Мне ничего об этом не известно, — снова перебила ее женщина. — И пожалуйста, не смей задавать ему вопросы!

Она слегка встряхнула девушку за плечи.

— Обещай, что будешь благоразумной и послушной рядом с ним.

Если бы Тильда только знала, насколько Луизу тошнило от этих двух слов. Но она лишь отвела взгляд в сторону, скрывая раздражение.

— Я и без того такая.

— Луиза! — нетерпеливо одёрнула её служанка.

— Обещаю, — нехотя ответила девушка.

Служанка тут же прижала её к себе.

— Всё будет хорошо. Мы справимся. Мы обязательно выберемся из этого, милая.

Совершенно очевидно, что этими словами Тильда пыталась успокоить их обеих.

Спустя некоторое время она покинула комнату, а Луиза с тяжёлым сердцем начала готовиться ко сну. Вот только уснуть на голодный желудок — задача не из простых. А когда к голоду добавляются тревожные мысли, сон и вовсе становится чем-то недостижимым.

«По крайней мере, у нас появятся хоть какие-то деньги» — думала Луиза, глядя в темноту.

«В нашем обществе женщина не считается самостоятель-

ной личностью. За неё всегда отвечает мужчина. Мужчина — это сила, власть, опора, разум. Вот только теперь именно мы с Тильдой будем спасать семью от голода». Она горько усмехнулась про себя.

«Так правильно ли всё устроено на самом деле?..» Поразмыслив об этом еще немного, девушка всё же уснула.

Утро началось со звука распахнувшейся двери. Тильда осторожно приподняла одеяло, тем самым разбудив Луизу.

— Поднимайся, милая, — шепнула она. — Поедешь в город.

Услышав это, девушка кое-как раскрыла глаза.

— Снова в аптеку? — сонно спросила она.

— Нет, — ответила служанка. — Я времени даром не теряла и уже успела договориться с местными торговцами. Ты должна забрать ткани из лавки.

— Но ещё так рано — пробормотала Луиза, взглянув в окно, за которым едва занимался рассвет.

— Да, — устало выдохнула Тильда, присаживаясь на край кровати. — Лучше, чтобы тебя никто не видел. Тебя примут пораньше. Об этом я тоже договорилась.

Объяснив ей некоторые детали, служанка вскоре покинула комнату, оставив Луизе на сборы не больше получаса. Нехотя поднявшись, девушка принялась приводить себя в порядок. Теперь это казалось чем-то привычным — даже если бы в доме снова появились слуги, она всё равно продолжила бы делать это сама. Но надевая своё единственное вы-

ходное платье, Луиза вдруг заметила ужасное: в районе колена зияла дыра.

— Не может быть Неужели это случилось, когда я перелезала через забор?..

Появиться в городе в таком виде было недостойно. Нет — попросту недопустимо! Быстро отыскав в комодке иглу, нитки и кусочек похожей ткани, Луиза принялась за работу. К счастью, узор платья состоял из мелких тёмных цветов, поэтому подобрать лоскут оказалось несложно. Всё же Тильда действительно хорошо её обучила: не прошло и десяти минут, как повреждение было если не полностью исправлено, то очень искусно скрыто. Окинув себя взглядом в зеркале, Луиза удовлетворённо кивнула и поспешила вниз. Отца снова не было дома. Тильда хлопотала возле матушки, поэтому девушка решила не тратить время и сразу вышла к ожидавшей её карете. Погода стояла отвратительная. Лил сильный дождь, а сапожки Луизы, которые она успела начистить перед выходом, с неприятным чавканьем утопали в размытой грязи.

— Отличное начало отличного дня, — сердито пробубнила девушка, забираясь внутрь салона.

Через двадцать, а может, и тридцать минут Луизе показалось, что карета едет каким-то другим маршрутом — более долгим. Возможно, всему виной была погода, а возможно, ещё одна просьба Тильды. Так или иначе, остановились они всё на той же улице, где девушка уже бывала, только те-

перь в другой её части. Вывеска «Драперская лавка» скрывалась в глубине небольших домиков и выглядела совершенно неприметной. Впрочем, это было даже к лучшему. Опустив голову и выйдя на сырую улицу, благородная леди поспешила внутрь неприметного одноэтажного строения. Разговор с торговцем — мужчиной лет шестидесяти с заметной сединой и лишним весом — вышел коротким. Получив тяжёлые мотки ткани, Луиза поспешила обратно к карете, но уже на подходе её окликнул знакомый голос:

— Милая и добрая Луиза! Девушка обернулась. Всё в той же подаренной шали, бережно придерживая живот, стояла беременная Салли.

«И что она здесь делает в такую рань?» — раздражённо подумала Луиза, однако вслух произнесла лишь:

— Ох, здравствуй.

Улыбнуться радушно с тяжёлыми тканями в руках оказалось непросто.

— А ты чего здесь в такую погоду? — поинтересовалась брюнетка, разглядывая мотки.

— Да так — начала Луиза. — Закупаюсь для новых платьев.

Салли как-то странно улыбнулась, а затем подошла ближе.

— Ты в прошлый раз про дом спрашивала И я кое-что разузнала.

— Говори скорее! — тут же встрепенулась Луиза, понимая, что вот-вот уронит ткани от тяжести.

— Честно говоря, сплошные сказки, — тихо начала Салли. — Но люди болтают, будто в том доме за всё время при жутких обстоятельствах погибло больше десятка человек. И взрослые, и дети, представляешь?

Луиза поёжилась. «Больше десяти» Значит, существей в доме может быть куда больше, чем она думала. Голова её закружилась, а Салли все продолжала:

— И старики говорят, будто место нечистое. Хозяин у дома вроде как есть, да только сам он туда ни разу соваться не пожелал. Никто туда не ходит, в общем.

— Эй, ты чего? — обеспокоенно спросила брюнетка, заметив, как побледнела Луиза.

Подхватив ее за плечи и помогая удержать ткани, Салли настороженно спросила:

— Ты там поселилась что-ли?!

Девушка лишь коротко кивнула, а потом едва слышно прошептала:

— Правду говорят, Салли. Нечистое это место. Совсем нечистое.

Брюнетка нахмурилась, явно не зная, что ответить.

Но ответа и не требовалось. Луиза осторожно перехватила ткани и, напоследок бросив тихое:

— Спасибо, Салли,
забралась в карету.

Беременная девушка ещё долго стояла под дождём, глядя вслед удаляющейся карете и совершенно не понимая, что

происходит с её новой знакомой. Тем временем Луиза выглядела так, будто вот-вот потеряет сознание. Дождь барабанил по каретному стеклу, а она всё пыталась справиться с головокружением. Странно, ведь страх уже давно отступил, так почему дурнота всё не проходила? И тут её осенила простая мысль:

«Я ведь давно ничего не ела».

Всё сразу встало на свои места. Карета уже свернула на просёлочную дорогу, как внезапно подпрыгнула на ухабе и резко остановилась, отчего Луиза ударилась затылком о потолок салона.

— В чём дело? — крикнула она.

— Дело дрянь, мисс, — буркнул кучер, спрыгивая прямо в грязь.

Похлопотав минуту у колеса, которое явно вышло из строя, он с сожалением заявил:

— Мне жаль, мисс, но дальше придётся идти пешком. Плату с вас не возьму.

Луиза устало выглянула из окна.

Вязкая мокрая земля тянулась до самого дома.

Как идти по такой дороге? Да ещё и с тяжёлыми мотками?..

Но выбора не было. Послушно выбравшись наружу, девушка поплелась вперёд. Минуты шли одна за другой, но путь казался бесконечным. Ноги утопали в скользкой грязи, а от усталости и бессилия вдруг захотелось плакать. И,

возможно, она бы действительно расплакалась, если бы позади не послышался стук копыт. Обернувшись, Луиза увидела приближающуюся карету — явно не ту, на которой ехала сама. Та остановилась прямо возле неё. Внезапно дверца распахнулась, и в проеме показалось знакомое добродушное лицо.

— Нужна помощь, Луиза? — спросил Генри скорее из вежливости, потому как уже протягивал ей руку.

Увидев его, девушка с облегчением выдохнула и с улыбкой протянула ладонь в ответ. Как оказалось, внутри сидел ещё один человек.

— Приятно познакомиться, мисс Бартвелл, — услышала Луиза незнакомый голос, забираясь в карету.

И лишь устроившись на сиденье, она наконец подняла глаза.

— Я пастор местной церкви. Моё имя Виктор, — широко улыбаясь, представился коренастый мужчина лет пятидесяти.

— Мой ученик многое рассказывал о вас, — перевёл он взгляд на молодого человека, и девушка тут же смутилась, надеясь, что тот рассказал далеко не всё об их первой встрече.

— Мы едем на свадьбу, но не тревожься — к дому тебя доставим, — слегка покраснев, проговорил Генри.

— Верно, верно! — подхватил Виктор. — Не так страшно опоздать, как страшно оставить прекрасную леди в беде!

Луиза натянуто улыбнулась.

— И у кого же такое прекрасное событие? — поинтересовалась она, понимая, что, как бы ни устала, поддерживать разговор всё же придётся. Молчать было бы совсем невежливо.

— Достопочтенный мистер Бенедикт сегодня женится! — торжественно сообщил пастор.

— А мы с Генри обязаны присутствовать на всех бракосочетаниях. Ох, сколько же союзов мы уже заключили — и не сосчитать!

Мужчина явно гордился своей деятельностью, однако от Луизы не ускользнуло, как при этих словах помрачнел его ученик. Это показалось ей странным.

— А вы не замужем? — неожиданно спросил Виктор.

— Нет, — вдруг ответил за девушку Генри, чем заметно удивил всех присутствующих.

Но пастор быстро продолжил:

— Ничего, мисс Бартвелл. Уверен, однажды мы побываем и на вашей свадьбе.

Голова Луизы снова неприятно закружилась. К счастью, в этот момент Генри обратился к кучеру:

— Остановите здесь.

А затем мягко сказал девушке:

— Мы приехали.

— Удивительно быстро! — воскликнул Виктор, выглядывая в окно.

— Ох, так наша церковь совсем недалеко! Луиза, дорогая, приходите на службу — будем вас ждать.

Он улыбнулся так широко, что это скорее напоминало оскал, от которого девушке стало не по себе.

Генри приподнялся, бережно подхватывая тяжёлые мотки, чтобы помочь леди выйти из кареты, но для Луизы всё это казалось унижительным. Впрочем, унижительной была вся ситуация: начиная с того, что её — утопающую ногами в грязи — подобрали на дороге. Она мягко остановила его, не позволив сдвинуться с места, и, вежливо попрощавшись, начала спускаться из кареты сама, как вдруг произошло непоправимое. Пытаясь удержать на лице тактичное, почти светское радушие и одновременно не выронить тяжёлые ткани, Луиза отвлеклась — и не заметила, как нога соскользнула мимо ступени. В следующее мгновение она всем телом рухнула прямо в грязь. Рядом тяжело приземлились и ткани, которые она так старательно берегла. Генри тут же оказался рядом. Обхватив Луизу за талию, он легко поднял девушку, и его взгляд невольно зацепился за заплатку на юбке, которая после падения немного разошлась.

— Я помогу, — вкрадчиво произнес он и принялся собирать испачканные грязью мотки ткани, которыми Луиза так дорожила.

Глядя на нее, Генри все яснее понимал: девушка находится в бедственном положении. И отчего-то эта мысль крепко засела у него в голове.

— Благодарю вас за помощь, Генри. Дальше я сама, — проговорила она, едва сдерживая слезы.

Собрав ткани, несчастная поспешно направилась к воротам. Еще несколько мгновений, прежде чем карета тронулась с места, молодой человек смотрел ей вслед. Что-то внутри настойчиво подсказывало ему: сейчас он должен выйти и помочь ей — той самой девушке, что с их первой встречи все никак не покидала его мыслей. Но разве он мог пренебречь своими обязанностями? Конечно нет.

Луиза шла, прихрамывая. За спиной постепенно стихал стук удаляющихся копыт, а сама девушка тяжело дышала — сейчас ей хотелось лишь одного: сделать еще несколько шагов и наконец оказаться дома. Подол платья был весь в грязи, а по испачканной щеке скатилась обжигающая слеза усталости. Но стоило ей только переступить ворота, как со стороны раздался саркастичный голос:

— Мисс Бартвелл, прошу заметить: даже в грязь вы рухнули с поистине благородной осанкой, — издевательски усмехнулся Лестер.

Луиза лишь устало обернулась и, уже совершенно наплевав на его пугающе потустороннюю природу, смерила призрака тяжелым взглядом, после чего побрела дальше. И если бы она взглянула на него еще хоть раз, то обязательно заметила бы: насмешка на лице Лестера исчезла. Быть может, он даже почувствовал укол стыда. Поэтому в следующий раз его голос прозвучал уже мягче:

— Не то чтобы мне было очень интересно но что у тебя стряслось?

— Что стряслось? — буркнула Луиза. — Моя жизнь.

Призрак, шагая следом, невольно усмехнулся, оценив ее ответ.

— Надеюсь, Салли, твои слова хоть в чем-то ошибочны, — едва слышно прошептала девушка себе под нос.

Однако от Лестера этот шепот не ускользнул.

— Салли? — вопросительно произнес он ей в спину.

В этот момент двери дома распахнулись, и на крыльцо выбежала охавшая Тильда.

— Милая, как же ты так? — всплеснула руками женщина, спеша к девушке.

После нескольких долгих минут расспросов и причитаний служанка всё же проводила несчастную в дом и, немного успокоившись, сразу принялась наполнять для неё ванну. Когда все было готово, девушка, оставляя за собой грязные следы, вошла в комнату. В небольшом закутке для купания ее уже ждала горячая вода — такая манящая после этого ужасного дня.

Она развязала корсет, наконец позволяя себе свободно вдохнуть. Тот мягко упал на пол, и девушка ловко переступила через него. Промокшая от дождя ткань медленно скользнула вниз, оголяя плечи и задержавшись у груди, как вдруг Луиза спиной ощутила чужое присутствие.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — раздался наглый

голос.

Схватившись за едва державшееся на теле платье, она резко обернулась. Лестер невозмутимо расположился в кресле неподалеку.

От этого девушка пришла в ярость. Будь он хоть сто раз хозяином дома это не дает ему право столь бесстыдно нарушать ее границы! Призрак, вампир, да пусть даже оборотень — плевать. Если ты мужчина, входа в женские покои у тебя нет!

— Как смеешь входить?! Я почти разделась! — потрясенно воскликнула Луиза.

— Но ты ведь позволяешь себе врываться в мою библиотеку, — лениво заметил он с улыбкой. — Да и, к тому же, мне давно чужды все живые радости. В том числе и вождение.

То, с какой невозмутимостью Лестер рассуждал об этом, сидя перед полуголой девушкой, до глубины души возмутило ее.

— Манеры тебе тоже чужды? Где твое воспитание?! — резко выпалила она, без тени страха глядя ему прямо в глаза.

Как ни странно, но этими словами она попала в цель. Это стало ясно по тому, как призрак вдруг замер, крепче сжав пальцами подлокотники кресла. На мгновение на его лице смешались уязвленность, раздражение и почти человеческое смущение. Казалось, он невольно вспомнил все эти чувства и теперь тщетно пытался от них отгородиться.

Однако в следующую секунду он, не сказав ни слова, про-

сто исчез.

Луиза шумно выдохнула. Подождав еще немного и убедившись, что Лестер действительно ушел, она наконец полностью разделась и погрузилась в горячую воду, смывая с себя усталость, грязь и тяжесть этого дня. Тепло постепенно расслабляло тело. Несколько раз девушка даже начинала дремать и лишь спустя почти час все же заставила себя выбраться из ванны.

Надев чистую одежду, Луиза направилась вглубь комнаты, когда внезапный стук в дверь остановил ее. Устало вздохнув, девушка поплелась открывать и, распахнув дверь, замерла — за порогом никого не было. По коже тут же поползли мурашки. Ее взгляд метнулся к часам.

«Ничего необычного», — подумала Луиза, всматриваясь в размеренный ход механизма.

Но стук был совершенно явным. Кто же тогда стучал, если прямо здесь, на пороге, где стояла встревоженная девушка, было пусто?

Воспоминания о девочке все еще были слишком свежи.

Не прошло и секунды, как Луиза решила: выяснять, кто именно пришел к ней в этот раз, она не хочет. Рывком захлопнув дверь, девушка поспешно задвинула засов.

Отойдя от входа, она развернулась — и едва не взвизгнула. В дальнем углу комнаты, беззаботно расположившись у кровати, сидел Лестер.

— Я постучал, и ты открыла, — заявил он, загибая паль-

цы. — Достаточно манерно для вас, мисс Бартвелл?

— Да что с тобой сегодня?! — возмущенно бросила Луиза. — Проходу мне не даешь. Тебе скучно?

— Скучно мне последние лет пятьдесят, — вальяжно поднимаясь, ответил призрак. — Но сейчас дело в другом. Я не люблю, когда мои вопросы игнорируют.

Луиза молча уставилась на него, пытаясь среди вихря событий вспомнить, о чем именно он спрашивал.

— Ты так и не сказала, что с тобой стряслось, — нетерпеливо напомнил Лестер.

Девушка замялась. Неужели он и правда не видит, что происходит в доме? Впрочем, если не видит — то, возможно, оно и к лучшему.

— Все в порядке, — тихо ответила она, внезапно ощутив, что признаться в правде ей попросту стыдно.

И в этот момент совершенно предательски заурчал живот. Да так громко, что глаза призрака округлились.

— Так вот оно что! — воскликнул он. — Вот что всю ночь мешало мне читать! От звуков твоего живота, мисс Бартвелл, содрогалась вся библиотека!

Луиза мгновенно покраснелась.

— Прости — пробормотала она, не поднимая глаз.

— Спускайся и поешь сейчас же! — возмущенно приказал Лестер, раздраженно прижав ладонь ко лбу.

— Еще немного, и этот звук доведет меня до безумия.

— Обязательно только немного позже, — тихо ответила

девушка.

— Морить себя голодом — дело дурное, — продолжал он.

— Ступай сейчас.

— Да не выйдет сейчас! — внезапно сорвалась Луиза.

— В доме нет — Она резко оборвалась на полуслове, но, поняв, что скрывать дальше бессмысленно, медленно продолжила: — Нет ни крошки.

Опустив взгляд, девушка нервно царапала ногти.

— Вся еда испорчена, понимаешь?

Кто бы знал, чего стоило Луизе признаться в своем положении. Это было почти равносильно словам: «Посмотри, какая я жалкая». А подобное всегда дается мучительно тяжело. Но это была правда, и скрывать ее больше не хотелось. Однако поднять глаза девушка все равно не решалась — слишком стыдно.

И все же, осмелюсь она взглянуть на Лестера, неожиданно бы удивилась: на его лице не было ни привычной насмешки, ни дерзости. В ту секунду там было только понимание.

На миг призрак задумался, а затем, поправив сюртук, медленно вернулся в кресло.

— Тогда я задам вопрос в последний раз, — твердо произнес призрак. — Что у тебя происходит, Луиза?

Девушка затравленно взглянула на него, и Лестер уже тише добавил:

— Мы с тобой невольные соседи, так что перестань таиться.

И Луиза вдруг поняла, что больше не может молчать. Не только потому, что устала скрывать от всех происходящее в доме, делать вид, будто всё в порядке, и каждый день задыхаться от страха и унижения.

Было и кое-что ещё.

Где-то глубоко внутри она неожиданно почувствовала: несмотря на язвительность, холодность и вечные насмешки, Лестер — тот, кому ей хочется довериться.

И, возможно, он единственный, кто действительно станет слушать. Эта мысль пугала не меньше, чем всё остальное.

Но сейчас, стоя посреди полутёмной комнаты и слушая шум дождя за окнами, Луиза впервые за долгое время ощутила почти болезненное желание перестать справляться со всем этим в одиночку. Пусть её постоянно заставляли молчать. Пусть её чувства, страхи и мнение ничего не значили для окружающих.

Но право быть услышанной всё ещё принадлежало ей.

Луиза медленно подняла на него взгляд и решила рассказать всё.

Глава восьмая: слышишь, как с меня спадают цепи?

С чего начинается доверие? С приятельского разговора?
С желания быть услышанным?

Что ж, для каждого — по-своему.

Но для Луизы оно началось в тот момент, когда молчание стало невыносимым.

Иногда внутри человека накапливается столько страхов, что они начинают разрывать его изнутри. И тогда остаётся лишь одно — позволить кому-то увидеть эти надрывы.

Стоя перед Лестером, Луиза вдруг с пугающей ясностью поняла: если не расскажет ему, то уже не расскажет никому.

Она знала: надменный призрак выслушает. Ведь несмотря на то, что он давно мёртв, а в её груди бешено колотится живое сердце, между ними было нечто пугающе общее — одиночество.

И именно оно стало первым, хрупким зачатком доверия.

— Раньше до такого не доходило, — тяжело вздохнув, начала она. — То есть отец, конечно, всегда растрачивал деньги матери, но, пока рядом был Альберт — её старший брат и мой дядя, — всё оставалось под контролем. Отец боялся его...

Призрак упёр локти в колени и с неподдельным любопытством слушал девушку, переминавшуюся с ноги на ногу. Впервые за всё время он не стремился перебить её.

— Но здоровье дядюшки стало подводить, и он решил ненадолго уехать в Шотландию, оставив нас, — тихо продолжала Луиза. — И тогда всё началось. День за днём отец пропадал с дружками в игорных домах, его образ жизни стал самым что ни на есть праздным. Первой из нашего дома исчезла вся наличность, а затем...

Она вдруг притихла, сжав собственное предплечье, словно вместе с воспоминаниями возвращалась и старая боль.

— Не прошло и нескольких месяцев, как он без всякого стыда заявил, что дом больше нам не принадлежит. Вот так просто. При всех слугах.

Подняв глаза на Лестера и встретив его колкий, непривычно серьёзный взгляд, девушка осеклась. Однако почти сразу поняла: это негодование адресовано вовсе не ей. И от этого осознания ей стало настолько легче, что сдерживать слова уже не получалось — они сами находили выход.

— Я пыталась писать дяде, однако отец, узнав об этом, приказал не принимать письма от его дочери и, конечно, наказал меня.

Она вдруг, без всякого смущения — будто и не была благородной англичанкой, воспитанной в бесконечных запретах и правилах, — оголила нижнюю часть плеча. На бледной коже тянулся грубый шрам от розог.

Нельзя было понять, смутился ли призрак от такой неожиданности. Даже если и так — он прекрасно это скрыл. Лишь немного изменился его взгляд — стал тяжелее, внимательнее. Будто боль этой девушки на мгновение перестала быть для него чем-то далеким.

Несколько секунд в комнате стояла тишина. За окнами шумел ветер, тихо потрескивали свечи, а он смотрел на неё так внимательно, что ей стало неловко — и, чтобы скрыть это чувство, она поспешила продолжить.

— А после... — замявшись, пробормотала Луиза, отводя взгляд, — явился Винсент. Тот, кто владеет твоим домом.

Она медленно окинула глазами стены комнаты, и от неё не ускользнуло то, как призрак едва заметно сжал кулак, подпирающий его подбородок.

— Они знакомы давно. Очень давно. Ещё с юности отца, — продолжила она и, не находя себе места, подошла ближе к кровати, после чего медленно опустилась на край. — Их встреча в тот день была короткой, но, пусть я и не слышала разговора, позже узнала, что мы едем в его имение, расположение которого должно держаться в тайне.

Она нервно переплела пальцы.

— Спросишь почему? — девушка горько усмехнулась. — Отцу попросту было страшно, ведь за всё, что он сделал, рано или поздно пришлось бы отвечать, а к такому он не привык.

Лестер медленно поднял взгляд, принимая всю тяжёлую

откровенность девушки и ничем не выдавая того, что к ней не был готов.

Но он наблюдал. Внимательно. И вот что подметил: стоило Луизе заговорить об отце, как в ней вдруг отчётливо проявлялось презрение к нему. То, как кривились её губы при одном лишь упоминании родителя, какая брезгливость проskalзывала в голосе, — всё это было чистым, почти болезненным отвращением.

— А потом, представь... — с надрывом продолжила Луиза, и глаза её заблестели от слёз. — Дом, в котором я провела всё детство... мой дом у меня отняли! И тот, кто в этом виноват, даже не извинился.

Она вдруг резко поднялась с постели. По щекам уже текли горячие ручьи, и девушка даже не пыталась их скрыть.

Лишь отвернувшись, закрыв лицо ладонью.

Призрак молча смотрел на её вздрагивающую от рыданий спину, на расшнурованное платье, из-под которого виднелся глубокий шрам. И неожиданно поймал себя на пугающей, почти человеческой мысли: ему хотелось подойти к ней. Осторожно коснуться дрожащих плеч, успокоить, утешить и хотя бы ненадолго забрать у неё эту боль, от которой сжималось даже его мёртвое сердце.

Но разве мог он позволить себе эту слабость? Нет. Он сопротивлялся этому всем своим существом и потому вовремя остановил себя, так и оставшись неподвижным в кресле.

— Прости, Лестер... — тяжело дыша, она всё же оберну-

лась к нему. Эмоции понемногу стихали, хотя голос всё ещё дрожал.

— Дальше, как ты понимаешь, всё было просто. Мне даже ничего не объяснили. Лишь сказали, что мы уезжаем... И вот мы здесь... — она неловко повела руками, будто очерчивая мрачное пространство вокруг.

Повисла тишина, но призрак и не думал её нарушать. Он чувствовал: это ещё не всё. Внутри Луизы оставались слова, что хотят прорваться наружу.

— Отец снова во что-то ввязывается... я это знаю, — уже тише продолжила девушка. — Каждое утро карета увозит его куда-то, но уж точно не затем, чтобы обеспечить нас едой. Он на это не способен.

Будто опомнившись, она поспешно поправила платье, скрывая оголённое, изуродованное шрамом плечо.

— Он... Он просто... — Луиза вдруг запнулась, не решаясь закончить фразу.

И словно ей в помощь неожиданно прозвучал голос Лестера — тихий, но удивительно твёрдый:

— Давай. Скажи это.

Однако выученная покорность въелась в неё так глубоко, что даже собственные мысли казались чем-то запретным. И всё же, глядя на Лестера, Луиза вдруг впервые почувствовала: рядом с ним ей позволено говорить.

— Мой отец — подонок, что день за днем уничтожает мою жизнь! — Наконец произнесла она со всей накопившейся бо-

лью.

Этого оказалось достаточно, чтобы призрак удовлетворённо кивнул. Именно эти слова и должны были прозвучать.

— Во всём виноват он! — выпалила она.

— Я давно нормально не ела... — отвернувшись, едва слышно добавила девушка. — И платье на выход у меня осталось всего одно.

Она поджала губы, словно этим признанием сказала уже слишком многое.

И всё же впервые за долгое время Луизе стало легче. Несмотря на весь ужас происходящего, теперь о её жизни знал кто-то ещё.

Лестер отчего-то слишком долго всматривался в неё, а затем вдруг произнёс:

— Это что... стыд?

В его голосе не было насмешки — лишь искреннее любопытство. Склонив голову набок, он продолжал изучать её.

— Я вижу на твоём лице стыд?

И он не ошибся. Раскрасневшаяся, непривычно тихая и опустившая глаза Луиза выглядела до мучительного смущённой.

На деле ей хотелось провалиться сквозь землю.

Лестер понял это сразу. И неожиданно для самого себя почувствовал раздражение.

— Этот позор, — вкрадчиво произнёс он, — принадлежит не тебе, а тому, кто был за тебя в ответе. Ты понимаешь?

Луиза неуверенно кивнула.

Призрак поднялся со своего места и медленно прошёл к окну. Его движения оставались всё такими же ровными и сдержанными, однако, если бы Луиза не знала его исключительно как беспристрастного и строгого, то решила бы, что он взволнован.

Чтобы хоть немного разрядить повисшую тяжесть, девушка заставила себя улыбнуться:

— Но скоро всё хотя бы немного наладится. Мы с Тильдой начнём работать, и у нас появятся деньги.

Однако призрак её притворной радости не разделял.

Наверное, на его месте следовало сказать что-то ободряющее. Во всяком случае, Луиза ждала именно этого. Но Лестер всегда ценил в людях лишь одно качество — откровенность. И в его глазах девушка заслуживала её.

— Заработанных вами денег вы не увидите. Ты ведь это осознаёшь?

Он произнёс это, не глядя на неё, будто не хотел видеть, как в её глазах медленно гаснет последний огонёк надежды.

Луиза ничего не ответила. Будто сил на слова у неё попросту не осталось.

Тогда Лестер неожиданно обернулся:

— А кто такая Салли? Сегодня ты говорила о какой-то девушке.

До конца не было ясно — действительно ли ему интересна её судьба или несчастная путана стала лишь поводом сме-

нить тему. Но так или иначе Луиза, которой теперь приходилось прикладывать усилия даже для простого разговора, всё же рассказала ему печальную историю своей знакомой.

Лестер молча выслушал её и лишь в конце, коротко кивнув, неожиданно произнёс:

— Я всё понял. Благодарю тебя за откровенность, — его голос прозвучал непривычно тихо, и, не сказав больше ни слова, он развернулся к выходу.

«Неужели это всё?» — ошеломлённо подумала Луиза.

«Я столько всего рассказала... а он просто уходит».

Она резко поднялась с места и, сама не ожидая от себя подобного, выпалила:

— Лестер, стой!

И самым удивительным оказалось то, как мгновенно призывок подчинился её голосу. Он замер и медленно обернулся через плечо.

— Я... — Луиза поспешно собралась с мыслями. — Я бы тоже хотела кое-что спросить. Это было бы справедливо, верно?

Лицо мужчины тут же приобрело привычное надменное выражение. Ладони манерно сцепились за спиной.

— Спрашивай, — холодно бросил он, поворачиваясь к ней всем телом.

Он был готов к любому вопросу. К любому девичьему любопытству.

Но, как он сам уже успел подметить, мисс Бартвелл умела

удивлять.

— Кто такая Анна? — без лишних предисловий спросила Луиза.

Руки призрака тут же разъединились и безвольно опустились вдоль тела.

Это был не просто вопрос, а прицельный удар в самое уязвимое место.

— Откуда ты...

Он осёкся на полуслове, очевидно поняв, каким образом любопытная гостья его дома узнала это имя.

— Я нашла её письмо... к тебе, — виновато прошептала Луиза, с тревогой наблюдая, как изменилось его лицо.

Но Лестеру сейчас меньше всего хотелось ссориться.

Залезь кто другой в то, что принадлежало лишь ему, — последствия были бы совсем иными. Но это была Луиза. И ей отчего-то он позволял гораздо больше, чем следовало. Возможно, потому что рядом с ней его привычная холодность впервые давала трещину. А может, причина крылась в другом. Так или иначе, она была откровенна с ним — а значит, теперь, по всем правилам справедливости, очередь была за ним.

Лестер взял себя в руки, медленно выпрямился и наконец ответил:

— Та, перед кем я виноват, — прозвучал его безжизненный голос.

Он ненадолго замолчал, а затем уже совсем буднично про-

должил:

— И та, чьего прощения мне не дожидаться. А значит, никогда не уйти из этого проклятого места.

После этих слов он умолк. Напряжённую атмосферу нарушало лишь неровное дыхание девушки.

— Она была твоей возлюбленной? — замывшись, спросила Луиза.

Мужчина устало запрокинул голову.

— Нет, не была, — тихо ответил он, на мгновение будто погрузившись в собственные воспоминания, целенаправленно стараясь не смотреть на девушку.

— Не стану спрашивать, что произошло. Я вижу, как тебе больно говорить об этом. — Она шагнула к нему, отчего призрак внутренне востепенел. — Но позволь спросить, Лестер... почему ты так в этом уверен? Анна покинула мир? — тихо произнесла девушка, подходя почти вплотную и невольно заставляя его обернуться к ней.

— Либо так, либо уехала в Париж, как всегда мечтала, — заключил он, всматриваясь в ту, что устроила ему настоящий допрос и теперь стояла непозволительно близко, глядя на него своими большими распахнутыми глазами. И было в этом взгляде что-то опасное для того хрупкого самообладания, за которое Лестер цеплялся все эти годы.

Проблема была в том, что даже обсуждая столь острую для него тему, смотреть в её глаза всё равно хотелось. Это было мучительно приятно. И именно поэтому он прилагал

столько усилий, чтобы этого не делать.

— Но если всё же... — начала девушка, однако договорить он ей не позволил.

— Я ответил на твой вопрос, Луиза. Достаточно.

И в следующую секунду призрак просто исчез.

Суть человеческих страданий понять сложно. Одни люди кричат, говорят, плачут — словом, делают всё, чтобы окружающие узнали: им больно. Другие же, напротив, ревностно хранят свои терзания внутри. Луиза относилась скорее к первым, тогда как Лестер — ко вторым.

Девушка поняла это, стоя посреди пустой спальни и размышляя о том, что же скрывается за историей с Анной. Где она теперь? Когда умерла? И умерла ли вообще? А главное — неужели она и вправду единственный ключ к освобождению призрака?

Водоворот этих мыслей не отпускал Луизу несколько часов. Она сидела у окна, машинально перебирая пальцами край одеяла и всматриваясь в мутное небо за стеклом. Пару раз она даже проваливалась в короткий тревожный сон.

Так продолжалось до тех пор, пока снизу не раздался голос Тильды.

Служанка велела ей проведать матушку, а затем заняться уборкой в её спальне. Разумеется, Луиза подчинилась.

Комната матери встретила её тяжёлым запахом лекарств и сырости. Девушка осторожно поправила съехавшее одеяло, сменила воду в тазу, помогла женщине выпить настой и

недолго сидела рядом, слушая её неровное дыхание. Иногда ей казалось, будто мать хочет что-то сказать, но губы лишь едва заметно дрожали, так и не складываясь в слова.

После этого пришлось взяться за уборку.

Пыль в старом доме появлялась быстрее, чем её успевали стирать. Луиза протирала мебель, складывала вещи, вытряхивала тяжёлые покрывала и время от времени замирала, услышав очередной скрип половиц где-то в глубине коридора.

Но особенно тяжело давался ей труд через голод.

К вечеру руки начали дрожать от слабости, а в животе неприятно тянуло. Несколько раз ей приходилось останавливаться и опираться ладонью о край комода, чтобы переждать накатившее головокружение. Но жаловаться было бессмысленно — в этом доме у каждого хватало собственных бед.

Ближе к ночи Тильда всё же принесла ей ужин — хлеб и молоко.

И никогда ещё такая простая еда не казалась Луизе настолько вкусной.

Она ела медленно, сидя прямо на полу у кровати, стараясь растянуть каждый кусочек. Тёплое молоко приятно согревало изнутри, и впервые за весь день напряжение немного отступало.

Но даже тогда мысли всё равно возвращались к Лестеру.

К его голосу.

К тому, как он смотрел на неё.

К имени Анны, после которого его лицо будто погасло.

И чем больше Луиза об этом думала, тем яснее понимала одну пугающую вещь: она во что бы то ни стало узнает, что произошло между ними. И попытается помочь призраку, который, как бы странно это ни звучало, больше не казался ей чужим.

С этими мыслями она почти сразу уснула, едва коснувшись подушки.

Утро встретило её непривычно ярким солнцем — именно прикосновение его тёплых лучей и разбудило девушку. Удивительно, но впервые за долгое время она проснулась без ощущения тревоги. Мягкая постель, свежий воздух из открытого окна и уютная тишина — всё это будто уговаривало Луизу снова погрузиться в сон. Но обязанности есть обязанности.

«Матушка сама о себе не позаботится», — с этими мыслями девушка приподнялась на постели. Убрал с лица непослушные рыжие кудри, она заметила записку на прикроватном столике.

Недоверчиво взяв осторожно сложенный лист, она принялась читать строгий, выверенный почерк, который, отчего-то она была уверена, принадлежал Лестеру:

«Меня учили не оставлять даму в беде, даже такую несносную, как ты».

Р. S. Ты ничего мне за это не должна.

И никогда не будешь.

Девушка непонимающе огляделась — на краю стола, прикрытые тонким белым платком, лежали два алых камня. Луиза, не веря своим глазам, осторожно взяла их в ладонь. Свет проходил сквозь них, создавая почти завораживающее зрелище.

— Но ведь так нельзя... — шепнула она в пустоту.

— Так не подобает... — дыхание её участилось. — Не подобает принимать помощь от мужчины...

Эти слова слетели с её губ, но правдой не были. Истина была в другом: в доме не было еды, и главу семьи это не волновало. А на её ладони лежала настоящая помощь от того, кому, по какой-то причине, на неё — на Луизу — было не всё равно.

Не принять её означало бы оскорбить Лестера, а этого она точно не хотела.

Сжав камни в ладони, она почти беззвучно прошептала: «Однажды я всё верну. Спасибо за твою доброту».

И почему-то была уверена — он её услышал.

Глава девятая: материнский инстинкт

Кто-то однажды сказал: счастье мира начинается с одного человека, сумевшего подарить свет другому. И слова этого неизвестного мудреца вовсе не были лишены истины.

Для Луизы два крохотных алых камня, оставленных Лестером, стали помощью почти необъятной. В груди ее трепетала благодарность... и что-то ещё — чувство, которому она не могла подобрать название, но которое уже крепко вцепилось в самое нутро.

Как бы то ни было, поспешно поднявшись и наскоро приведя себя в порядок, девушка уже спустя каких-то десять минут выскользнула в коридор. Дом встретил её тяжёлым запахом переваренного картофеля, прогорклого масла и чего-то кислого, въевшегося в сырые стены.

«Видимо, Тильда снова пыталась что-то приготовить», — подумала Луиза, невольно поморщившись.

Запах не вызывал ни малейшего аппетита, но пустой желудок всё равно болезненно сжался. Впрочем, даже это не могло испортить ей настроение. Впервые за долгое время внутри было удивительно легко.

Подобрав подол платья, девушка почти бегом спустилась

вниз, однако стоило ей переступить порог трапезной, как радость мгновенно угасла.

Она сразу почувствовала: что-то не так.

В большой столовой царил полумрак. Тяжёлые портьеры почти не пропускали солнечные лучи, и лишь одно незавешенное французское окно рассекало комнату бледной полосой света. За длинным столом сидел один лишь отец.

Завтрак перед ним оставался нетронутым.

Не было ни привычной газеты, ни раздражённого ворчания, ни даже той показной важности, с которой Джозеф обычно держался за столом. Теперь он выглядел иначе — пугающе иначе.

Руки его заметно дрожали. Белки глаз покрылись красноватыми прожилками, а взгляд блуждал так, будто ему с трудом удавалось удерживать внимание хоть на чём-то. Создавалось ощущение, что даже тусклый утренний свет причиняет ему почти физическую боль.

Луиза видела отца пьяным, злым, раздражённым — каким угодно. Но таким... никогда.

И потому застыла у входа, не понимая, как ей вести себя дальше. Подойти и, как ни в чём не бывало, сесть напротив казалось почти тем же самым, что добровольно войти в клетку к тигру.

— Тильда!.. — хрипло прокричал мужчина, не поднимая головы, отчего его дочь невольно вздрогнула.

Позади неё тут же раздались торопливые шаги, и уже че-

рез секунду служанка буквально влетела в столовую, едва не задев девушку плечом.

— Господин... — запыхавшись, произнесла Тильда, быстро подходя к столу. — Неужели вы совсем ничего не съели?..

В её голосе звучала плохо скрываемая тревога, пока она осторожно помогала Джозефу подняться со стула.

— Вам нужно отдохнуть. Идёмте... прошу вас.

Поднялся он тяжело, почти навалившись на женщину всем весом. Луиза молча наблюдала, как отец вместе с Тильдой медленно направился к выходу, шаркая ногами по полу.

Луиза не сказала ни слова даже тогда, когда они прошли совсем рядом, оставив после себя тяжёлый запах кислого пота, исходившего от отца.

— Сегодня же отправляйся... — нервно шептал он служанке дрожащим голосом.

Та лишь быстро кивала, с трудом сдерживая слёзы.

— Разумеется, господин... Вы только поправляйтесь.

Кое-как поднявшись по лестнице, они скрылись из виду.

А Луиза так и осталась стоять у стены посреди затихшей столовой — растерянная, ошеломлённая и невольно думающая о том, сколько ещё непривычного ей предстоит увидеть в этом доме. То, что её даже не заметили, казалось странным и почти неприятным, будто она вдруг стала пустым местом.

И именно в этот момент ей невольно вспомнился Лестер.

«Так вот какво это... — подумала девушка, глядя в пустоту. — Когда тебя буквально не замечают».

Нахмурившись, Луиза медленно подошла к столу.

«И даже тарелки для меня нет...» — с неприятным уколom подумала девушка.

На мгновение ей даже пришло в голову, что она могла чем-то обидеть Тильду, но почти сразу Луиза отмахнулась от этой мысли.

«На Тильду и без того взвалено слишком много».

На столе остывал нетронутый завтрак отца, а в воздухе всё ещё стоял тяжёлый запах немытого тела, отчего захотелось покинуть это место как можно скорее.

Девушка направилась к выходу, даже не накинув шаль. Непогода, разыгравшаяся за окнами так внезапно, будто ждала лишь того момента, когда она спустится в столовую, сейчас совершенно её не волновала. Однако стоило Луизе приблизиться к двери, как её остановил голос Тильды:

— Луиза, подожди!

Девушка обернулась.

Служанка почти бегом спускалась обратно по лестнице, торопливо придерживая юбку.

— Меня не будет несколько дней, — быстро проговорила она, хватая с вешалки накидку и ридикуль.

— Что?.. Куда ты? Что происходит? — растерянно спросила Луиза, делая шаг навстречу.

— Потом, всё потом! — взволнованно прошептала Тильда и неожиданно обхватила ладонями лицо девушки. — За матушкой пригляди. И главное — отца не тревожь!

— Что с ним? Такого раньше не было! — уже по-настоящему испугавшись, спросила Луиза, ухватив женщину за рукав.

Но Тильда словно нарочно избегала её взгляда.

— Завтрак тебе приготовить не успела, но чай стоит на дальнем столике, — заботливо произнесла она, полностью проигнорировав вопрос девушки.

То, как бесцеремонно женщина пренебрегла ответом, отдалось в сердце Луизы обидой. Неужели в глазах Тильды она не заслуживает правды или хотя бы уважения? Не заслуживает знать, что здесь всё-таки происходит? Эти вопросы отзывались болезненной пульсацией в висках, но одно ей было ясно: чего бы ни происходило с отцом — это результат той жизни, которую он выбрал, и тех действий, что он совершал.

— Не тревожься, я к нему не подойду! Даже воды не поднесу! — гневно выкрикнула девушка. — Пусть уж сам себя погубит!

Тильда уже стояла у самого выхода, но после этих слов медленно обернулась, и столько внезапной враждебности появилось в её взгляде, что Луиза невольно отступила на шаг. Служанка не произнесла ни слова — лишь нарочито медленно распахнула дверь и вышла из дома, так сильно хлопнув ею, что где-то наверху задребезжали стекла.

«Что это было?.. — тревожно подумала Луиза, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. — Она никогда так на меня не смотрела... Просто сумасшедший дом».

Однако следом в голову пришла совсем другая мысль — для кого-то, возможно, постыдная, но для неё самой почти радостная.

«По крайней мере, если отец в таком состоянии, то хотя бы несколько дней не сможет меня трогать».

И от этого осознания девушка шумно, почти с облегчением выдохнула.

Впрочем, сказанного Тильде ей всё же было жаль. Вернее — жаль было того, что она произнесла это вслух.

Но сделанного уже не веротишь.

Поэтому Луиза медленно побрела наверх к матушке, которой, как оказалось, сегодня тоже нездоровилось.

Клаудия почти всё время спала, а когда просыпалась — становилась капризной и раздражительной. Она тихо стонала, отворачивалась и мешала дочери обрабатывать пролежни, будто любое прикосновение причиняло ей неудобства.

Луиза терпеливо расправила сбившееся покрывало, сменила простыни и осторожно убрала с лица матери растрепавшиеся пряди.

Наконец, укутав Клаудию потеплее, девушка тихо закрыла за собой дверь спальни.

Коридор встретил её тишиной.

Старый дом будто вымер. Слышался лишь вой ветра за окнами да редкий треск древесины где-то в глубине стен.

Оставшись одна, Луиза вдруг тихо позвала того, кого во всём этом доме действительно хотела увидеть:

— Лестер...

Голос её прозвучал неожиданно слабо.

Она огляделась по сторонам и уже чуть громче повторила:

— Лестер, ты здесь?

Но ответа не последовало.

Разобраться в потусторонней природе появления призраков было почти невозможно. Однако одну вещь Луиза всё же успела подметить: стоило стрелкам часов пуститься в свой безумный бег — в доме тут же появлялись незваные гости, от которых спасал лишь задвинутый засов.

Но с Лестером всё было иначе.

Он приходил и исчезал по собственному желанию.

Иногда, как сейчас, его попросту нигде не было. Луиза чувствовала это почти физически — будто вместе с ним из дома исчезало что-то неуловимое. Менялся сам воздух.

Куда он уходил в такие моменты, девушка не знала. И почему-то не решалась спрашивать.

Так или иначе, стоять одной посреди пустого коридора ей совсем не хотелось. Уже намереваясь спуститься на кухню и заняться уборкой, Луиза машинально взглянула в окно и вдруг заметила у ворот знакомую карету.

— Только не они. Только не Бишепы! — шепнула Луиза, чувствуя, как сбивается дыхание.

«А если история с розами всё-таки вскрылась? Вдруг они приехали именно из-за этого? Нет... это было бы слишком глупо», — лихорадочно подумала девушка.

Одна лишь мысль о том, что ей снова придётся встречать и развлекать напыщенного Августа и, что ещё хуже, его невыносимого сына, заставила её устало прислониться к стене. Голова всё ещё неприятно ныла.

Однако, вновь взглянув в окно и заметив среди прибывших гостей и слуг Элизабет, Луиза немного успокоилась.

Глубоко вздохнув и на мгновение прикрыв глаза, девушка оттолкнулась от стены и направилась вниз. Каблуки тихо застучали по ступеням, а с улицы уже доносились приглушённые голоса прибывших гостей. Подойдя к двери, она на секунду замерла, собираясь с силами, после чего повернула ручку и распахнула входную дверь, за которой её уже ждали трое гостей.

— Доброго дня, мисс Бартвелл, — с колким взглядом и многозначительной улыбкой произнёс Артур.

Вцепившись пальцами в дверную ручку, Луиза почувствовала подступающее раздражение. Впрочем, развиться этому чувству не позволил стоявший за спиной сына Август.

— Я получил приглашение от твоего отца, — широко улыбнулся мужчина. — Он у себя?

Её совершенно не волновала репутация отца. Пусть хоть весь город увидит его в таком состоянии — ей было всё равно. Но, к сожалению, чужие пересуды могли коснуться и её самой.

— По правде говоря, сегодня ему очень нездоровится, мистер Бишоп. Быть может, в другой раз? — с наигранной гру-

стью, но плохо скрываемой надеждой ответила Луиза.

— Брось, дитя, — уверенно сказал Август, шагнув внутрь дома и мягко отстраняя девушку с дороги. — Я быстро приведу его в чувство.

С этими словами он без всякого дозволения, почти по-хозяйски направился наверх. Остановливать его Луиза не стала — смысла не было. Через несколько мгновений Август уже скрылся на лестнице, оставив девушку наедине с вошедшими Элизабет и Артуром. По счастью, хотя бы их прислуга осталась снаружи.

Белокурая девушка тут же крепко обняла подругу.

— Ну как ты, птичка? — тепло прошептала она, поправляя выбившуюся рыжую прядь.

Луиза действительно была рада видеть Элли, однако рядом с её братом не могла избавиться от неприятного чувства брезгливости.

И потому рассказать о том, как чувствует себя на самом деле, тоже не могла.

— Вы выглядите очень напряжённой, — издевательски заметил Артур, бесстыдно скользнув взглядом по её лицу.

Девушка уже собиралась ответить ему со всей язвительностью, на которую была способна, и плевать ей было, обидится Элли или нет, однако не успела — сверху послышался хлопок двери, а следом и оживлённые мужские голоса.

— Ты там ещё не бывал, Джозеф. Тебе понравится! — радостно говорил Август.

— Я в этом более чем уверен! — ответил неожиданно бодрый голос Джозефа.

Всмотревшись в лестничный пролёт, девушка замерла, не веря собственным глазам. Отец спускался вниз так бодро и уверенно, будто ещё утром его не трясло за столом, будто он не цеплялся за руку Тильды и не выглядел человеком, которого вот-вот свалит болезнь. Его голос звучал живо и громко, шаги были твёрдыми, а в движениях не осталось и следа недавней слабости. От этой резкой перемены по спине девушки пробежал неприятный холодок.

— А ты говорила, что ему нездоровится, — с шутливым укором заметила Элли. — Погляди, он же в полном порядке!

Но в порядке он не был.

Луиза поняла это сразу, как только отец подошёл ближе.

Его взгляд всё так же беспокойно метался из стороны в сторону. Щёки его слегка порозовели, движения стали резкими и порывистыми, будто тело не поспевало за скачущими мыслями, улыбка казалась слишком широкой, словно мышцы лица свело в одном выражении. А сам он был настолько неестественно оживлён, что это пугало куда сильнее утренней слабости. Казалось, отец переполнен энергией до краёв, но эта энергия была чужеродной, неправильной.

— Целительная сила дружбы, — загадочно произнёс Артур с лёгкой усмешкой, наклонившись ровно настолько, чтобы эти слова услышала только Луиза.

И почему-то эта усмешка ясно говорила: он знает гораздо

больше, чем показывает.

— Милое моё дитя, собирайся скорее! — обратился Джозеф к дочери. — Дорогой Август сообразовал сопроводить нас на ярмарку. Чудесно, не правда ли?

— А как же мама? — тут же спросила Луиза.

— Она не поедет, милая, — ответил он таким тоном, будто сообщил нечто чрезвычайно важное.

— Понятно, что не поедет, — проговорила девушка, смущаясь того, что ей приходится объяснять столь очевидные вещи. — Я не об этом. Тильды нет в доме. Мы не можем оставить её одну!

— Давай живее, Луиза, не заставляй всех ждать, — беспечно отмахнулся отец и, положив руку на плечо друга, бодро направился к выходу.

Это напомнило девушке утренний разговор с Тильдой, однако если служанка проигнорировала её намеренно, то Джозеф, казалось, действительно не понимал сути разговора.

— Элизабет, дорогая, ступай за мной, — бросил Август своей дочери.

Та растерянно взглянула на подругу, очевидно тоже понимая, что происходит что-то очень неправильное, но всё же послушно последовала за отцом.

Оставшись стоять посреди холла, Луиза почувствовала, как внутри нарастает тревога.

Наверху находилась матушка, которую нельзя было оставлять без присмотра. Она могла проснуться, попытаться под-

няться с постели и упасть, как это уже бывало. А прямо за дверью, возле кареты, громко смеялся её отец — человек, чью реакцию на отказ невозможно было предугадать.

— Надо бы поехать, — негромко произнёс Артур за её спиной, о присутствии которого девушка на секунду забыла.

— Нет, — резко ответила она. — Пусть хоть всю меня розгами исполосует, но матушку я не оставляю.

Развернувшись, Луиза быстрым шагом направилась к лестнице. Конечно, ей было страшно — послушаться отца всегда страшно. И, как правило, очень больно. Но если она единственная в этом доме сохранила рассудок, значит, так тому и быть.

Луиза приоткрыла дверь спальни матери. Та тихонько посапывала во сне. Девушка присела у изножья кровати, поджав под себя ноги, и просто смотрела на родного человека, сама не зная, чего ждёт. Наверное, хоть какой-то определённости.

Вдруг её отвлёл лёгкий стук в дверь.

Не отец. Он бы точно не стал стучать.

Осторожно приоткрыв дверь, Луиза увидела на пороге суховатую женщину в одежде прислуги. Взгляд её был до странности покорным, почти безвольным, однако сама она не проронила ни слова.

И тут за её спиной появился Артур.

— Это Марта, — тихо сказал он. — Одна из моих служанок. Она присмотрит за твоей матерью, пока ты будешь от-

сутствовать.

— Ни в коем случае! — грозным шёпотом отрезала Луиза, выходя из спальни и осторожно прикрывая за собой дверь.

Неужели гадкий лис решил воспользоваться происходящим в её доме, чтобы под благовидным предлогом оставить здесь своего человека? Того, кто будет подслушивать и подглядывать за всем, что творится в стенах Бартвеллов.

Она без всякого стыда подошла почти вплотную, вторгаясь в его личное пространство так уверенно, будто именно он был здесь виноват во всех её бедах. Вероятно, сказывалось накопившееся напряжение.

Однако Артура же эта неожиданная дерзость, кажется, лишь позабавила. В уголках его губ мелькнула едва заметная улыбка. Впрочем, длилось это ровно до того момента, пока Луиза не заговорила.

— Подослать ко мне свою прислугу? Очень изобретательно. Решил так мне отомстить? — ядовито шепнула она. — Напрасно. Твоя помощь мне не нужна!

Затем перевела взгляд на женщину и уже мягче добавила. — Простите, но вам лучше уйти.

Артур лишь закатил глаза, словно именно такой вспышки и ожидал. Впрочем, даже предсказуемая колкость неприятно его задела, но отступать он, разумеется, не собирался: это было бы слишком щедрым подарком.

— Не нужна помощь? — негромко, но с ноткой раздра-

жения переспросил мужчина и, осторожно взяв девушку за подбородок, повернул её голову к окну. — Тогда будь добра, упрямая, туда глянь.

Во дворе Джозеф уже стремительно направлялся обратно к дому. Его тяжёлый, раздражённый шаг ясно говорил о том, что терпение подошло к концу и ждать дальше он не собирался.

— Если ты переживаешь, что она станет доносить мне о происходящем, то спешу успокоить: Марта немая и не умеет писать. Она плохой информатор, — спокойно добавил Артур, понимая, что наконец нашёл нужный довод.

Во взгляде Луизы на мгновение отразилось сомнение, но она тут же отбросила его и вместе с тем резко смахнула руку Артура со своего лица.

— У меня нет времени объяснять ей, что делать. Просто уходите!

— Да ей и не нужно ничего объяснять, — не уступал Артур. — Марта работала в лазарете и прекрасно знает, как ухаживать за лежач... — он прервался, боясь сказать лишнее, а после продолжил, — за людьми в сложном положении.

— И всё равно... — сказала Луиза, недоверчиво посмотрев ему в глаза.

— Я оскорбила тебя, отослав твой подарок обратно. И понятия не имею, на что ты способен в отместку.

От её слов на лице мужчины появилось настоящее возмущение.

— Даже если бы я и замышлял что-то против тебя...

Он шагнул ближе, и в глазах мелькнула злость.

— Я бы никогда не стал вмешивать старую больную женщину.

Прошипев это, Артур развернулся и направился к лестнице, попутно бросив:

— Одевайся. А я пока задержу твоего папеньку.

Луиза колебалась всего секунду. После чего посмотрела на Марту.

— Ты действительно работала в лазарете?

Женщина молча кивнула.

И тогда девушка всё же отступила от двери, позволив ей войти.

А сама с тяжёлым сердцем помчалась к себе.

Надев первое попавшееся под руку платье, Луиза выскочила из дома. На удивление, Артур справился отлично: на лице отца не осталось и следа недавней злости. Напротив — он громко хохотал и даже не заметил, как дочь подсела к нему в карету.

Почти сразу экипаж тронулся.

Сквозь гул мужских голосов до девушки донёлся тихий шёпот у самого уха.

— Всё разрешилось? — взволнованно спросила Элли.

Когда Луиза спокойно кивнула, подруга облегчённо улыбнулась и тут же принялась рассказывать ей о домах, мимо которых они проезжали.

Так незаметно прошёл весь путь, и вскоре карета остановилась в совершенно незнакомом месте.

Стоило Луизе выйти наружу, как её буквально захлестнул гомон толпы. Она невольно замерла на месте, растерянно оглядываясь по сторонам. Повсюду сновали люди: distinguished господа в дорогих сюртуках и простолюдины в потёртой одежде. Торговцы наперебой зазывали покупателей к своим лавкам, тут и там стояли цветочницы с яркими корзинами и музыканты, выводившие весёлые мелодии. Над головами колыхались разноцветные полотнища шатров, а воздух был наполнен десятками запахов сразу — пряностей, лошадей, духов и сырой древесины. Всё вокруг двигалось, шумело и переливалось красками. Словом — в этом месте кипела жизнь.

Элли тут же подхватила замороженную подружку под локоть и повела вперёд, стараясь при этом не отдаляться от их отцов. Неподдалёку шагал и Артур. Только, в отличие от Луизы, он не проявлял ни малейшего интереса к происходящему вокруг, словно видел подобное по три раза на дню.

— Нужно обязательно посетить лавку Эндрюса! — с восторгом рассказывала Элли. — У него самые замечательные кексы в городе!

— А потом мы непременно зайдём туда, — она указала в сторону небольшого, но очень изящного шатра. — И выберем себе украшения! — заключила Элли и почти взвизгнула от радости.

Луиза невольно задержала на ней взгляд и вдруг с болезненной ясностью поняла: они живут в разных мирах.

Для Элли ярмарка была местом, где выбирают украшения, спорят о фасонах платьев и восторгаются редкими камнями. Для Луизы же — местом, где можно попытаться выручить хоть немного денег за подаренный Лестером камень, чтобы в доме наконец появилась еда. Они шли рядом, смеялись и смотрели на одно и то же, но думали о совершенно разных вещах. Поймав себя на этих мыслях, Луиза осторожно отвела Элли чуть в сторону и решилась на то, чего прежде никогда не делала. Достав из кармана драгоценности, девушка показала их подруге.

— Скажи, где я могу обменять их на деньги? — тихо спросила она, украдкой оглядываясь по сторонам.

Элизабет изумлённо раскрыла рот. Подцепив пальцами один из камней, она долго рассматривала его на свету.

— Не знаю, где ты можешь его продать, но один я точно заберу себе, — решительно заявила девушка и тут же, зажав рубин в ладони, громко позвала:

— Братец, милый, подойди!

— Нет, что ты делаешь? — Луиза дёрнула её за рукав, пытаясь остановить.

Но было поздно.

Артур уже направлялся к ним.

— Ты и минуты без меня провести не можешь? — насмешливо бросил он сестре.

Элли тут же энергично закивала.

— Всё так! Взгляни на это!

Она раскрыла ладонь прямо перед его лицом.

— Это камень Луизы. Она хочет его продать, а я хочу купить. Понимаешь? — с многозначительной улыбкой заявила она брату.

Тот бросил на Луизу внимательный взгляд. На мгновение ей показалось, что сейчас последует очередная колкость или, чего доброго, обвинение в подделке. Однако Артур лишь молча взял драгоценность и поднял её к солнцу. В тот же миг камень вспыхнул густым алым огнём.

— Бирманский рубин? — спросил он, обращаясь к Луизе.

Та лишь пожала плечами.

Она понятия не имела, что именно отдал ей Лестер.

— Бирманский?! Такой редкий? — едва не вскрикнула Элли, привлекая внимание Джозефа и Августа.

К счастью, лишь на мгновение.

— Почему ты продаёшь такую красоту? — уже тише спросила она.

— Не задавай глупых вопросов, Элли, — спокойно произнёс Артур и начал отсчитывать банкноты.

Луиза невольно смутилась, увидев сумму.

— Не может быть, чтобы он стоил так дорого, — нахмурившись, заметила Элизабет.

— Столько, — невозмутимо подтвердил Артур.

Затем посмотрел на Луизу.

— Давай отойдём - он мотнул головой в сторону, приглашая следовать за ним.

— Это ещё зачем? — насторожилась она.

Мужчина тяжело вздохнул, будто устав от постоянных подозрений с ее стороны .

— Хорошо. - резко начал он - Я отдам тебе деньги прямо сейчас, и твой отец заберёт их быстрее, чем они успеют коснуться твоей ладони. Хочешь?

В его словах была неприятная правда.

Несмотря на то что Джозеф был увлечён беседой, дочь всё равно оставалась в поле его зрения.

— Хорошо, — сказала Луиза и сделала несколько шагов за шатёр с платками.

Артур последовал за ней, оставив растерянную Элли одну. Как только они оказались за шатром, скрытые от посторонних взглядов, он остановился и негромко произнёс:

— Держи, — протянул он ей внушительную пачку банкнот и негромко добавил: — Но молчи об этом. Не только твой отец, но и мой не должны ничего знать. Договорились?

— Почему? — спросила девушка, принимая деньги.

Артур улыбнулся, слегка выгнул бровь и наклонился ближе.

— Потому что это обязательно породит неудобные слухи о нас с тобой. А нам ведь это ни к чему?

Брови Луизы тоже изогнулись, только крайне негодуя.

— Вот же наглец! — вспыхнула Луиза. — Лучше бы поду-

мал о том, сколько дурных слухов порождают твои неуместные подарки!

Не желая продолжать этот разговор, она поспешно спрятала деньги и, не дожидаясь ответа, отступила на шаг, после чего направилась к Элли. Та стояла неподалёку у края шатра, скрестив руки на груди и нетерпеливо покачиваясь с пятки на носок. Светлые локоны слегка шевелил ветер, а на лице читалось любопытство, смешанное с плохо скрываемым раздражением от того, что её заставили ждать.

— Спасибо, — тихо шепнула Луиза.

Подруга улыбнулась, однако в её взгляде появилось что-то настороженное.

— Не за что. Теперь у меня есть бирманский рубин, а у тебя — денег намного больше, чем он стоит, — произнесла она своим привычно нежным голоском, но в нём отчётливо слышался упрёк. — Но что поделать? Видимо, твои голубые глаза совершенно обворожили моего брата.

После этих язвительных слов Элли как ни в чём не бывало побрела дальше.

— Да что же это такое?! — почти прорычала Луиза от обиды и рывком остановила подругу, ухватившись за рукав ее платья.

— Считаешь, что много? Забирай! — выпалила она в сердцах.

Ещё этого осуждения ей не хватало.

Она нервно потянулась к карману, но Элли вовремя пере-

хватила её руку и уже совершенно спокойно, даже слишком серьёзно для своего обычного поведения, посмотрела на девушку.

— Успокойся, птичка, — мягко сказала она. — Мой брат действительно слишком расщедрился, но это не отменяет того, что ты мне нравишься. А сделка есть сделка. Не нужно устраивать сцен.

Именно в этот момент Луиза поняла: её новая подруга не так проста и безобидна, как казалось сначала.

Впрочем, чему удивляться?

Она ведь Бишеп.

А значит, язвительность и хитрость наверняка передались ей с кровью.

Так или иначе, успокоившись, девушка пришла к выводу, что камень уже продан, деньги получены, а разбрасываться средствами, вырученными за драгоценность Лестера, она не имеет права. Поэтому лишь натянуто улыбнулась и позволила Элли снова взять себя под локоть.

На ярмарке оказалось множество фокусников: то и дело мелькали цилиндры, кролики и разноцветные платки. Очень скоро эти зрелища вытеснили из головы все дурные мысли. Обилие красок, запахов и голосов оказалось именно тем, чего ей так не хватало, и в какой-то момент Луиза даже позволила себе искренне рассмеяться, наблюдая за актёром, изображавшим нелепого простачка.

И пока отец с остальными были увлечены танцевальным

представлением, Луиза, не теряя времени, юркнула в продуктовую лавку. Всё же со вчерашнего дня у неё во рту не было ни крошки.

Шатёр оказался почти пустым. Посетителей не было вообще.

Зато на прилавках чего только не стояло: кексы, торты, пирожные, пудинги — всё, что только можно пожелать.

Запах корицы и свежего теста буквально сводил её с ума. Быстро оглядевшись, Луиза схватила первое попавшееся пирожное и тут же откусила большой кусок.

«Невероятно вкусно».

С набитым ртом разговаривать было затруднительно, поэтому она просто протянула удивлённому торговцу банкноту.

— Простите, госпожа, но у меня не будет сдачи, — виновато произнёс низкорослый старичок.

Взглянув на купюру, Луиза сразу поняла проблему.

Тысяча фунтов стерлингов!

Ни одно пирожное столько не стоило.

— Дайте мне минуту. Сейчас найду другую.

Отвернувшись, она принялась перебирать деньги, но быстро обнаружила неприятную истину: Артур действительно не поспешил. Все банкноты были одного крупного номинала.

«Что же делать?» — с нарастающей тревогой подумала девушка и обернулась к торговцу.

Судя по его сочувственному взгляду, он уже всё понял.

— Ничего, госпожа. Примите это как угощение, — неожиданно добродушно сказал он, хотя Луиза без спроса схватила пирожное и успела откусить от него добрую половину.

Волна стыда тут же прокатилась по её телу.

Нет, так нельзя.

Человек стоял здесь с самого утра, а покупателей почти не было. Луиза лихорадочно искала выход из положения, не желая ни принимать подачку, ни оставлять старика без заработка.

— А может, поступим иначе? — неожиданно предложила она.

Уже через несколько минут Луиза покинула шатёр с лёгким сердцем.

Теперь она точно знала: вечером торговец без лишнего шума доставит к их дому немало свежей выпечки.

И совесть её при этом останется чиста.

— И где была наша пташка? — кокетливо спросила Элли. — Неужели ходила рассматривать стройных гвардейцев? — Она лукаво улыбнулась и протянула Луизе руку, словно только её и ждала, чтобы вместе поспешить следом за мужчинами, уже ушедшими немного вперёд.

— Прекрати, — шутливо ответила Луиза и последовала за подругой.

Пришлось ускорить шаг, лавируя между прохожими и

торговыми рядами, чтобы успеть за своими сопровождающими. Нагнав наконец отцов у входа в одно из зданий, девушки вслед за ними вошли внутрь и вскоре оказались в большой книжной лавке.

Джозеф и Артур тут же углубились в спорные политические издания, с таким жаром осуждая авторов, словно те лично нанесли им смертельное оскорбление. Элли без особого энтузиазма бродила между стеллажами, лениво скользя взглядом по пособиям по этикету. Артур же вскоре затерялся где-то среди дальних книжных рядов, разглядеть содержимое которых не представлялось возможным.

«И что может интересовать этого гадкого лиса?» — невольно подумала Луиза, но тут же мысленно одёрнула себя. Ей ли не все равно?

Однако всё же зачем-то подошла ближе. Оказалось, молодой человек рассматривал книги по промышленному управлению и организации труда — сухие, практичные тома о том, как заставить людей работать больше и быстрее. Понаблюдав за ним ещё несколько мгновений, Луиза решила незаметно отойти в сторону, пока он, чего доброго, не обернулся и не начал засыпать её своими неудобными вопросами.

Продвигаясь всё глубже между высокими книжными рядами, она скользила взглядом по французской и русской литературе. Постепенно Луиза сама не заметила, как оказалась в той части лавки, куда благовоспитанным девушкам обычно не следовало заглядывать. Здесь почти не было дам —

лишь мужчины, увлечённо изучавшие научные труды, медицинские справочники и политические сочинения. Именно поэтому её внимание сразу привлёк тот самый том, о котором она лишь слышала, но никогда прежде не видела вживую.

Это был труд доктора Джона Ганна — «Новый домашний врач», стоимостью сто двадцать фунтов стерлингов. Дорого, но оправданно.

Глаза девушки тут же загорелись. Ей захотелось хотя бы коснуться книги. Она осторожно протянула руку к корешку, полностью поглощённая находкой и даже не заметив, что рядом кто-то появился. Лишь когда рядом едва уловимо качнулся воздух и до неё донёсся знакомый запах дорогого табака и хвои, Луиза почувствовала чьё-то присутствие. Она не успела даже обернуться — над самым ухом раздался тихий, раздражающе близкий шёпот, от которого девушка вздрогнула.

— Осторожнее. Если кто-то увидит, какими книгами ты интересуешься, — едва слышно произнёс Артур, — у тебя будут проблемы.

Слова его не были лишены смысла.

Луиза тут же взглянула в сторону отца — тот не обращал на неё внимания, но в любой момент мог обернуться. Девушка поспешно отдернула руку и отошла от прилавка.

Настроение мгновенно испарилось, и она вернулась к Элли, делая вид, что с интересом рассматривает книги по эти-

кету.

— Здравствуй, Мартин, — вдруг громко произнёс Август, обращаясь к вошедшему в лавку знакомому.

— Рад видеть, — ответил седовласый мужчина, держа под руку жену. — Представишь своего друга? — спросил он, кивнув в сторону Джозефа.

Разговор этих троих не выделялся ничем особенным, и Луиза бы перестала его слушать — если бы не одно «но».

Жена Мартина, София, дама лет сорока, дорого и аккуратно одетая, стояла странно неподвижно. Она держалась за локоть мужа, улыбаясь восковой улыбкой. Женщина почти не моргала и смотрела куда-то сквозь людей и предметы, будто вовсе их не видела. Губы были подкрашены неровно, словно это делала не она сама, а чья-то небрежная рука. Даже движения её выглядели запоздалыми и механическими: когда муж слегка сдвинулся с места, София последовала за ним лишь мгновение спустя, точно послушная кукла, которой забыли вернуть душу.

— Едва заметно кивнув в сторону незнакомки, Луиза чуть подалась к Элли и, словно боясь, что её услышат посторонние, тихо и немного смущённо спросила: — Что с этой дамой?

Элли бросила осторожный, почти испуганный взгляд в указанную сторону и резко шепнула:

— Не болтай! А то и сама так стоять будешь!

От её слов Луиза слегка растерялась. "Неужели и спросить

нельзя?" — с недоумением подумала она.

Но врождённое любопытство не позволило ей просто забыть и вернуться к книгам по этикету. Напротив — Луиза отошла чуть в сторону, делая вид, что рассматривает кулинарные пособия, и незаметно приблизилась к странной парочке.

Со стороны могло показаться, что она просто прогуливается между полками, но Артур, стоявший напротив, хоть и знал её совсем недолго, уже успел понять: эта девица наверняка что-то задумала.

Оценив людей рядом с ней, а главное — ту самую женщину, Артур будто мгновенно понял, что задумала Луиза. Он неспешно поровнялся с ней так, чтобы она наверняка заметила его присутствие, и бросил на девушку короткий взгляд. В уголках его губ мелькнула знакомая, уже ставшая привычной, насмешливая улыбка, а чуть приподнятая бровь словно спрашивала: «Неужели благородная леди подслушивает?» Однако в этом взгляде не было ни осуждения, ни намерения выдать её — лишь молчаливое понимание и какой-то почти заговорщический интерес, будто он решил сохранить её маленькую тайну.

Однако Луиза лишь демонстративно отвела взгляд, сделав вид, что её совершенно не интересует происходящее. Вскоре странная пара покинула лавку, но любопытство, которое не успела удовлетворить девушка, неожиданно проявил Джозеф. Он проводил супругов взглядом и задумчиво произнёс:

— Как удивительно покорна его жена, ты не находишь, Август? — спросил он.

— Верно, верно, мой друг, — охотно подхватил тот. — Лечение женской истерии воистину творит чудеса!

— Так она страдала истерией... как же я сразу не понял, — укоризненно произнёс Джозеф.

— И ещё как, — оживлённо продолжил Август. — Бросалась на мужа, требовала развода, кричала, что свобода — её право. Представь себе!

Он понизил голос, и Луизе пришлось сделать ещё шаг ближе, чтобы расслышать.

— В нашем городе есть замечательная женская лечебница. Дам туда заводят как буйных зверей. Они вопят, царапаются... а выходят такими, как София, — спокойными и послушными. Больше не спорят с мужьями и не злятся, словом, становятся настоящими женщинами. Разве не чудо?

— И впрямь чудо, — искренне произнёс Джозеф. — Хорошо, что медицина не стоит на месте.

Луиза содрогнулась. Она смотрела на отца и видела, как на его лице медленно проступает задумчивость, а следом — искреннее восхищение.

В голове вспыхнула лишь одна жуткая мысль: «София ходит, улыбается и моргает... но она мертва. Ее убили в той лечебнице. И именно это они называют чудом».

Несмотря на весь ужас, в лавке царили тишина и спокойствие: шелест переворачиваемых страниц, приглушённый

ные голоса покупателей и размеренная беседа мужчин. Но длилось это недолго, ведь внезапный и полный мольбы крик разорвал это спокойствие в клочья.

— Господин Бишеп!

Луиза резко обернулась и от неожиданности выронила книгу, которую всё это время держала в руках. Том с глухим стуком упал на пол, а к ногам Августа рухнула исхудавшая женщина. В дрожащих руках она сжимала старый платок, в складках которого тускло поблёскивало что-то золотое.

— Прошу, возьмите! — она вцепилась в рукав мужчины, пытаясь всунуть ему маленький золотой кулон. — Только отпустите моего Феликса!

Август резко отшатнулся, словно к нему прикоснулось что-то грязное и отвратительное. Лишившись опоры, женщина не удержалась и тяжело рухнула на пол всем телом.

— Твой сын вор! Пошла прочь! — брезгливо бросил он, отряхивая рукав.

— Прошу! — закричала она. — Его забьют за кусок баранины! Забьют насмерть!

Старый платок выскользнул из её дрожащих пальцев, и из него на доски жалко выкатился потускневший кулон — всё, что она принесла в качестве платы за жизнь собственного сына. Слезы, смешанные с грязью на её лице, капали на пол, а сдавленные всхлипы звучали так жалко и унижительно, что Август посмотрел на неё с откровенным омерзением.

— Такова судьба вора, — холодно отрезал Август и ногой

оттолкнул кулон.

Джозеф лишь хмыкнул, будто наблюдая неинтересный спектакль. Луиза стояла чуть в стороне, чувствуя, как болезненно сжимается сердце, ведь почему-то эта несчастная женщина вдруг напомнила ей собственную мать.

Элли, прикрыв ладонью рот, застыла в глубине стеллажей, не смея даже пошевелиться. А из-за книжных рядов вышел невозмутимый Артур. Подойдя к несчастной, он резко, но без грубости поднял ее на ноги, очевидно собираясь вывести из лавки.

Да только никто из присутствующих мужчин даже представить не мог, что такое материнский инстинкт и на что способна мать, у которой отнимают ребёнка. Для них это была всего лишь грязная простолюдинка, устроившая сцену.

Но стоящая в стороне Луиза, наблюдая за этой несчастной женщиной, вдруг почувствовала: быть беде. Вернее, она увидела это.

Руки женщины дрожали мелкой, непрерывной дрожью, дыхание стало частым и рваным, ноздри раздувались при каждом вдохе, а челюсти были так сильно сжаты, что на скулах проступили напряжённые желваки. Луиза читала о подобных состояниях и точно понимала: это уже был не страх, а неконтролируемая ярость.

Сына этой женщины вот-вот должны были забить палками за кусок баранины, а она оказалась бессильна это остановить. Страх, боль и отчаяние давно вытеснили из её сердца

здравый смысл. Надежды на справедливость не осталось во-
все. И тогда женщина решила, что если правосудия нет, она
свершит его сама. Пусть лишь однажды. Пусть ценой соб-
ственной жизни. Терять ей было уже нечего. Резким движе-
нием выдернув из волос тонкую острую заколку, она завопи-
ла:

— Все вы монстры! В вас нет ничего человеческого! — и
с этими словами со всего размаха вонзила длинный метал-
лический стержень прямо в шею Артура.

Она прекрасно знала, что ждёт её дальше, но ей было всё
равно. Не отводя взгляда, женщина почти победно смотрела
на Августа, чей сын на глазах бледнел и медленно оседал на
землю. В её собственных глазах не было ни страха, ни раска-
яния — лишь немой, отчаянный приговор: «Сын за сына».

Глава десятая: и мышь поймала кота

Как удивительно устроен человек. Он может злиться, обижаться, убеждать себя в ненависти — возможно, даже искренней, — и годами делить мир на чёрное и белое. Но достаточно одного мгновения, чтобы всё изменилось. Ведь чувства, а именно они делают нас людьми, не признают ни логики, ни старых клятв, и порой человек бросается спасать того, кого ещё вчера поклялся бы оставить на произвол судьбы.

Именно это Луизе предстояло узнать на собственном опыте в тот злополучный день.

Все произошло слишком быстро. Вопль женщины, тонкое сверкнувшее острие, мягкий приглушенный звук удара — и Артур, который не произнес ни звука, лишь со страхом смотрел на своего отца, схватившись за заколку в шее.

На одно короткое мгновение время будто остановилось. Ярмарочный шум, смех, музыка — всё это исчезло.

Девушке всегда казалось, что в подобных моментах мир должен взрываться хаосом: люди обязаны кричать, метаться, хвататься за головы.

Но в лавке было тихо.

Настолько тихо, что именно это пугало больше всего. Ни

криков боли Артура, ни отчаянной борьбы — только застывшие лица людей вокруг и тонкая струйка крови, медленно скользнувшая по его пальцам.

В тот момент ее дыхание оборвалось.

Джозеф растерянно сделал шаг назад, словно увиденное не укладывалось у него в голове. Элизабет пронзительно вскрикнула, разрушая оцепенение окружающих, и, спотыкаясь, рванулась к брату, но добежать не успела — Август уже оказался рядом с сыном. Он бесцеремонно оттолкнул дочь в сторону. На его лице впервые за все время проступил настоящий страх — тот самый, который невозможно скрыть ни положением, ни властью, ни привычкой держать себя в руках. Одной ладонью он обхватил шею Артура, словно пытаясь удержать его здесь, рядом с собой, а другой уже тянулся к торчащей из раны заколке. Его намерение Луиза поняла сразу. Она увидела решимость человека, который действует раньше, чем успеваешь подумать.

— Не вытаскивайте! — только и успела прокричать девушка, которая хорошо знала, что произойдет если ее не послушают. Но кто в омуте трагедии обратит внимание на девичий вопль?

Август рывком выдернул острое и в ту же секунду случилось то, чего она боялась — из раны фонтаном хлынула алая кровь. Бишеп младший повалился на землю, стремительно теряя живость.

“Артерия!” — пронеслась в голове девушке страшная

мысль. “Так может кровоточить только артерия!”.

Не успев даже осознать собственного решения, она смеялась со своего пути отца, торговца и еще какого-то беднягу бросилась к Артуру.

К нему. К человеку, которого еще недавно искренне считала последним, кого когда-либо станет спасать.

Колени больно ударились о землю, когда она рухнула рядом с мужчиной и дрожащими руками вцепилась в его окровавленный воротник.

— Не вздумай умирать! — прохрипела она, сама не зная зачем. Будто ее приказ мог удержать его по эту сторону жизни.

Не теряя ни секунды, девушка быстро, но осторожно принялась расстегивать ворот, совершенно не замечая, что Артур в это время смотрит на неё с таким искренним недоумением, словно из всех людей на свете именно её ожидал увидеть рядом меньше всего.

Впрочем, его изумление Луизу совсем не волновало. Перед ней был лишь раненый человек, истекающий кровью у неё на руках, и она знала, что нужно сделать, чтобы этот гадкий лис всё-таки не отправился на тот свет.

Детально осмотрев рану она невольно выдохнула — да, артерия была задета, но лишь вскользь. Острие ушло целиком в трапециевидную мышцу, а не в мягкие горловые ткани.

Все пусть и выглядело плохо, но на деле худшего не случилось, хотя Артур все же стремительно терял кровь, отчего

совершенно обмяк.

В памяти Луизы одна за другой всплывали много раз перчитанные инструкции: придать пострадавшему правильное положение, остановить кровотечение и не позволить ему потерять сознание.

Приподняв голову молодого человека и осторожно устроив ее у себя на коленях, девушка подняла взгляд на застывших вокруг людей.

— Нужен спирт и марля! Срочно! — крикнула она стоящим позади мужчинам, одновременно осматривая заколку и пытаясь определить, насколько глубоко вошло острие.

Но Август с Джозефом лишь растерянно переглядывались. Их лица побледнели, движения стали неловкими и бессмысленными. Они словно разом забыли, что нужно делать, и только молча хлопали глазами, не в силах сдвинуться с места. О таком состоянии Луиза тоже читала — оно именовалось шоком.

Единственной, кто не поддался ему, была Элли.

Она тут же вскочила и, теряя туфлю, бросилась прочь из лавки на поиски нужных вещей.

Луиза изо всех сил вдавила пальцы в сочащуюся рану.

— Артур, ты слышишь меня? — громко спросила она, склонившись над лежащим у нее на коленях мужчиной.

— Да кто же вас не слышит, мисс Бартвелл? — едва различимо отозвался он.

Голос, пусть и был слабым, но в нем все еще угадывалась

привычная насмешливая интонация, которая впервые порадовала Луизу.

«Коль хватает сил язвить, значит, все не настолько плохо», — подумала она и сильнее прижала ладонь к ране, но кровь неумолимо продолжала просачиваться между пальцами.

Когда прибежит Элли — неизвестно, а значит, оставался лишь один выход.

— Август, подойдите! — бросила она через плечо непривычно властно.

Мужчина среагировал не сразу: еще несколько мгновений он смотрел на расплзающееся по земле багровое пятно крови и только потом, постепенно выходя из оцепенения, послушно подполз к девушке и сыну.

— На моем платье заплатка, — Луиза головой указала направление, — она отойдет легко, рвите!

Август, задышавшись от паники, непослушными руками все же подцепил край крупного куска ткани и дернул на себя. Один резкий рывок — и Луиза уже заткнула рану частью своего платья, совершенно не заботясь о том, что нога ее неприлично оголилась перед собравшимися вокруг людьми.

— Артур, скажи что-нибудь! — требовательно проговорила девушка, заметив, что веки мужчины тяжело опустились.

— Не смей отключаться! — в страхе она потрянула его свободной рукой.

Всё же читать о спасении людей — это одно, а держать чью-то жизнь в собственных ладонях — совсем другое

Однако Артур пусть и с трудом но все же приоткрыл глаза. Его затуманенный взгляд вновь и вновь возвращался к её лицу, будто он никак не мог поверить, что именно она сейчас рядом. Почти бессознательно он нашёл её руку и сжал, словно человек, вырванный из кошмара, который отчаянно ищет что-то знакомое и настоящее.

— Смотри на меня! Слышишь? Только на меня! — приказала Луиза, крепче перехватывая его ладонь.

На мгновение ей показалось, что он снова провалится в темноту, но Артур едва заметно качнул головой.

— Не кричи... Я и без того... — хрипло выдохнул он — ...и без того смотрю лишь на тебя.

Слова прозвучали слабо почти неслышно, но на его побледневшем лице появилась улыбка — такая неуместная, такая упрямая, что у Луизы болезненно сжалось сердце.

Даже сейчас, в такой ситуации, паршивец умудрялся оставаться собой.

В этот момент снаружи послышались встревоженные голоса и торопливый топот множества ног.

Не прошло и секунды, как в лавку влетела Элли, а следом за ней и несколько мужчин.

Впереди шагал пожилой джентльмен в тёмном сюртуке без единой складки, с аккуратно подстриженной бородой и кожаным саквояжем в руке.

Его движения были быстрыми, но лишёнными суеты. Такое поведение было свойственно человеку, привыкшему ежедневно иметь дело с чужой болью и смертью. Он был врачом.

Едва взглянув на раненого, он опустился рядом с ним и коротко отдал несколько распоряжений своему помощнику. Луиза без возражений отстранилась, передавая Артура в руки человека, который действительно знал, что делать дальше.

Мужчину вынесли из лавки почти сразу. Следом поспешили остальные, и помещение неожиданно опустело.

Наступившая тишина показалась странной после всего пережитого.

Оставшись одна, Луиза оглядела себя. Изодранное платье, кровь на руках, на груди и на подоле — зрелище было поистине жутким. Но, удивительно, никаких эмоций это не вызывало.

Как ни досадно было это признавать, тогда ей хотелось лишь одного — чтобы этот язвительный лис выжил.

Всё же она приложила массу усилий к его спасению.

Подвернув платье гармошкой, чтобы хоть как-то скрыть неприличную прореху, Луиза осторожно вышла из лавки. От недавней ярмарочной веселости не осталось и следа. Повсюду царил тревожная суета. Казалось, стоило пролиться крови Артура, как из-под земли выросли врачи — не один и не два, а целая свита с помощниками, лекарскими чемоданчи-

ками и важными лицами.

Прямо посреди площади для Бишепа-младшего уже развернули импровизированный лазарет: чей-то шатер освободили в считанные минуты, внутрь внесли кушетку и столик, а слуги без конца носились с тазами горячей воды, чистыми полотенцами и какими-то свертками.

— Вот на что способно имя и положение в обществе, — с невольной колкостью подумала Луиза, наблюдая за происходящим.

Она остановилась в стороне, почти прячась за одной из торговых палаток. Её всё ещё слегка потряхивало. Попасться кому-либо на глаза совершенно не хотелось, поэтому она стояла в тени, стараясь не привлекать внимания.

Но в царившей вокруг суматохе до неё никому не было дела. Луиза стояла неподалёку от шатра и ловила себя на том, что снова и снова смотрит внутрь. Кого она пыталась там увидеть?.. Артура? От одной этой мысли ей стало неловко. Нет, такого просто не могло быть. Она бы не стала ждать появления человека, которого с трудом выносила. Ведь не стала бы?

Стоило ей поймать себя на этом, как она тут же начинала оправдываться: ей просто хотелось убедиться, что её усилия не пропали даром, что раненый выжил и врачи сделали своё дело.

Любой человек поступил бы так после подобного. Любой. И всё же взгляд её снова и снова скользил к полотняному

входу в шатёр, будто она ждала, что оттуда выйдет именно он. Это раздражало.

Луиза сердито отворачивалась, разглядывала толпу суесящихся слуг и думала о том, что даже не заметила, когда и куда исчезла женщина, вонзившая шпильку в шею достопочтенного господина. Впрочем, она не сомневалась — участь той будет незавидной.

Ожидание тянулось мучительно долго. В итоге прошло три часа, и вокруг уже сгустились сумерки.

Первыми ушли зрители — так Луиза окрестила зевак или случайных свидетелей произошедшего. Они расходились неспешно, то и дело оглядываясь на шатер, словно надеялись увидеть продолжение представления.

Но стоило страстям улечься и ожиданию смениться скукой, как толпа начала редеть, пока не исчезла совсем. Следующими сцену стали покидать многочисленные помощники, в которых более не было нужды. Один за другим они уносили ведра, складывали инструменты, сворачивали принесенные вещи и растворялись в сгущающихся сумерках.

Шум постепенно стихал, суета угасала, и ярмарка, еще недавно наполненная голосами и движением, опустела полностью.

В конце концов остались лишь те, кто прибыл вместе с Артуром изначально: Элли, которая, не скрывая слез, тревожно мерила шагами пространство у шатра, то и дело украдкой заглядывая внутрь; Август, сидевший неподалеку с тяжело

опущенной головой, будто боявшийся услышать дурные вести; Джозеф, что держался на удивление непринужденно, но явно был измучен ожиданием; и, конечно, сама Луиза, стоявшая в стороне и молча наблюдавшая за происходящим.

Так прошло еще некоторое время, и лишь когда ночь полностью вступила в свои права, из шатра наконец вышел врач, вытирая ладони багровым полотенцем.

— Он в порядке? — Элизабет тут же вскочила с лавки, на которой до этого едва могла усидеть спокойно, и бросилась к врачу.

— В полном! — ответил приземистый мужчина с ободряющей улыбкой. — Более того, мисс Бишеп, он сможет вернуться в своё поместье самостоятельно. Дайте ему лишь немного времени.

Элизабет радостно выдохнула, будто только этих слов и ждала. Луиза невольно разделила её облегчение, хотя и не подала виду. Элли же, больше не задавая вопросов, тут же юркнула в шатёр.

Август, конечно, первым делом отвёл доктора в сторону — вероятно, чтобы обсудить благодарность за спасение наследника. Отец Луизы же дремал на одной из лавок у входа и, судя по всему, уже не первый час. И лишь когда Август ворвался к сыну и, забыв о всякой сдержанности, громогласно воскликнул: «Живой! Мой мальчик живой!» — Джозеф вздрогнул и поспешно открыл глаза.

— Когда мы отправляемся домой? — спросила Луиза у

отца, уставшая стоять в тени, будто привидение.

— Бог ты мой! — вздрогнул Джозеф, наконец заметив дочь.

— Скоро, скоро, — отмахнулся он и почти сразу направился в шатёр вслед за остальными.

Луиза осталась на месте. Двигаться дальше она не могла: появиться перед кем-либо в таком виде казалось невысказанным, даже если все знали, что произошло. Кровь на платье успела потемнеть, а руки всё ещё хранили следы недавней борьбы за чужую жизнь.

Но не прошло и минуты, как полотняный вход приоткрылся, выпуская наружу тонкую полоску тёплого света. Из шатра вышел Артур — бледный и осунувшийся после потери крови, но, как и обещал врач, стоящий на собственных ногах. Элли тут же ухватила брата за локоть, однако мужчина мягко высвободился из её хватки.

«Гордый какой», — нахмурившись, подумала Луиза, наблюдая, как Элли тяжело вздохнула и отступила, пропуская вперёд Августа и Джозефа.

Сам же Артур, едва оказавшись снаружи, принялся кого-то высматривать, и сердце Луизы неприятно дрогнуло: она не была глупой и понимала, кого именно он ищет.

Не желая встречаться с ним взглядом и уж тем более подходить в таком виде, она поспешно отступила ещё глубже в тень ближайшего навеса.

— Всё обошлось, и это стоит отметить бутылочкой эля!

— оживлённо заявил отец Луизы, обращаясь к мистеру Бишепу.

— Брось ты это уэльское пойло, — возразил Август. — У меня в шкафу найдётся пара бутылок первоклассного бренди. Одна — нам с тобой, другая — доктору Йонассу, спасшему моего сына, — добавил он, хлопнув Артура по плечу, отчего тот слегка качнулся.

«Разумеется, обо мне ни слова», — едва заметно поморщилась Луиза.

Она вовсе не рассчитывала на признание, однако чувствовать себя человеком, которого будто не существует, было неприятно, ведь именно она оказала первую помощь.

— Ты прав. Если бы не он, и представить страшно... — натянуто отозвался Джозеф.

Август на мгновение помрачнел, словно невольно дорисовал эту мысль до конца.

И только Артур, невзирая на разговор мужчин, всё так же настойчиво искал взглядом ту, кого по праву считал своей спасительницей. Вскоре он заметил хрупкий девичий силуэт, прятавшийся в тени. Невольно улыбнувшись, он задержал на девушке тёплый взгляд, будто призывая её подойти.

Луиза почувствовала это и, не желая становиться центром внимания, поняла, что ей лучше уйти. Она произнесла чуть громче, чем следовало:

— Отец, не пора ли домой?

Джозеф нехотя отвлёкся от разговора и, даже не обернув-

шись, бросил:

— Найди карету и езжай!

Это было верхом наплевательского отношения и родительской грубости. Луиза прикусила губу, не находя ответа.

— Разве можно, мой друг, отправлять дитя в одиночестве искать транспорт в ночи? — возмутился Август.

К Луизе он не имел ровным счётом никакого отношения, однако столь пренебрежительное обращение друга с собственной дочерью покорило даже его.

— Доверьте это мне, — неожиданно вмешался Артур.

В его голосе прозвучало лёгкое раздражение, словно равнодушие Джозефа задело и его самого. — Я сам её сопровожу.

Луиза невольно нахмурилась. После прошлого “сопровождения” ей хватило впечатлений с избытком. И уж точно не Артуру сейчас следовало изображать из себя чьего-либо провожатого.

— Нет, что ты! Тебе сейчас необходимо отдыхать, — тут же возразил Август.

Однако молодой человек остался непреклонен, и после недолгих споров, под настороженным взглядом сестры, всё же направился туда, где в тени стояла Луиза, явно не испытывающая восторга от предстоящего разговора.

— Я доберусь сама, — резко сказала она, отступая в темноту по мере его приближения.

— Не прячься, Луиза, — негромко бросил Артур, ускоряя

шаг. Походка его оставалась шаткой, это было заметно даже в полумраке, но на губах играла тёплая улыбка — он явно понимал, что его присутствие ей неприятно, и всё же упрямо шёл к ней.

Когда девушка поняла, что дальше отступать бессмысленно, ей пришлось остановиться.

— Я с тобой никуда не поеду! — почти сорвался на крик её голос.

Слова прозвучали резче, чем она хотела. Луиза и сама до конца не понимала, чего именно боится. Ещё несколько часов назад она, не раздумывая, бросилась к нему через толпу, зажимала его рану, а теперь её пугала даже мысль о том, что он может подойти ближе.

Артур тут же остановился, уловив в её голосе не столько злость, сколько напряжение. На мгновение он отвёл взгляд и едва заметно усмехнулся — невесело, скорее с досадой на себя. Впрочем, удивляться не приходилось: он слишком хорошо знал свой характер и ещё лучше помнил всё, что успел натворить.

— В прошлый раз, когда я... когда мы... — он запнулся, неожиданно для себя не находя нужных слов. — В общем, я повёл себя недостойно, а сегодня ты... — он окончательно сбился и сам потерял нить фразы. Свалить всё на потерю крови уже не выходило.

Признание вышло жалким и до смешного неполным. Артур тут же мысленно выругал себя: неужели это и правда всё,

на что он способен?

Поняв, что раскаяние не производит должного впечатления, он решил прибегнуть к единственному доводу, который невозможно было оспорить.

— Посмотри на меня, — сказал он, чуть понизив голос и подняв ладонь в примирительном жесте. — Разве я сейчас могу тебе навредить?

И правда — стоило Луизе взглянуть внимательнее, как все опасения показались нелепыми. Артур держался на ногах, казалось, лишь благодаря упрямству: бледный, ослабший, с едва заметной дрожью в движениях.

И всё же в голове девушки назойливо вертелся вопрос: зачем ему так упорно настаивать на сопровождении? Неужели из вежливости? Артур Бишеп и вежливость — сочетание столь же редкое, сколь и неправдоподобное.

— Я просто отвезу тебя домой, ладно? — мягко прервал он её мысли.

Луиза огляделась и поняла, что выбора у неё, по сути, не оставалось.

Август и Джозеф были слишком увлечены разговором, чтобы замечать происходящее вокруг. Элли куда-то исчезла. К тому же уже стемнело, а искать экипаж одной посреди ночи ей не хотелось.

Она тяжело выдохнула:

— Хорошо. Но иди впереди, — распорядилась она. — Я пойду следом.

Артур улыбнулся одними глазами, заметив, с каким упорством она старается держаться строго.

Коротко кивнув, он направился к карете, скрывая, как тяжело ему даётся каждый шаг. И всё же, несмотря на боль, он невольно прислушивался к тихим шагам Луизы за спиной.

Подойдя к транспорту, он уже по привычке хотел обернуться и помочь ей подняться, но она остановила его прежде, чем он успел протянуть руку.

— Просто полезай внутрь, — отрезала она тоном, не допускающим ни споров, ни галантных возражений.

На губах мужчины вновь промелькнула тёплая усмешка. Девушка распорядилась им так, будто это он нуждался в присмотре.

Впрочем, возможно, так оно и было.

И в следующую секунду ему пришлось в этом убедиться: стоило поставить ногу на ступеньку и попытаться подняться в салон, как в ране от напряжения вспыхнула резкая боль.

На миг мир качнулся перед глазами, а в следующую секунду Артур, уже готовившийся к падению, с искренним изумлением обнаружил, что стоит на месте.

И произошло это лишь благодаря Луизе.

Поразительно: эта хрупкая девчонка, едва достававшая ему до плеча, каким-то чудом удержала на ногах мужчину ростом почти в два метра. От этой мысли ему стало неловко, и он невольно покосился на неё. Измотанная, растрёпанная, бледная от усталости — и всё же продолжающая заботиться

о нём. Это вызвало в мужчине странное, щемящее чувство, на котором сейчас не было времени задерживаться.

Всё же картина выходила до крайности не джентльменская: вместо того чтобы поддерживать даму, он сам повис на ней всей своей немалой тяжестью. Вдобавок она ещё и затолкала его в салон.

Они с трудом устроились внутри и выдохнули, но облегчение оказалось кратким: едва карета, рассчитанная на шестерых, тронулась, как вдвоём в ней стало ощутимо тесно. Странное всё-таки дело.

К большому удивлению Бишепа, девушка не села напротив, а опустилась рядом. Слишком близко для человека, который ещё недавно уверял, что никуда с ним не поедет.

И, чёрт возьми, у мужчины от этого сбивалось дыхание — до чего же это было унижительно. Что за нелепое, почти мальчишеское волнение? Будто одного её присутствия оказалось достаточно, чтобы лишить его привычной уверенности.

Не так он представлял себе эту поездку. Не так!

И пока Артур сражался с собственным эго и нахлынувшими эмоциями, Луиза сидела рядом и с удивлением понимала, что никогда прежде не представляла, каким неловким может быть молчание.

«По крайней мере, села с краю. Хоть не будет разглядывать», — подумала она, вздохнув.

В этом и заключалась истинная причина её выбора.

Украдкой девушка наблюдала за своим провожатым, отмечая, насколько непривычно он себя ведёт, то и дело глядя в окно. Впрочем, тут же отмахивалась: «Можно подумать, я знаю его достаточно хорошо, чтобы рассуждать о том, что для него привычно».

Они снова напоминали кота и мышь — только теперь роли поменялись. Луиза диктовала условия, а Артур был вынужден им следовать. То, что именно она сохранила хладнокровие и вытащила его из беды, очевидно, выбило мужчину из колеи.

Так они и ехали — как две натянутые струны полностью смущенные присутствием друг друга.

Прошло совсем немного времени, прежде чем карета остановилась у дома Бартвелл.

Как бы ни был лукав Артур, правила хорошего тона он читил с завидным упорством, а потому тут же поднялся, намереваясь помочь даме выйти.

Однако Луиза пресекла этот порыв прежде, чем он успел сделать хоть шаг.

— Это лишнее, — бросила она, настойчиво усаживая его обратно. — Ты не в том состоянии, чтобы изображать джентльмена и падать второй раз за вечер.

В голове, конечно, мелькнуло воспоминание о том, как гордо она отвергла помощь Генри и в итоге оказалась в грязи, но это её не остановило.

Ведь настоящая причина её отказа была другой: ей ис-

кренне не хотелось причинять неудобства даже такому скверному человеку, как Артур.

Как бы там ни было, сегодня между ними появилось нечто общее — он тоже заплатил за упрямство своего отца слишком высокую цену.

— Всё ждёте от меня подвоха, мисс Бартвелл? — с привычной язвительной усмешкой поинтересовался он, старательно скрывая в голосе слабость.

— Я от вас ничего не жду, мистер Бишеп, — безразлично ответила девушка и в несколько ловких движений покинула салон.

Наверняка молодой человек был немало озадачен такой бесцеремонной прямоотой, но Луизу это нисколько не заботило.

Не оборачиваясь, она направилась к дому, невольно усмехнувшись тому, как они с Артуром то держатся за чопорное «вы», то в следующую минуту без всяких церемоний переходят на «ты».

Поразительно, но даже в изодранном платье, испачканном кровью, она всё ещё могла посмеяться над такой незначительной мелочью.

— Подожд...! — внезапно донёсся из-за спины сбивчивый голос Артура, который, неизвестно зачем, тоже решил выбраться из кареты и, как следствие, не удержался на ногах.

— Чтоб тебя! — воскликнула Луиза, тут же обернувшись и вновь бросившись поддерживать неуёмного мужчину.

— Вы не понимаете, мисс Бартвелл, — с одышкой проговорил Артур, слегка опираясь на девушку. — Джентльмену не пристало отпускать леди одну. Даже если эта леди отчаянно пытается от него избавиться.

У Луизы от таких слов дрогнула верхняя губа.

— Не делай вид, что галантность — это про тебя, — бросила она, перехватывая его руку поудобнее и настойчиво направляя обратно к карете. — До моего дома рукой подать. Обойдись без твоего геройства.

Однако мужчина упрямо воспротивился её помощи и, как ни странно, добился своего.

Выпрямившись наконец во весь рост, он поднял на девушку долгий, цепкий взгляд.

— Ты не понимаешь, я просто хочу... — с привычной ехидцей начал он, даже успев растянуть губы в самоуверенной улыбке, но осёкся.

Ведь в свете окон дома он наконец увидел девушку такой, какой она была всё это время, и это зрелище тихо, но необратимо что-то в нём надломило.

Женщин в его жизни было столько, что он давно перестал вести им счёт. Поцелуи, обнажённые плечи, дорогие ароматы и лёгкое, беззаботное веселье сменяли друг друга бесконечной чередой.

Но всё это померкло именно в ту секунду, когда Артур посмотрел на Луизу: на разорванную из-за него одежду, на багровые пятна крови — его крови — оставившие следы на

её изящных руках. На тех самых руках, что несколько часов назад удерживали его жизнь, зажимая рану, а теперь вновь не позволяли ему рухнуть на землю. И на её глаза, в которых ещё недавно он видел отторжение, а сегодня, лежа у неё на коленях почти без сознания, отчётливо помнил страх за него.

И вдруг с пугающей ясностью понял: то, что произошло сегодня между ними, было в тысячу раз откровеннее и интимнее всего, что случалось с ним прежде.

Это было нечто совершенно иное — то, что касалось самых потаённых уголков человеческой души, до которых порой не удаётся дотянуться за всю жизнь.

Девушка перехватила его взгляд и тут же внутренне сжалась.

То, что мелькнуло в его глазах, она истолковала по-своему — разумеется, решила, что причиной всему был её жалкий вид.

Стыдиться перед Артуром Бишепом, человеком, чьё мнение якобы не значило для неё ровным счётом ничего, она не собиралась. И всё же ей стало не по себе.

Ещё немного — и этот неблагодарный лис наверняка отпустит какую-нибудь колкость. Не желая давать ему такой возможности, она вдруг отстранилась с единственной мыслью — ничего не говоря, броситься в дом, чтобы избежать унижения.

Да только не успела.

Артур перехватил её ладонь прежде, чем девушка успела скрыться.

— Нет, — бросил он непривычным тоном, в котором вместо приказа звучала скорее мольба.

Луиза замерла от неожиданности — подобные перемены в людях ей прежде почти не встречались.

— Всего минуту, прошу, — добавил он, глядя на неё напряжённо, с тем редким выражением, в котором смешались непривычная мягкость и тяжёлый стыд.

Хватка его была слабой, и вывернуться из неё ничего не стоило, но девушка отчего-то не стала этого делать.

— Я хотел сказать... — начал он и на мгновение запнулся, словно само это признание давалось ему тяжелее, чем рана в шее. — Хотел сказать тебе спасибо. Но подозреваю, ты предпочтёшь услышать что угодно, только не благодарность от меня.

Луиза молчала, невольно всматриваясь в его лицо. Даже в ночном мраке она различила, как едва заметно дрогнули его губы — то ли от слабости, то ли от волнения; понять было невозможно, но больше всего её внимание привлёк взгляд: в нём застыло нечто куда более опасное — искреннее восхищение.

Ею? Какая нелепость!

— Я помогла бы любому, кто оказался на твоём месте, — поспешно ответила она, словно пытаясь убедить не столько его, сколько саму себя. — Так что оставь свои благодарности

и просто забудь об этом.

Однако Артур не был бы собой, если бы позволил Луизе полностью взять над ним верх. Он остро осознавал: даже если его захлестнули эти пугающие чувства — а они действительно накрыли его волной, — он должен во что бы то ни стало вернуть себе контроль.

— Для любого... — повторил он, и пальцы чуть сильнее сжались на её запястье. — Я тебе не верю.

— Я верю в то, что мы действуем лишь в интересах тех, кто нам безразличен, — шепнул он, с вернувшейся привычной колкостью, неспешно, но нагло притягивая её ближе. — И сегодня ты, мисс Луиза Бартвелл, спасла мне жизнь, потому что по какой-то причине этого захотела.

Девушка в этот момент лишь обречённо сокрушалась над собой.

Ведь, стоя там во мраке у кареты, она на одно короткое мгновение позволила себе поверить, что в этом мужчине есть что-то хорошее.

Но перед ней по-прежнему стоял Артур Бишоп — человек, который умел разочаровывать так же хорошо, как и очаровывать.

И тогда, будто очнувшись, Луиза резко попыталась выдернуть ладонь, но не смогла. Казалось, вместе с наглостью к нему постепенно возвращались и силы.

— Уезжай прочь! — резко бросила она, упираясь ногами в землю, уже не заботясь о том, насколько громко это про-

звучало.

Они оба словно забыли, что рядом есть ещё один свидетель — кучер. Впрочем, тот хранил молчание, делая вид, будто ничего не слышит.

Внезапно Артур, будто окончательно потеряв остатки самообладания, резко притянул её к себе так близко, что между ними не осталось и дюйма пространства. Луиза невольно упёрлась ладонями ему в грудь, ощущая его сбивчивое дыхание и запах спирта от марли на шее.

— Отпусти! — прошипела девушка, впиваясь ногтями в его кожу.

Но тот явно не собирался подчиняться: лишь перехватил её крепче, обвив руками талию и пытаясь поймать её взгляд.

Луиза и не подозревала, что происходящее было отчаянной попыткой Артура справиться с самим собой.

Он цеплялся за наглость, за жёсткость, за всё, что ещё позволяло держать спину прямо, лишь бы не допустить самого страшного — не пасть перед ней безоружным здесь и сейчас.

— Мисс Луиза Бартвелл, — протянул он, будто пробуя её имя на вкус. — Звучит красиво.

Он чуть крепче сжал её в объятиях: сопротивление мешало, но, как ни странно, эта вынужденная близость ему всё же нравилась.

— Но, может быть, я буду звать тебя просто Лу? — спросил он непринуждённо, почти светским тоном, словно девушка в его руках вовсе не пыталась вырваться.

— Отпусти, мерзавец! — вскрикнула она, изо всех сил стараясь оттолкнуть его.

— Я держу тебя лишь затем, — тихо произнёс он, — чтобы ты дослушала. Стоит мне отпустить — и ты сбежишь.

В его голосе мелькнула знакомая насмешка, но на этот раз она звучала натянуто. Он сам чувствовал, что привычная роль не даёт нужной уверенности — и впервые эта жесткость не приносила ему ощущения контроля.

— Успокойся, Лу. Хотя бы на минуту, — сказал он уже твёрже.

И тогда, совершенно выбившись из сил, девушка всё же замерла.

— Вот так, — выдохнул Артур, но как-то совсем без облегчения. — А теперь к делу.

Перехватив одной рукой, он коснулся ее лица другой и, слегка повернув голову в сторону, склонился к уху.

— Я не люблю ходить в должниках, Лу, — его горячий шёпот обжигал девичью кожу, а пальцы, удерживающие подбородок, двигались неуместно осторожно, будто он боялся причинить боль.

— И поэтому я сделаю тебе подарок, от которого ты не сможешь отказаться и который не получится просто растерзать у ворот.

Луиза вслушивалась в каждое слово, не зная, чего ожидать от такого человека, как он. Сердце колотилось от злости, возмущения, желания немедленно оттолкнуть его, уйти

— и ещё от чего-то иного...

Появившееся чувство было настолько неуместным, что она отчаянно старалась не давать ему названия.

Впервые в жизни она оказалась так близко к мужчине. настолько близко, что чувствовала напряжение его мышц, его дыхание, тепло его тела, слышала сбивчивый ритм голоса прямо у своего уха.

Это было неправильно. Отвратительно. Особенно потому, что этим мужчиной был Артур. И всё же... где-то глубоко внутри, вопреки всему, это ощущалось слишком живым, слишком острым — и пугающе приятным.

Несмотря на то что он удерживал её, хватка не была грубой. Постепенно она вовсе ослабла, и в какой-то момент Луиза с тревогой поняла, что он больше не держит её силой.

Его рука по-прежнему лежала на её талии — скорее как напоминание о близости, чем как препятствие для побега. Другая покоилась на её шее, теперь уже почти ласково.

В этом прикосновении постепенно исчезала резкость, уступая место чему-то, что вот-вот могло перерасти в нежность.

Со стороны они могли сойти за пару влюблённых, если, конечно, не вдаваться в детали.

Луиза могла отстраниться. Могла сделать шаг назад. Могла прекратить всё это в любую секунду.

Но не делала этого.

С каждым новым словом, с каждым случайным прикос-

новением его пальцев по её коже разливался предательский жар. Луиза злилась на себя за то, что её собственное тело будто решило восстать против здравого смысла.

— Марта будет приходить каждый день, — продолжал Артур нарочито спокойно, хотя стоявшая вплотную Луиза отчётливо слышала, как бешено колотится его сердце. — Утром и вечером, чтобы присматривать за твоей матерью.

Его ладонь скользнула с её шеи к волосам и будто невзначай мягко провела по ним.

— Это моя плата, — заключил он, разворачивая её лицо к себе и задерживая взгляд слишком близко.

Между ними возникла грань, которую нельзя было переступать. И, кажется, это заметили оба: Артур резко, но нехотя отстранился, стараясь скрыть сбившееся дыхание.

Луиза неловко, словно кукла на негнущихся ногах, отошла в сторону. Происходящее было трудно описать словами. Она не смогла даже привычно бросить мужчине что-то колкое — подходящих выражений попросту не находилось.

Не легче было и ему: ослабленное тело Артура, только что истратившее последние силы на эту выходку, больше не могло скрывать очевидного. Он испытывал то же самое, что и Луиза, и потому поспешил как можно скорее вернуться в салон кареты, избегая её взгляда.

Едва оказавшись внутри, он коротко скомандовал кучеру, и экипаж с тихим скрипом колёс покинул территорию её дома.

Постояв ещё мгновение, девушка растерянно побрела к своему особняку, понимая, что сегодня между ней и Артуром что-то бесповоротно изменилось.

От автора:

Дорогие читатели, если вам хочется чуть глубже заглянуть в мир истории — приходите в мой Telegram-канал <https://t.me/ChristinaBale> . Там я делюсь визуалами и мыслями о том, как рождаются главы. Подписывайтесь.

Глава одиннадцатая: о том, как смеются призраки

К двери Луиза плелась словно во сне. После всего пережитого мысли путались, а тело налилось свинцовой тяжестью.

К счастью, у ворот, несмотря на поздний час, стояла телега с товарами из лавки пекаря, который любезно доставил заказ, как и обещал.

Стоило девушке подойти ближе, как в нос ударил тёплый аромат свежей выпечки, и этот простой, домашний запах помог ей хотя бы немного прийти в себя.

Не без труда втащив массивный, но весьма ценный груз в дом, Луиза тяжело опустилась прямо у входной двери. И тут же уловила непривычную тишину.

В доме не было слышно ни шагов, ни возни, ни тихих хлопот. Это лишь напомнило о том, что Тильды не было рядом.

Девушка оперлась затылком о дверь. Ноги гудели от усталости, руки дрожали от перенапряжения, а голова была настолько забита событиями дня, что лишь через несколько секунд она вспомнила о самом главном.

— Мама!.. — встревоженно шепнула девушка.

Она тут же сорвалась с места и бросилась наверх, на ходу ругая себя за то, что посмела забыть: мать осталась на попечении чужой женщины.

В спальню она влетела вихрем.

Даже страх разбудить больную сейчас отступил перед тревогой: «Всё ли с ней в порядке? Вдруг Марта передумала и ушла раньше? Вдруг что-то стряслось в её отсутствие?»

Однако открывшаяся картина заставила её успокоиться.

Спальня Клаудии встретила девушку мягким полумраком и запахом лекарственных трав. На прикроватном столике догорала свеча, отбрасывая тёплые отблески на лицо матери, мирно спавшей в постели.

Её дыхание было ровным и глубоким, а привычная складка тревоги между бровей почти разгладилась.

Рядом, в старом кресле у кровати, слегка склонив голову, дремала и Марта. Даже во сне её руки оставались сложенными на коленях, словно она до последнего была готова вскочить и помочь, если подопечной станет хуже.

Но, по правде говоря, спокойствие бедной Марты оказалось недолгим. Оно исчезло в тот миг, когда женщина открыла глаза и увидела на пороге жуткого вида девушку, покрытую следами засохшей крови. Любая другая на её месте вскрикнула бы от ужаса, но немота спасла дом от шума. Марта лишь резко вскочила на ноги.

— Прости, что напугала, — виновато прошептала Луиза, заметив её растерянный взгляд.

Женщина заметно напряглась, но быстро справилась с испугом.

Она опустила взгляд и почтительно склонила голову, всем

своим видом показывая готовность выслушать любое распоряжение юной леди.

Той, конечно, хотелось узнать, как прошёл их день и легко ли было с матушкой, но Марта наверняка сильно устала, да расспрашивать немую всё равно было бы напрасно.

— Ты можешь идти, спасибо, — тихо сказала девушка.

Служанка подвинула кресло, подхватила свой небольшой ридикуль и тепло улыбнулась на прощание, словно вовсе не замечая ни крови, ни грязи на одежде леди.

После этого она тихо вышла из спальни, а затем и из самого дома, который на протяжении всего дня вызывал у неё смутное беспокойство.

Едва услышав внизу тихий хлопок закрывшейся двери, Луиза вновь подошла к матери.

«Даже если разбужу — не страшно. Я должна убедиться, что всё в порядке».

Она внимательно осмотрела женщину, проверила повязки, осторожно коснулась лба и запястья.

Убедившись, что температура не поднялась, а дыхание так и осталось ровным, девушка наконец немного успокоилась.

Более того, этот небольшой осмотр показал, что всё сделанное Мартой было действительно умелым и аккуратным.

Только после этого она тихо вышла в коридор.

Металлический запах крови, исходивший от неё самой, почти сводил с ума. Казалось, он въелся не только в одежду и кожу, но даже в волосы. Каждый вдох напоминал о пере-

житом кошмаре.

Быстро забежав к себе в комнату, девушка первым делом занялась самым важным — вынула банкноты и спрятала их в небольшую шкатулку под туалетным столиком. Туда же отправился и единственный оставшийся от Лестера камень.

Удивительно, но в той безумной суматохе она умудрилась его не потерять.

Желание поблагодарить Лестера или хотя бы просто увидеть его никуда не исчезло. Напротив, после всего случившегося оно стало лишь сильнее. Но являться к нему в таком виде было бы настоящим преступлением.

Она с отвращением посмотрела на рукава платья. Ткань местами затвердела от крови, кожа неприятно чесалась, а от самой Луизы наверняка пахло так, будто она только что выбралась с бойни.

«Сначала ванна, а потом — библиотека. Где ещё ему быть, если не там?»

Странное дело — в последнее время она всё чаще ловила себя на мысли, что рядом с надменным призраком ей хочется выглядеть как можно лучше.

Сам Лестер будто сошёл со старинного полотна: безупречно сложенный, неизменно собранный и, чего уж скрывать, до раздражающего красивый.

Впрочем, последнее не имело для Луизы равным счётом никакого значения. По крайней мере, она настойчиво убеждала себя в этом.

Просто рядом с ним особенно остро ощущались собственные растрёпанные волосы, неловкие движения и все те мелочи, на которые раньше она никогда не обращала внимания.

Хотелось выглядеть достойнее. Или хотя бы не хуже.

И совершенно точно дело было не в том, что ей нравилось, как он смотрит на неё, когда перестаёт насмехаться.

Нет!

Определённо не в этом.

Настойчиво придерживаясь этой версии, Луиза направилась готовить ванну.

Удивительным образом отсутствие в доме отца придало ей сил. Осознание того, что сегодня не придётся вздрагивать от каждого скрипа половиц и ждать очередного приступа гнева, делало воздух свободнее.

Она стремительно принялась греть воду и переносить её наверх, наполняя ванну. Тяжёлые вёдра плескались при каждом шаге, горячий пар поднимался к потолку, а на лбу выступили капельки пота. Но девушка словно не замечала усталости.

Несмотря на поздний час, её совершенно ничего не тревожило. Даже мысль о том, что старые часы вот-вот могут нарушить тишину или что в коридорах могут появиться другие обитатели дома, больше не вызывала беспокойства.

Казалось, в буре событий этого дня она попросту забыла о своих страхах и теперь лишь уверенно скользила сквозь темноту, по-хозяйски ступая по знакомым половицам, слов-

но весь этот огромный дом наконец принадлежал только ей.

В конце концов, её главная угроза сейчас вместе с Августом распивала бренди где-то далеко отсюда.

И впервые за долгое время дом казался ей почти безопасным.

Единственное, чего она сейчас по-настоящему боялась, — попасться на глаза Лестеру.

«Несносная» — именно так он назвал её утром, и своим нынешним видом ей совершенно не хотелось доказывать его правоту.

Но встречи было не избежать.

Впрочем, на что она рассчитывала, бесконечно носясь по дому и поднимая такой шум?

Подхватив очередное ведро с горячей водой, девушка вновь направилась к лестнице.

Когда до верхней площадки оставалось всего несколько ступеней, за её спиной тихо скрипнула половица.

Трудно было поверить, но в ту секунду она предпочла бы столкнуться с кем угодно из обитателей этого дома — даже с самым неприятным и пугающим, — только не с тем, чьего осуждения боялась больше всего.

— Твоя? — раздался позади знакомый голос, не оставляя ей ни малейшей надежды списать услышанное на обман слуха.

Девушка лишь закусила губу, не решаясь обернуться и предстать перед Лестером во всём своём «великолепии».

— Твоя?

На этот раз за привычным спокойствием его голоса отчётливо слышалась тревога.

Призрак пусть и попытался ее скрыть, но Луиза уже слишком хорошо научилась различать малейшие оттенки его настроения.

— Что? — переспросила она и, несмотря на смущение, всё же обернулась через плечо.

Лестер стоял внизу лестницы, одной рукой опираясь на перила.

— Кровь. Она твоя? — повторил он, стараясь выглядеть непринуждённо.

Однако его пристальный взгляд неотрывно следил за девушкой, словно пытаясь убедиться, что под всеми этими багровыми пятнами не скрывается ни одной серьёзной раны.

Луиза поспешно поставила ведро на ступеньку.

— Ох, нет. Не моя.

Почти машинально она спрятала руки за спину.

— Это кровь Артура Бишепа. Его ранили, и мне пришлось помочь ему.

Услышав, что девушка в порядке, Лестер заметно успокоился и тут же вернулся в своё привычное, как выразилась бы Луиза, «чопорное состояние».

Впрочем, совсем ненадолго.

Ведь уже в следующую секунду призрак, осознав услышанное, вопросительно приподнял бровь с таким колким

аристократическим недоумением, словно девушка только что допустила вопиющую бестактность.

— Не тот ли это Артур Бишеп, который совсем недавно удирал из моего дома, задыхаясь? — поинтересовался он, поднявшись на одну ступень выше и ещё внимательнее, чем прежде, всматриваясь в Луизу, отчего та невольно сжалась.

— И не тот ли, что удирал, задыхаясь, потому что оскорбил тебя? — добавил Лестер и вдруг слишком резко сжал пальцами перила лестницы.

Старое дерево жалобно скрипнуло под его хваткой, впрочем, Луиза в тот момент и сама от этого перила не отличалась.

— Я не могла не помочь, — торопливо начала она. — Если человек умирает, а ты знаешь, как спасти ему жизнь, разве развёрнёшься и уйдёшь? — прикрикнула девушка, поймав себя на мысли, что прямо сейчас оправдывается.

Призрак замер на секунду, словно что-то обдумывая. Его взгляд заметно потяжелел.

И понять, что именно скрывается за такой реакцией, Луиза никак не могла.

Злость ли это, осуждение или нечто совсем иное — оставалось лишь гадать. Впрочем, времени на размышления у неё не осталось.

Почти сразу мужчина отпустил перила и, привычно заложив руки за спину, прикрыл глаза.

Со стороны могло показаться, будто он глубоко выдохнул,

хотя, разумеется, подобное было невозможно.

— Никак не возьму в толк, почему ты постоянно оказываешься в самом центре всех неприятностей, — устало произнёс он и продолжил медленно подниматься прямо к девушке.

— Лестер, если ты не против... дай мне немного времени, хорошо? — тихо попросила Луиза.

Стоять перед ним в таком виде было почти нестерпимо стыдно.

— Для чего именно? — спросил мужчина, искренне не понимая причины её замешательства, и остановился где-то посередине лестницы.

— Мне очень нужно принять ванну, — пробормотала она. — А потом я хотела... поблагодарить тебя за помощь. За камни и вообще..., — почти шёпотом добавила девушка, сбившись на полуслове и опустив взгляд.

Лестер улыбнулся.

Той самой улыбкой, которую она уже научилась узнавать.

Улыбкой человека, которому только что пришла в голову очередная колкость и который уже предвкушал, как заставит её смутиться.

Он слегка склонил голову набок.

— Во-первых, это был пустяк.

Продолжая говорить, он сделал ещё несколько шагов вверх.

— А во-вторых...

В уголках его губ появилась едва заметная усмешка.

— Как именно ты собираешься меня благодарить, если для этого тебе сперва необходимо принять ванну?

Луиза широко распахнула глаза и застыла.

В ту же секунду до неё дошло, насколько двусмысленно прозвучали её слова.

Щёки вспыхнули жаром так стремительно, словно при- зналась она вовсе не в желании смыть кровь и грязь, а в чём- то гораздо более постыдном.

Она уже открыла рот, чтобы начать путано оправдывать- ся, но призрак лишь тихо рассмеялся.

Так, как умел лишь он, — коротко и довольно. Как тот, кому в очередной раз удалось застать её врасплох.

— Брось. — Он поднял ладонь, останавливая её объясне- ния. — Если для тебя это так важно, то ты уже поблагодари- ла меня утром.

Черты его лица неожиданно смягчились.

— И твоего «спасибо» мне было более чем достаточно.

Луиза незаметно выдохнула и бросила на призрака уко- ризненный взгляд.

Порой ей казалось, что Лестер получает искреннее удо- вольствие, заставляя её краснеть.

— И я бы предпочёл больше не возвращаться к этой теме, если ты не против, — добавил он уже серьёзное.

К этому моменту между ними оставалось всего несколько ступеней.

— Нет ничего хуже благодарности, превращённой в по-

клонение. Это губительно, — добавил он.

Взгляд его медленно поднялся к её лицу и задержался на нём с той спокойной сосредоточенностью, с какой учитель смотрит на ученика, пытаясь убедиться, что тот действительно уловил смысл сказанного.

— Ты понимаешь меня?

Она помедлила. Разговор складывался совсем не так, как представлялся ей весь вечер. Но спорить Луиза не стала — лишь уверенно посмотрела на него и коротко кивнула.

И вроде бы на этом диалог мог закончиться.

Луиза уже почти улыбнулась, собираясь подхватить ведро и наконец отправиться к себе, но Лестер, похоже, был категорически против столь мирного завершения беседы.

В его глазах снова вспыхнул тот самый опасный огонёк, который обычно не сулил ей ничего хорошего.

— Однако кое-чего я всё-таки от тебя хочу.

Лестер остановил её лёгким прикосновением к запястью. Кожа тут же ощутила непривычный холод, и на мгновение Луиза замерла, забыв даже вдохнуть.

Это было первое прикосновение призрака в её жизни. И первое *его* прикосновение к *ней*.

Взор мужчины скользнул ниже и на мгновение задержался на обнажённом колене, выглядывавшем из разорванной ткани платья.

Всего на миг, но этого оказалось достаточно, чтобы Луиза ощутила этот взгляд почти физически и поспешно попыта-

лась прикрыться.

Жар вновь прокатился по её телу, заставив сердце предательски забиться быстрее. Казалось, ещё немного — и она действительно провалится сквозь землю от смущения.

Но стоило отдать Лестеру должное: мучить её слишком долго он никогда не любил. Поэтому уже через мгновение во взгляде мужчины появилось то самое насмешливое удовлетворение, которое неизменно возникало всякий раз, когда очередная его шутка попадала точно в цель.

— Не знаю, что ты там успела себе вообразить, — протянул призрак с явным удовольствием. — Но меня интересует лишь история о том, каким образом дорогой господин Бишеп получил своё ранение.

На этот раз, глядя на раскрасневшуюся девушку, даже его привычная сдержанность дрогнула. С губ мужчины сорвался короткий смешок.

До Луизы наконец дошло, что её снова самым бессовестным образом разыграли. Раздражение вспыхнуло мгновенно.

И когда Лестер, явно довольный собой, как ни в чём не бывало направился мимо, привычно заложив руки за спину, она не выдержала.

Не раздумывая, девушка сердито толкнула призрака в плечо.

Лишь после этого до неё дошло, что подобная выходка, возможно, была не самой разумной идеей.

Однако мужчина лишь вопросительно приподнял бровь, будто искренне удивляясь тому, что она ограничилась всего одним толчком. Эту маленькую расплату он явно считал заслуженной.

— Вот ведь невыносимый человек! — бросила она ему вслед.

Призрак лишь мельком оглянулся на нее, усмехнулся и, продолжая насвистывать какую-то старую мелодию, неспешно зашагал дальше по коридору.

Подхватив ведро, Луиза направилась дальше и только спустя несколько шагов внезапно остановилась.

«Хороша благодарность. Вместо красивой речи — недалекость, смущение и тычок в плечо напоследок», — фыркнула она себе под нос. — «Ну и пусть. Заслужил».

О том, что секунду назад совершенно бесцеремонно шлепнула нечисть, словно старого, не слишком умного приятеля, девушка даже не задумалась.

Лишь удивилась собственным мыслям и пошла дальше.

Если разобраться, всё было именно так, как должно было быть.

Прежде чем подняться к себе, Луиза ещё раз заглянула в спальню матери.

Та по-прежнему мирно спала, не потревоженная ни её возвращением, ни шумом в доме. Несколько секунд девушка просто стояла в дверях, прислушиваясь к ровному дыханию женщины, а затем тихо прикрыла дверь.

Только теперь она позволила себе окончательно расслабиться.

Шагая по тёмному коридору к своей комнате, она неожиданно поймала себя на лёгком, почти непривычном ощущении свободы.

Усталость тяжёлым грузом лежала на плечах, но шаг всё равно оставался лёгким. Не нужно было опасаться внезапного появления отца, не нужно было объяснять, где она была и почему вернулась так поздно. Даже отсутствие Тильды, которую она искренне любила, сейчас казалось благом.

И это было удивительно приятно.

Вскоре она наконец избавилась от изодранного платья и с облегчением погрузилась в горячую воду.

По всей ванной комнате мерцали свечи, зажжённые ею заранее. Их мягкий свет дрожал на стенах и золотыми бликами скользил по поверхности воды. Но даже этого тусклого освещения хватало, чтобы заметить, как прозрачная вода постепенно окрашивается в розовый цвет, смывая с её кожи засохшую чужую кровь.

Луиза прикрыла глаза и откинулась на край ванны, но мысли сами собой вернулись к Артуру.

Снова и снова перед внутренним взором возникал тот момент, когда женщина вонзила в него металлическое острие. Она вспоминала брызнувшую кровь, собственный ужас, его побледневшее лицо.

Потом — как бросилась к нему.

Как он смотрел на неё после случившегося.

И как бесцеремонно схватил её у ворот собственного дома.

От последнего воспоминания девушка невольно нахмурилась.

А ещё то, как её собственное тело отреагировало на его близость.

Эта мысль раздражала едва ли не сильнее всего.

Впрочем, Луиза быстро одёрнула себя. Иногда реакция тела — всего лишь реакция тела. Никто не стыдится кашля во время простуды, потому что он естественен. Так почему она должна придавать значение чему-то столь же непроизвольному?

Лучше просто забыть об этом.

И всё же она невольно передёрнула плечами от брезгливого чувства.

Во всём, что касалось Артура, ощущалось нечто тревожное, неправильное и совершенно нездоровое.

Впрочем, долго размышлять об этом Луизе не пришлось.

Ведь из приоткрытой двери, ведущей прямо в её комнату, донёсся звук, который она меньше всего хотела услышать, — часы.

К сожалению, это был не просто ускоренный ход, а тот самый, до боли знакомый безумный бег стрелок, словно они сорвались с места и теперь неслись вперёд, подчиняясь чьей-то чужой воле.

И, конечно же, Луиза беззаботно забыла задвинуть засов.

Реакция девушки была мгновенной. Замирать от ужаса и покорно ждать, пока незваный гость войдёт сам, она больше не собиралась.

Поэтому резко поднялась из ванны, расплескав воду по деревянному полу, и, даже не подумав накинуть на себя хоть что-нибудь, стремительно бросилась к двери.

Только бы успеть. Только бы задвинуть тяжёлый механизм. Только бы закрыть проход прежде, чем...

Но было поздно.

Потому что, когда девушка приблизилась к проёму, из темноты на неё уже смотрело мёртвое детское лицо.

Чёрные провалы глаз казались бездонными, а тонкие губы были растянуты в неподвижной, неестественной улыбке, в которой чудилось что-то пугающе терпеливое, словно существо всё это время молча ждало.

Ждало, когда Луиза допустит ошибку, когда забудет закрыть дверь.

И вот наконец дождалось...

Глава двенадцатая: несчастливые создания

Небольшое предупреждение от автора: эта глава полнилась значительно мрачнее предыдущих. В ней присутствуют элементы телесного и психологического хоррора, а также тяжёлые эмоциональные сцены.

Было страшно.

И сколько бы она ни готовилась к этой встрече, сколько бы ни убеждала себя, что больше не боится, — было страшно.

Ведь то потустороннее и мёртвое, что смотрело на неё из дверного проёма, заставило бы замереть сердце даже самого отъявленного храбреца, а уж Луиза себя к таким точно не относала.

И, стоя там совершенно обнажённая, она не могла заставить себя сдвинуться с места. Даже после всего пережитого где-то в горле вновь шевелилась та самая первобытная тревога.

Чем бы кончился этот визит — неизвестно. Однако в памяти девушки неожиданно кстати всплыли слова Лестера:

“Они тянутся к тебе потому, что ты на них реагируешь”

Простая и спокойная фраза, когда-то брошенная призраком, в ту секунду стала для неё руководством к действию, опорой и единственным верным выходом из этой ситуации.

Она судорожно втянула воздух, чувствуя, как предательски дрожат её пальцы, и до боли сжала зубы.

Сердце всё ещё колотилось где-то в груди, но, собрав остатки мужества, девушка немыслимым усилием отвела взгляд от дверного проёма.

Медленно и нарочито спокойно, словно за спиной никого не было, Луиза направилась к столику.

На его краю всё так же лежала аккуратно сложенная ночная сорочка — ровная, без единой складки, заботливо приготовленная девушкой перед купанием.

Такая обыденная и мирная деталь теперь казалась почти насмешкой, горьким напоминанием о том, что этот вечер должен был закончиться тихо и спокойно.

Но спокойствие и жизнь Луизы, похоже, были вещами совершенно несовместимыми. Она думала об этом, направляясь к столику и упрямо делая вид, что потусторонний гость за её спиной не заслуживает ни единого взгляда.

Каждый шаг давался непросто, каждое движение требовало усилия.

Смотреть на сорочку. Не оборачиваться. Ни в коем случае не оборачиваться.

Позади послышался тихий шорох перебираемых кончиков — всех четырёх. Это означало, что нечто уже протиснулось внутрь и, конечно же, направилось к шкафу своим привычным маршрутом.

Луиза же продолжала смотреть перед собой, снова и снова

вспоминая слова Лестера и повторяя себе лишь одно:

«Не можешь помочь — тогда хотя бы не мешай. Оно уйдёт».

Призрак оставался её единственным проводником в этом пугающем мире и единственным, кто мог дать хоть какие-то ответы.

Но где-то между его словами настойчиво пробивались её собственные мысли: где он сейчас? Где Лестер? Почему его нет рядом? Почему она осталась одна?

Вода, расплескавшаяся от того, как стремительно девушка выскочила из ванны, покрывала почти весь пол.

Немного поскользываясь, но даже не замечая этого, Луиза всё же добралась до столика и почти машинально натянула сорочку на мокрое, дрожащее не от холода, а от страха тело.

Где-то со стороны шкафа послышалось царапанье. Сначала редкое, почти ленивое, но с каждым мгновением всё более настойчивое. Скрежет нарастал и больно впивался в слух.

Луиза, которая изо всех сил старалась не обращать на него внимания, в какой-то момент всё же не выдержала. Потому что вопрос, въедавшийся в её голову вместе с этим мерзким царапаньем, на мгновение оказался сильнее страха.

— Чего ты от меня хочешь?! — хрипло прокричала она, резко оборачиваясь.

Существо на миг замерло, погружая комнату в вязкую тишину. Тёмные провалы на месте глаз медленно повернулись к девушке и замерли, словно внимательно изучая. Так про-

должалось несколько долгих секунд. А затем нечто вновь остервенело принялось скрести стенку шкафа.

Из глаз Луизы покатались изматывающие слёзы, которых она даже не почувствовала на своих щеках.

Всё её внимание было приковано к существу, которое сидело перед шкафом почти по-звериному, так же неотрывно глядя на девушку в ответ.

Бессилие перед постоянным ужасом способно измотать настолько, что в какой-то момент тело и разум перестают подавать сигналы страха. Они просто подчиняются обстоятельствам — ведь это их единственная защита.

Луиза была живым человеком, поэтому именно это с ней и произошло.

Она устала настолько, что страх уже не имел над ней прежней власти. Подойдя ближе к девочке, с удивительно ровным сердцем, Луиза тихо и спокойно спросила:

— Чем я могу помочь?

То, что когда-то было ребёнком, постепенно сбавляло силу царапанья, пока наконец не замерло вовсе.

В тёмных провалах невозможно было различить взгляд — это очевидно. Но Луиза готова была поклясться, что заметила в них настороженность или даже подозрение. Существо словно не могло принять того, что эта живая душа не бежит и действительно обращается к нему.

Лишь спустя пару мгновений, видимо убедившись в искренности девушки, оно с влажным хрустом разогнуло коле-

ни и поднялось во весь свой небольшой рост.

Затем сделало медленный шаг назад и резко подняло правую руку, указав в сторону злополучного предмета мебели.

Пусть существо и не говорило, Луиза прекрасно понимала, чего оно от неё хочет. Даже не подними оно руку и не укажи в нужную сторону — она всё равно бы догадалась. Для этого не требовалось ни слов, ни объяснений. Даже её искалеченная происходящим логика упрямо подсказывала — что-то есть за этой чёртовой дверцей.

Девушка прошла мимо нечисти и, совершенно не раздумывая, забралась внутрь шкафа.

Она видела его изнутри тысячу раз. День за днём доставала оттуда вещи и складывала обратно, привычно игнорируя царапины на деревянной поверхности.

И теперь, сидя внутри, она дрожащими, влажными от пота пальцами ощупывала заднюю стенку, сама не зная, что именно пытается найти.

Но та ничем не отличалась от обычной деревянной перегородки.

Ничего подозрительного.

Совсем ничего.

Девушка попятилась назад к существу, которое ждало снаружи.

— Там пусто, — сухо заявила она, выбираясь из шкафа. — Что я должна сделать? Я не понимаю тебя.

Но нечто не двигалось. Оно всё так же стояло с вытянутой

рукой, словно это был единственный способ, которым оно вообще могло общаться с живыми.

От этого у Луизы начинали сдавать нервы. Раздражение и усталость сплелись в тугой узел. Она до побелевших пальцев вцепилась в ткань собственного платья, лихорадочно перебирая в голове возможные варианты. И одна мысль всё же вспыхнула...

«Если ничего нет в шкафу, то, может быть, найдётся за ним?»

С этим предположением девушка вдруг замерла, словно в голове наконец сложилась недостающая часть загадки.

Она быстро обошла громадину с правой стороны и, прекрасно понимая, что с её хрупким сложением вряд ли сможет сдвинуть её хоть на миллиметр, всё же упёрлась спиной в боковую стенку.

Луиза пыталась сдвинуть шкаф всем телом — упиралась ногами и руками, наваливалась плечом, но спустя множество попыток стало совершенно ясно: сил для этого недостаточно.

— Я не могу! — бросила она девочке и, уже почти не сдерживая слёз, бессильно опустилась на пол. Сердце колотилось от натуги, мышцы болезненно сводило.

Существо, до этого почти не обращавшее на неё внимания, будто всё поняло.

Оно безжизненно опустило руку и, почти механически развернувшись, направилось к выходу.

Луиза, всё ещё пытаясь отдышаться, смотрела вслед про-

ходящему мимо неё нечто.

И в его неестественной поступи, в его безжизненных механических движениях было что-то душераздирающее, что-то, отдающее болезненной безысходностью.

«Нет ничего хуже, чем терять надежду», — вновь прозвучали в голове слова Лестера, заставляя Луизу невольно зажмуриться — не от страха, как прежде, а от внезапно накатившего чувства вины.

Всё-таки эта бедная душа пришла за помощью и была совершенно не виновата в том, что на месте этой помощи оказалась она — Луиза.

Что было делать? Проигнорировать? Позволить существу уйти и просто запереть засов?

Наверное, так было бы правильно.

Но врождённая эмпатия девушки взбунтовалась против этой мысли.

С силой ударив кулаком о пол, она резко поднялась. Злость вспыхнула неожиданно — на себя, на собственную беспомощность, на то, что не может помочь даже тогда, когда её об этом просят.

Нет.

Она не собиралась сдаваться.

С этим упрямым, почти яростным порывом Луиза всем телом навалилась на шкаф. Резкая боль стрельнула где-то в колене, но она не остановилась.

И на этот раз громада поддалась.

С громким скрежетом, царапая пол, шкаф сдвинулся достаточно, чтобы задыхающаяся от усилий девушка смогла разглядеть участок стены, скрытый за ним.

Там, куда, казалось, десятилетиями никто не заглядывал, красовалось — если можно так сказать — грубое пятно из прогнивших досок. Словно внутри, под старой обшивкой, долгое время скапливалась влага, разьевшая дерево изнутри.

Поняв, что её усилия были не напрасны, Луиза обернулась ко второму молчаливому участнику этой странной процессии.

Существо так и не покинуло комнату, видимо остановившись в тот самый момент, когда девушка вновь принялась за дело. Оно лишь замерло у порога, стоя к ней спиной.

Вернув внимание к потемневшему участку стены, Луиза подошла ближе.

Левая нога уже начинала отекает, и каждый шаг сопровождался хромотой, но сейчас это казалось неважным.

Осторожно протянув руку, девушка коснулась ладонью прогнившей поверхности.

И в тот же миг существо внезапно затопало ногами.

Жест был по-настоящему детским — и оттого ещё более пугающим. Оно топало так, как топал бы ребёнок, требуя чего-то.

Хотя от такого поведения сердце невольно замирало, останавливаться было нельзя. Луиза чувствовала это.

Поддев прохудившееся дерево, она легко отколола первый кусок. Тот с глухим стуком упал на пол, заставив существо затопать ещё сильнее — теперь это походило на истерику.

Если бы это мёртвое создание могло задыхаться от паники, оно бы, вероятно, уже делало это.

И каким-то непостижимым образом это словно говорило Луизе: прямо сейчас ты делаешь всё правильно. Только не останавливайся.

Почти не отдавая себе отчёта в собственных действиях, девушка отрывала кусок за куском, царапая кожу об острые края и совершенно не замечая боли.

Всё же её разум, как ни странно, продолжал работать с пугающей ясностью.

Где-то глубоко внутри она уже знала, что увидит, когда последний кусок сгнившей обшивки оторвётся.

И когда это произошло, она замерла. Как замерла и нечисть, стоявшая у порога.

В застенке, покрытом пылью и старой известью, показалось детское платье.

Она видела его уже по меньшей мере несколько раз. На существе, которое прямо сейчас стояло позади неё и, наконец обернувшись, смотрело туда же, куда и Луиза.

Останки. Это были детские останки.

Девушка отступила на шаг, чувствуя, как от увиденного у неё сбивается дыхание.

Было страшно? Да. Но не только.

Луиза смотрела, как несчастное создание медленно и неестественно подошло к проёму. Неловко опустившись на колени перед дырой, оно ссутулилось и замерло над своими останками. А затем впервые издало звук — тихое, сдавленное поскуливание.

Сердце девушки болезненно сжалось.

Мёртвый, изуродованный, покрытый струпьями — и всё же это был ребёнок. Чей-то ребёнок. Тот, кого когда-то держали на руках, кому поправляли волосы, кого укладывали спать.

А потом кто-то запер его здесь. Оставил одного в темноте. И тело, пролежавшее за этой стеной бог знает сколько лет, так и не дождалось ни помощи, ни спасения, ни даже достойного погребения.

И тогда Луиза сделала единственное, что подсказала ей её живая, способная чувствовать душа.

Это было безумие, совершенно необдуманый поступок. Но, отбросив страх и отвращение, девушка привстала, подобрала сорочку, чтобы та не мешала, и тихо подползла ближе к ссутулившемуся существу.

Она действовала не из рациональных побуждений — лишь повинувшись собственному сердцу.

Осторожно, преодолевая внутреннее сопротивление и стараясь не обращать внимания на удушающий запах разложения, Луиза протянула руку и едва коснулась худого дет-

ского плеча.

А затем обняла его чуть крепче.

Картина была жуткой — да.

Но Луизе было всё равно.

Она обнимала не потустороннюю сущность — она обнимала несчастное дитя, которому выпала страшная участь.

И от этого прикосновения оно завывало по-настоящему.

«Что не предано земле — то навеки проклято», — вспомнила Луиза фразу из послания, которое так отчаянно вырисовывал ребёнок.

И вдруг ясно поняла, о чём речь.

— Я всё исправлю, — тихо прошептала она, обращаясь к девочке, которая в ответ обернулась к ней и вгляделась в неё тёмными провалами глаз.

Конечно, Луиза не знала, по каким законам существует мир усопших.

Она не осознавала, что только что дала обещание, которое было услышано и, более того, было принято.

Она не могла знать, что только что заключила сделку.

А потому не поняла, почему в следующую секунду, под начинающийся бег часов в углу, существо резко ухватило её за ладонь.

Пальцы впились в кожу с такой остервенелой силой, будто стремились добраться до самой кости.

Хватка оказалась слишком болезненной.

А затем мир перед глазами начал меркнуть.

Потолок. Лепнина. Знакомые узоры.

Сознание возвращалось медленно, словно всплывая сквозь толщу тёмной воды.

Сначала появились эти узоры. Завитки лепнины, тонкие трещинки в штукатурке, причудливые линии, которые она когда-то в детстве могла рассматривать часами, лёжа в постели и придумывая им самые разные образы.

Затем пришёл свет. Тёплый дневной свет, льющийся сквозь высокие окна и золотящий края тяжёлых кремовых занавесей. Затуманенный взгляд медленно скользнул по комнате: резная кровать под кружевным балдахином, аккуратный туалетный столик, фарфоровые куклы на полках, маленькое кресло у окна и книжный шкаф, доверху заполненный детскими сказками в ярких переплётках.

Где она была?

Дома.

Мысль пришла так естественно, что Луиза даже не удивилась. Здесь всё было знакомым до последней мелочи. Каждый предмет стоял на своём месте, каждый уголок хранил воспоминания.

Но почти сразу вслед за этим ощущением пришло другое. Что-то было не так.

И лишь спустя несколько мгновений Луиза поняла почему.

Этого дома больше не существовало в её жизни.

Она давно покинула его. Теперь её домом был старый

особняк, полный призраков, тайн и чужих голосов.

Так как же она могла оказаться здесь?

Это понимание пришло резко и болезненно. Но стоило ей попытаться удержаться за эту мысль, как что-то внутри начинало сопротивляться.

Воспоминания о том, что было до этого, будто нарочно отступали, становились размытыми и незначительными, а окружающий мир, напротив, казался удивительно настоящим.

Тут же вскочив с постели, Луиза едва не потеряла равновесие от сильного головокружения. Не понимая, что происходит, она поднялась на ноги и удивилась ещё больше — всё вокруг словно стало выше, а сама она значительно уменьшилась.

Поднеся руки к лицу, она обнаружила, что они совсем крохотные, будто у шестилетнего ребёнка.

Правая ладонь болезненно пульсировала, хотя кожа выглядела совершенно обычной.

Луиза нахмурилась.

Почему-то от одного взгляда на неё по спине пробежал холодок. За этой болью будто скрывалось какое-то воспоминание, но ухватиться за него она не успела.

— Где тебя носит, Тильда? — твёрдо прозвучал давно забытый голос откуда-то из глубины дома.

Звонкий, властный, ещё не тронутый болезнью, он прокатился по коридорам так знакомо, что у Луизы на мгновение

перехватило дыхание.

«Мама?» — с неверием подумала она и замерла.

— Уже бегу, госпожа! — раздался совсем рядом торопливый голос служанки. В следующее мгновение мимо двери пронеслись быстрые шаги, шелест юбок и лёгкий звон связки ключей.

Ноги Луизы слегка не слушались, однако она всё же точно знала — ей нужно туда. Туда, где прямо сейчас была её мать.

Выйдя из своей детской комнаты и неуверенно ступая по коридору, она смотрела, как по дому снуют кухарки, горничные и другие слуги, и чувствовала, как в груди болезненно сжимается что-то давно забытое.

Именно таким она и помнила свой дом: полным суеты, привычных запахов и приглушённого шума голосов.

Один за другим слуги скрывались за поворотом в дальнем конце коридора, и Луиза поспешила следом. На ходу её взгляд невольно скользнул вниз. На маленьких ступнях красовались изящные сапожки из светлой кожи — именно такие она носила в детстве по настоянию родительницы.

Она понимала, что всё происходящее вокруг — странный сон. И хотя многие воспоминания ускользали от неё, одну вещь Луиза знала наверняка: её мать тяжело больна, лишена разума и возможности двигаться. Но здесь, в этом сне, она снова слышала её голос.

Стоило ей завернуть за угол, как впереди открылась знакомая галерея с высокими окнами. Вдали виднелись двери

родительской спальни, возле которых то и дело мелькали горничные.

Сердце дрогнуло, и шаг невольно ускорился. Луиза почти бегом устремилась к дверям. Не постучала, не замешкалась на пороге — наоборот, она практически ворвалась внутрь.

На постели, в полумраке за плотными портьерами, лежала Клаудия.

Да, недуг уже давал о себе знать — об этом говорили нездоровая бледность кожи и заметная слабость в движениях.

Однако не было тех морщин, что теперь усыпали её лицо. Не было привычной сжатой, почти детской позы. Напротив — даже в таком состоянии она сохраняла властность, а её глаза были ясны и полны осознания.

Это был момент, когда разум ещё оставался при ней.

— Мама! — не контролируя себя, бросилась Луиза прямо к постели Клаудии.

Женщина, до этого лежавшая в тяжёлом настроении, вдруг смягчилась, увидев дочь.

— Милая, ты чего здесь? — спросила она, бережно проводя рукой по голове ребёнка.

Луиза не понимала, что происходит. Не понимала, почему она оказалась в этом сне. Но мама — её мама — была здесь и смотрела прямо на неё, а не сквозь.

Слёзы подступили к её глазам почти мгновенно.

Ей хотелось сказать так много, задать тысячу вопросов,

обсудить тысячу вещей, но вместо этого она лишь крепче прижалась к матери, и та слегка охнула под тяжестью её маленького тела.

— Ох, детка... — женщина прижала её к себе.

Её руки уже заметно теряли силу, но обнять своего ребёнка ей бы никто не помешал.

Где-то за спиной послышались семенящие шаги — кто-то из слуг внёс что-то и сразу ушёл. Так повторялось раз за разом, а Луиза всё лежала, вцепившись в плечи матери.

— Дорогая, — начала женщина тёплым голосом, — я жду доктора, и сейчас тебе лучше отправиться к себе.

Она попыталась мягко отстранить девочку, но та не поддавалась, лишь тихо шмыгая носом.

— Ну полно, полно, — женщина всё же усадила ребёнка рядом с собой, бережно убирая с её заплаканного лица прилипшие волосы.

— Скоро я поправлюсь, и тогда знаешь, что мы с тобой будем делать? — спросила она с лёгкой заговорщицкой улыбкой.

Луиза грустно покачала головой: «не знаю».

— Мы отправимся посмотреть королевский балет, — восторженно заявила матушка, тепло улыбаясь, — а после я отвезу тебя в Шотландию. Но ты должна быть терпеливой. Справишься?

Всё это был сон, и сознание девочки всё больше погружалось в декорации, постепенно забывая реальность.

Но одно было совершенно ясно — мама не поправится, не будет балета, не будет Шотландии, не будет её будущего, каким она его представляла.

Но что оставалось Луизе? Лишь кивнуть.

Женщина взяла её маленькую ладонь и прижала детские пальчики к своим губам.

— Теперь ступай, дорогая, — тихо сказала она, наблюдая, как дочь послушно слезает с высокой постели.

В этот момент в комнату вместе с тяжёлым тазом, из которого поднимался пар, вошла вспотевшая Тильда.

— Ну наконец! — прозвучал грубый и ледяной голос Клаудии. — Где тебя носило?

Луиза, уже отошедшая к двери, невольно обернулась — настолько разительно изменился тон матери всего за несколько мгновений.

— Простите, госпожа, — не поднимая глаз, испуганно проговорила Тильда. — Я задержалась... мистер Бартвелл повелел открыть...

— Ах, мистер Бартвелл повелел! — оборвала её женщина, резко приподнимаясь на локте и впиваясь взглядом в служанку. — Зови сюда этого олуха-повелителя! — бросила она, раздражённо махнув рукой в сторону двери.

Тильда, чуть не выронив таз, поспешила обратно, выполняя приказ.

Дверь за ней захлопнулась так быстро, что горячий пар ещё несколько мгновений дрожал в воздухе белёсой дымкой.

Клаудия устало коснулась головы и простонала, словно оставшись наедине с болью, совсем забыла о присутствии ребёнка в комнате.

А Луиза была поражена.

Она, конечно, знала, что разговоры о властном характере матери не были лишены правды, но такой яркой демонстрации не ожидала. Вскоре за дверью послышалась тяжёлая знакомая поступь.

«Папа», — безошибочно определила Луиза.

Ненадолго его тень застыла перед дверью, затем ручка неуверенно опустилась, и дверь со скрипом приоткрылась.

— Милая, ты звала меня? — тихо спросил мужчина, входя в комнату.

Джозеф оказался молодым и хорошо сложенным — это Луиза подметила сразу. Однако в нём чувствовалась неприличная покладистость, если не сказать запуганность.

Его плечи слегка сутулились, взгляд то и дело опускался в пол, а сам он на мгновение замер у порога, словно проверяя, в каком настроении находится жена.

— Где доктор? — бросила женщина ледяным тоном.

— Он уже скоро будет здесь, я отправил повторную весточку... — тихо ответил он, подходя к кровати и пытаясь взять женщину за руку.

— Какой смысл отправлять бесконечные просьбы? — она резко выдернула ладонь. — Соберись и сам привези его сюда!

— Но дорога размыта, да ещё и с ухабами... И ехать туда — почти три часа! В каком виде я прибуду? — воскликнул Джозеф и тут же осёкся, втянув голову в плечи, как побитая дворняга.

— В каком виде? — повторила Клаудия, убирая ладонь от лица и впиваясь в мужа тяжёлым взглядом. — Уж точно не хуже того, в каком ты был, когда я вытащила тебя из трупоб, — пренебрежительно бросила она и, схватив мужчину за нарядный воротник, резко дёрнула его на себя.

Было видно, как её слова задевают в нём что-то болезненно оголённое.

— А потому собирайся сейчас же. И не заставляй повторять дважды.

Мужчина на негнущихся ногах поплёлся к выходу.

И лишь когда дверь закрылась, Клаудия снова схватилась за голову, тихо застонав от боли и отвернувшись к стене.

Луиза всё это время стояла в углу и наблюдала за картиной прошлого. И чем дольше она смотрела, тем яснее чувствовала, как что-то внутри неё постепенно встаёт на свои места. Она уже не помнила своих вопросов, но понимала — ответы наконец начинают находиться.

И вдруг почувствовала, что что-то вокруг меняется.

Стены словно становились мягче. Пол терял плотность, а ноги медленно начинали проваливаться в пустоту.

Видение подходило к концу.

И вместе с этим она понимала — сейчас она вернётся ту-

да, где мама уже совсем другая, а потому ей хотелось ещё хоть раз коснуться её руки перед уходом.

Клаудия тяжело перевернулась на бок, стараясь унять головную боль и даже не замечая, какие усилия прикладывает маленькая Луиза, чтобы просто подойти к ней.

Но все же девочке это удавалось.

Медленно, будто продираясь сквозь вязкую пелену, она всё же приближалась.

И тогда, когда между ней и матерью оставалось лишь протянуть руку, а пальцы уже почти коснулись ткани сорочки, дыхание Луизы внезапно перехватило.

Белая ночная рубашка матери со спины вдруг оказалась почти полностью пропитана кровью.

Луиза даже не поняла, как не заметила этого раньше.

То тут, то там расплзались тёмные пятна, возникая прямо у неё на глазах.

Повинуясь странному голосу в голове, твердившему, что она просто обязана увидеть эти раны, Луиза рывком подняла ткань и тут же с визгом отпрянула.

На спине Клаудии не осталось живого места.

Бледную кожу покрывали старые шрамы, по которым кто-то с маниакальным упорством снова и снова проходился остриём, вырезая буквы и складывая их в слова.

Стены уже плыли, пол уходил из-под ног, а само видение рассыпалось. Но, несмотря на весь ужас, Луиза знала наверняка — она должна прочесть, что именно было вырезано на

коже родного человека.

Она подалась вперёд, чувствуя, как туман пожирает очертания комнаты, исчезают звуки и ускользает сама мать. Ещё немного — и всё пропадёт.

Лишь бы успеть.

И в тот миг, когда иллюзия почти растворилась в белёсой дымке, на последнем нетронутым участке кожи медленно, будто невидимая рука спешила оставить послание, прежде чем станет слишком поздно, начали проступать слова одной-единственной фразы:

«Ей теперь достаточно?»

Дорогие читатели, если хотите ещё сильнее погрузиться в мир истории — заглядывайте в мой профиль. Там вы найдёте ссылку на Telegram-канал с визуалами и моими мыслями о написании. Всем рада и благодарна за поддержку.

Глава тринадцатая: и даже поражения бывают красивыми

Первые мгновения после пробуждения Луиза не понимала, где находится.

Перед глазами покачивался знакомый полумрак комнаты, пахло сыростью и старым деревом. В голове один за другим вспыхивали обрывки воспоминаний: старое платье, боль в ладони и объятия матери.

Лишь несколько секунд спустя девушка осознала, что лежит на полу возле пролома в стене, который сама же и проделала.

Существа рядом не было.

Только тёмный отпечаток пальцев на руке упрямо напоминал: останки, жуткий вой и видение — всё это случилось наяву.

Мысли метались и сбивались, но с этим ещё можно было мириться, пока память не вытащила на поверхность то, к чему сознание оказалось не готово, — окровавленную сорочку, а следом и вырезанный на коже вопрос.

Сердце тут же сорвалось в бешеный ритм, и каждый удар болезненной дрожью отдавался во всём теле. С трудом перевернувшись на бок и опершись рукой о пол, девушка мед-

ленно подтянула колени к груди, туда, где всё болезненно сжималось.

Как долго человек способен выносить страдания, прежде чем рухнет последняя защита? Месяц? Год? Целую жизнь?

Луизе казалось, что её предел наступил именно в эту секунду.

Разобраться в том, что именно с ней произошло, что означало то видение и откуда оно вообще взялось, было выше её сил. Разум попросту отказывался принимать случившееся. Исчезла привычная рассудительность, рассыпалась решимость, а вместе с ними угасла и надежда.

Ужас от увиденного вытеснил всё, и, чтобы не сойти с ума, оставалось лишь одно — бежать. Бежать прямо сейчас.

Не думать. Не останавливаться. Не оглядываться.

Тело действовало само. Луиза даже не поняла, как вскочила на ноги и бросилась прочь. Перед мутнеющим взглядом мелькали коридор, поворот, ступени, ещё один поворот — и, наконец, спасительная дверь.

Она распахнула её с такой силой, что створка с оглушительным грохотом ударилась о косяк.

Теперь её больше не волновало ничего.

Ею двигало только одно желание — спастись.

Сделать хоть что-нибудь, лишь бы вырваться из кошмара, в который превратилась её жизнь.

Лёгкое платье путалось в ногах, холодный дождь хлестал по лицу, а мокрая трава обжигала босые ступни, пока она

неслась вперёд, сама не зная куда.

Если у безумия и было начало, то, должно быть, выглядело оно именно так.

Ворота были совсем близко и одновременно казались недосягаемо далёкими.

Луиза неслась к ним так, словно за воротами её ждало спасение. Словно стоило лишь переступить границу поместья, и кошмар наконец отпустил бы её.

Лёгкие горели от нехватки воздуха, сердце болезненно билось о рёбра, но она продолжала бежать.

Быстрее.

Ещё быстрее.

И в тот самый миг, когда долгожданный шаг за ворота был наконец сделан, позади неё раздался голос.

— Остановись! — непривычно резко приказал Лестер.

И это сработало как якорь.

Будто удерживаемая какой-то неведомой силой, а может, той частью себя, что всё ещё не желала окончательно сломаться, девушка замерла.

Вернее, попыталась. Босые ступни скользнули по размытой земле, и она, потеряв равновесие, с глухим шлепком рухнула в грязь.

Уже в который раз.

Всё ещё не понимая, что происходит, она пыталась подняться и, срывая ногти о скользкую землю, упрямо ползла прочь, стремясь оказаться как можно дальше отсюда.

— Что произошло? — донёлся ровный голос Лестера совсем рядом, где-то за левым плечом. — Луиза, посмотри на меня.

Но ответить или обернуться девушка не могла.

Перестав барахтаться в скользкой грязи, она прижалась щекой к холодной жиже, бессильно распласталась на земле и вдруг завывала так, как никогда прежде.

Так, как воют лишь из самой глубины отчаяния.

Так, как совсем недавно выло существо в её комнате.

Протяжно. Громко. Почти зло.

— Я больше не могу, — только и смогла выдавить она. — Я так больше не могу...

Лицо исказила та страшная судорога, после которой слёзы уже невозможно было остановить. Дыхание окончательно сбилось. Она хватала ртом воздух, но его будто не хватало.

— Поднимайся, Луиза, — твёрдо произнёс откуда-то сбоку Лестер. — Слышишь? Сейчас же.

И она услышала.

Удивительно, но среди раскалённого безумия, бушевавшего в её голове, голос Лестера, не терпящий возражений, был тем самым необходимым льдом.

— Я сказал: поднимайся! — ещё требовательнее добавил он.

И это сработало.

Дыхание всё ещё оставалось рваным, но воздух наконец начал поступать в лёгкие. Девушка привстала, ощутив, как

натянулась промокшая ткань платья на бёдрах. Сознание постепенно брало верх.

Подняв голову, Луиза увидела, что прямо за ней, на границе поместья, там, где заканчивались ворота, сидел призрак.

Так же, как и она, он стоял на коленях, вдавливая их в размытую дождём землю.

Руки его были вытянуты вперёд, словно он упирался в преграду, недоступную её взгляду. Что-то не позволяло ему переступить границу поместья.

Но за эту деталь девушка не зацепилась. Куда сильнее её поразило другое: странно было видеть всегда безупречного Лестера, утопающего коленями в грязи.

— Если закончила, рассказывай, — серьёзно произнёс призрак, глядя на дрожащую девушку, которая смотрела на него так, словно он был единственным, что ещё связывало её с реальностью.

Но отвечать она не стала. Вместо этого произошло совсем другое: в покрасневших от слёз глазах Луизы вдруг вспыхнула ярость.

Вонзая пальцы в грязь и путаясь в подоле платья, она кое-как поднялась на ноги. А затем, с таким надрывом, что голос почти сорвался на хрип, выкрикнула:

— Где ты был?!

Это даже не было вопросом. Скорее обидой и упрёком, отчаянной претензией к самой себе за то, что она вообще посмела надеяться на помощь. Как же глупо.

Если она придумала себе, что не одинока, — это лишь её проблема. Призрак ничем не был ей обязан.

Но если бы не дождь, струившийся по их лицам, Луиза непременно заметила бы, как на мгновение дрогнули его губы, ведь впервые за всё время Лестеру было нечего ответить.

Да и что он мог сказать?

Как объяснить, что и сам не знает, куда уносит его небытие, когда приходит время? Оправдываться ему было нечем.

— Это существо... этот ребёнок, — сбившимся голосом продолжила Луиза. — Он снова приходил. И на этот раз... Моя мать...

Она вдруг закусила губу, прерываясь.

Слёзы вернулись, и девушка лишь отрицательно покачала головой. Объяснять не было сил. Да и какой смысл?

Развернувшись, Луиза уже собиралась уйти, когда её вновь остановил твёрдый голос Лестера.

— Это не в моей власти, — произнёс мужчина, не отводя от неё глаз, словно признаваясь в собственном бессилии.

Луиза и без того знала, что призраки дома живут по своим законам, над которыми не властны даже сами. Но сейчас, под холодным дождём, среди истерики и страха, в ней осталась лишь обида — глухая, злая и отчаянно жаждущая быть услышанной.

— Но я была одна! — вскрикнула девушка, с трудом выговаривая слова. — Почему я всегда одна, Лестер?

Мужчина заметно напрягся и сильнее стиснул прутья рас-

пахнутых ворот.

— Если бы мог, не подпустил бы к тебе никого, — сказал он так, будто произносил неоспоримую истину, в которой сам не сомневался ни на мгновение.

И будь Луиза в спокойном состоянии, она наверняка уловила бы смысл его слов и то, как именно он их произнёс. Но в ту секунду, захлёстнутая эмоциями, была не способна на это.

— Я здесь не останусь, — уже тише произнесла девушка и вновь повернулась к улице.

— Да? И куда ты пойдёшь? — спокойно спросил Лестер.

— Да плевать мне, — бросила она, делая шаг и чувствуя, как болью сводит колено.

— Нет, не плевать, — невозмутимо возразил он. — Ты понимаешь, что ждёт тебя там? Или уже забыла историю своей знакомой?

Речь, конечно, шла о Салли. Луиза и сама не раз думала о ней, представляя, как сложилась бы её жизнь, будь рядом семья и хоть чья-то поддержка. И, конечно, она прекрасно понимала, на что намекает Лестер, однако принимать это отказывалась.

— А что ждёт меня здесь?! — резко обернулась девушка, так что мокрые волосы хлестнули по лицу. — Лечебница, которой восхищается мой отец? Муж, который будет мучить меня не меньше, чем он? Или безумие, которое я заработаю в этом доме? Что из этого, Лестер?

Она подошла почти вплотную.

Ссутившаяся, промокшая, дрожащая.

А он всё так же не сводил с неё взгляда, упираясь ладонями в невидимую преграду, словно больше всего на свете хотел, чтобы её между ними не было.

— Знаю, что надежды в тебе почти не осталось, — тихо произнёс он. — И удержать тебя я не смогу.

Впервые Луиза заметила, насколько напряжены его лицо и глаза.

В них не было привычного спокойствия. Лишь какая-то тяжёлая сосредоточенность, граничащая со страхом.

— Но если позволишь, я поклянусь тебе в одном, — Лестер медленно разжал пальцы, до этого сжимавшие прутья ворот, и чуть опустил голову, оказываясь с девушкой почти на одном уровне. — Ни отец, ни навязанный муж, ни кто-либо другой не будет тебе страшен, пока ты находишься в этих стенах.

Он приблизился настолько, насколько позволяла невидимая граница, и произнёс едва слышно, но так, что даже сквозь шум дождя его слова можно было разобрать.

— Я хочу помочь тебе выжить. Но там, — его взгляд скользнул ей за спину, — я этого сделать не смогу.

Может, дело было в его потусторонней природе, а может — в самом Лестере, в его голосе и манере держаться, но Луиза застыла, словно околдованная.

Впрочем, ненадолго.

— Снова? — Она недоверчиво покосилась на него и вытерла мокрой ладонью лицо. — Зачем тебе это?

Он задержал на ней тяжёлый взгляд, а затем ей показалось, будто в уголке его губ скользнула горькая усмешка.

— Потому что меня никто не спас.

Он произнёс это так просто, будто говорил о погоде.

— Потому что мой отец своего добился.

Пальцы на прутьях сжались сильнее.

— И потому что я мёртв.

Его взгляд медленно опустился ниже её подбородка.

— А твоё сердце всё ещё бьётся.

Голос оставался ровным, но почему-то именно от этого становилось тяжелее.

— И я хочу, чтобы так и оставалось.

Он поднял глаза.

— Я не смог, но ты должна, — он так сильно сжал челюсть, что под кожей отчётливо проступили напряжённые желваки. — Борись за себя. Иначе зачем это всё?

Веки девушки дрогнули. Она вдруг осознала, что Лестер был прав. За воротами не было никакой свободы. За ними для нее вообще ничего не было.

Призрак просил поверить ему.

Но сколько ещё можно верить обещаниям?

Когда-то отец клялся матери, что покончит с картами, мать обещала, что скоро поправится, а дядя уверял, что его племянница всегда будет в безопасности.

Теперь защиту обещал и Лестер, но как довериться снова? Как?

— Я не хочу помощи, — тихо сказала Луиза, не отводя от него глаз и впервые за долгое время ясно понимая, что ей нужно на самом деле.

Не спасение. Не обещания. Не чужая жалость.

— Я хочу научиться защищаться, — уверенно заявила девушка.

И этот ответ явно удовлетворил призрака. Он наконец привычно выпрямился, отступил на шаг и протянул ей руку, что замерла у самой черты, которую он не мог пересечь.

Нужно было лишь шагнуть.

И она решилась.

Пусть в последний раз. Пусть вопреки здравому смыслу, но всё же решилась.

Луиза протянула ладонь и тут же ощутила ледяные пальцы — спокойные, как и их обладатель, но сомкнувшиеся с такой уверенностью, что вздумай она броситься назад, ничего бы не вышло. Он не тянул её к себе, лишь ждал, позволяя самой сделать шаг, и крепко удерживал её ладонь.

— Научи меня, — потребовала девушка, и в голосе её, несмотря на дрожь, прозвучала решимость. — Я должна стать такой, как ты.

И наконец переступила невидимую границу между ними, одним движением оказавшись так близко, что содрогающаяся от холода грудь болезненно упёрлась ему в рёбра.

Лестер не шелохнулся. Даже не смутился, словно не позволяя себе задумываться о том, насколько она близко.

— И станешь, — спокойно произнёс он. — Но не мёртвой.

Луиза смотрела на него снизу вверх, не стесняясь.

Слишком пристально, сама не понимая, что пытается разглядеть: подвох или человека, которого жизнь сломала не меньше, чем её саму?

И всё равно она верила ему. Несмотря на то, что ни одно из обещаний, звучавших в её жизни, так и не сбылось, *ему* она верила.

Наверное, именно потому, что в тот момент всё в ней было натянуто до предела — самообладание, страх, душа, обнажённая до боли, словно нервы под содранной кожей, — Луиза перестала думать о последствиях и просто сделала то, чего на самом деле хотела.

Рывком заведя руку за затылок мужчины, она требовательно притянула его к себе и прильнула к ледяным губам.

До этого момента девушка не знала, что такое обжигающий холод, но именно таким он оказался — невозможным, запретным и оттого ещё более желанным.

Она не думала отстраняться ни на миг, будто боялась, что, стоит отпустить его, — и он снова исчезнет, оставив её одну.

И пока она безрассудно тонула в его холоде, он впервые по-настоящему страшился её тепла.

Под напором девушки всё тело Лестера словно окаменело.

Призрак замер, позволяя ей делать то, на что сам никогда

бы не решился. Но в этой неподвижности чувствовалось отчаянное сопротивление.

Не ей — самому себе.

Будто каждая секунда этого безумия была нарушением всех правил, которым он подчинялся даже после смерти.

Он попытался отстраниться — почти незаметно, словно хотел напомнить себе, кем является и чего не должен желать.

Но Луиза лишь крепче прижалась к нему, не позволяя отнять у неё этот миг. Внезапно для него в этой девушке оказалось столько настойчивости.

И он сдался ей.

С тихим стоном Лестер обхватил её голову обеими руками, будто окончательно признавая своё бессилие, и сам углубил их противоестественный поцелуй.

Луиза едва успела вдохнуть, прежде чем снова раствориться в этом странном, пугающем и до дрожи необходимом прикосновении.

Призрак уже не сдерживался и даже не пытался бороться с собой.

В этом сладком отступлении было столько накопленного одиночества, столько невысказанной тоски и запретного желания, что за его пределами всё разом утратило очертания.

И что будет дальше, когда их губы наконец разомкнутся, не имело для них ровным счётом никакого значения — в эту ночь они впервые выбрали друг друга, не спрашивая, чем за это придётся заплатить.

Дорогие читатели, если хотите ещё сильнее погрузиться в мир истории — заглядывайте в мой профиль. Там вы найдёте ссылку на Telegram-канал с визуалами и моими мыслями о написании. Всем рада и благодарна за поддержку.

Глава четырнадцатая: отдай мне то, что тебе дорого

Поражения бывают красивыми — это Лестер понял, когда целовал ту, что так сильно желала его, несмотря ни на что.

Однако подобное неизбежно ведёт к тому, что сердце начинает трепетать, и уже неважно, мёртвое оно или нет.

А ведь это особенно страшно для того, кто привык держать всё под контролем.

И именно поэтому уже в следующую секунду Лестер, словно ошпаренный, отскочил от Луизы.

Не оттолкнул её — нет. Просто резко отступил, опустил взгляд и отвернулся.

Всё ещё не до конца понимая, что произошло, девушка будто под действием каких-то чар вновь потянулась к нему. Но самообладание уже вернулось к призраку.

Уперевшись спиной в стену, он мягко выставил перед собой ладонь, без слов призывая остановиться.

Странное дело — у существа, внутри которого, казалось, уже не могло происходить никаких жизненных процессов, дрожала рука.

И только теперь, взглянув на эту ладонь, а затем невольно коснувшись пальцами собственных губ, Луиза наконец осознала, что произошло.

Глаза её широко распахнулись. Она поспешно запустила пальцы в волосы, словно пытаясь спрятаться за этим неловким движением.

Ситуация будто бы обязывала девушку извиниться за такой конфуз, но она не стала.

По её мнению, за что угодно она бы покаялась, но только не за это.

— Это было недостойно, — хрипло заговорил призрак, поправляя вымокший сюртук и стараясь не смотреть на девушку. — Подобного не повторится.

С этими словами он направился напрямик ко входу в дом.

И лишь единожды, уже у двери, он обернулся и скользнул по ней взглядом, словно проверяя, не приросла ли девушка к земле у тех самых злополучных ворот.

А она только и могла молча плестись за ним к дому, неровно ступая по мокрой земле.

Ночная сорочка, насквозь промокшая под дождём, тяжело липла к телу, перепачканная грязью. Казалось невероятным, что ещё пару часов назад она безмятежно лежала в тёплой ванне.

Шагая следом за Лестером и глядя на то, как он застыл у порога, Луиза вдруг подумала: а как они теперь будут смотреть друг другу в глаза? И смогут ли вообще делать вид, будто ничего не произошло?

Впрочем, сейчас существовали вопросы куда важнее. Она крепко зажмурилась, будто пытаясь выбросить слу-

чившееся из головы, и, тряхнув волосами, ускорила шаг. Теперь ею двигало не смущение, а тревожные мысли о матери.

— Лестер! — она бегом догнала призрак уже в дверях и ухватила его за плечо. — Что за видение у меня было?

Мужчина, как ей показалось, слегка вздрогнул от внезапного прикосновения, но всё же остановился.

— Луиза, я понятия не имею, о чём ты говоришь, — ответил он ей, несколько устало.

— Нет, ты должен знать. Это ведь связано с вашей природой. Ты же сам...

Она осеклась, внезапно осознав, насколько оскорбительно могут прозвучать эти слова.

Но Лестер закончил мысль за неё.

— ...сам мертвец.

Он спокойно кивнул.

— Верно. Но всё, что мне известно о подобных существах, я узнал ещё при жизни. — Он чуть прищурился и сделал шаг ближе. — Ответов, которые ты ищешь, у меня нет. Лишь предположения.

Каждое слово прозвучало чётко, почти сухо.

Наблюдая, как девушка на глазах теряет себя, он после короткой паузы добавил:

— Всё, что я знаю о сегодняшнем вечере, — это то, что, когда я вернулся... — он едва заметно запнулся, словно сказал больше, чем собирался, и продолжил: — ...ты в истерике пыталась сбежать в своё светлое будущее. Больше ничего.

Он резко поправил манжету и спокойно произнёс:

— Меня здесь не было.

Только теперь Луиза окончательно поняла: он действительно ничего не знает — ни о том, что ещё скрывает дом, ни о том, как живут здесь подобные ему создания, хотя сам был одним из них.

И тут же решила это исправить — хотя бы для него.

Совершенно бесцеремонно ухватив призрака за ладонь — так, будто делала это уже тысячу раз, — она потянула его вверх по лестнице.

Тому ничего не оставалось, кроме как последовать за ней, то и дело поддерживая, чтобы она не поскользнулась на мокрых ступенях.

И пока Луиза с почти маниакальной уверенностью тащила его к тому, чего сама боялась, он заметил на её ладони тёмные следы чужих пальцев.

Не человеческих — он понял это сразу. Отчего-то это осознание заставило призрака крепче сжать её руку, позволяя ей вести его дальше.

И именно тогда Лестер уяснил ещё кое-что.

Он ошибался, полагая, что после собственной смерти его уже ничто не способно удивить: Луиза Бартвелл с оглушительным треском разнесла эту уверенность в щепки.

— Это произошло здесь, — объявила девушка, буквально втащив его в свою комнату и указывая на пролом в стене, к которому сама не решалась подойти.

— Там... — нервно перебирая пальцами, быстро заговорила она. — Там внутри её платье. И не только.

Призрак медленно прошёл вглубь её спальни, стараясь не наступать на разбросанные повсюду гнилые доски. Затем, словно кот, бесшумно опустился к дыре, заглянул в неё и кивнул.

— Аманда.

— Что? — растерянно переспросила Луиза.

— Аманда Кроуфорд, — спокойно ответил он. — Ещё при моей жизни, когда моя семья въехала в этот дом, по городу ходили слухи о пропавшей девочке.

Он медленно выпрямился во весь рост и повернулся к Луизе, которая уже заметно напряглась, предчувствуя неладное.

— Ей было двенадцать, когда она исчезла. Искали всем городом. Безрезультатно.

Наклонившись, Лестер принялся собирать разбросанные по полу доски.

— Говорили, что её старший брат, обезумев от горя, поселился в её комнате и начал её перестраивать.

Он многозначительно посмотрел на пролом в стене.

— Тогда все решили, что так он переживает утрату.

Лестер снова перевёл внимательный взгляд на Луизу.

— Но теперь... — тихо произнёс он, указывая на дыру. — Теперь, кажется, сложить два и два совсем не трудно.

Луиза, поняв, на что намекает Лестер, закрыла рот ладо-

нюю, поражённая внезапным осознанием, и бессильно опустилась на край кровати.

Сидя в грязной, насквозь промокшей сорочке, она уставилась в одну точку, напрочь упустив из виду, что призрак молча наводит порядок в её комнате.

Некоторое время девушка сидела неподвижно, думая лишь об одном: какими бы ни были её собственные беды, они уже не казались такими значительными на фоне того, насколько чудовищно жесток этот мир был к детям.

А потом вдруг резко вскочила, заставив мужчину на мгновение замереть.

— Я пойду сейчас! — решительно заявила она и бросилась к тому самому шкафу, который ещё минуту назад внушал ей страх.

— Снова к светлому будущему? — едва заметно приподняв бровь, спросил Лестер, держа в руках охапку сгнивших досок.

— Я ей пообещала, — тихо сказала Луиза, будто не слыша вопроса и обращаясь скорее к самой себе.

Ставив с верхней полки старое одеяло, она торопливо встряхнула его, расправляя дрожащими руками, и с осторожной решимостью расстелила рядом с проломом в стене.

— Что ты делаешь? — нахмурился призрак, откладывая доски в сторону.

— Не мешай.

Ответ Луизы прозвучал непривычно твёрдо. Сделав

несколько глубоких вдохов, она опустилась на колени у проёма и осторожно протянула руку вглубь.

— Нет, — непреклонно прервал призрака, осторожно перехватывая её предплечье. — Я сам.

Но стоило девушке поднять на него взгляд, как он сразу понял: остановить её не получится.

— Я ей обещала... — почти шёпотом произнесла Луиза, мягко отстраняя ладонь мужчины.

С лёгкой дрожью в теле она вновь протянула руку к пролому. Её пальцы двигались удивительно осторожно.

Один за другим она извлекала наружу детское платье, хрупкие кости и пожелтевшие от времени ленты для волос.

Лестер невольно отступил на шаг и просто наблюдал за ней.

За девушкой, которая казалась хрупкой, словно орхидея, но сейчас без единого колебания делала то, на что решился бы далеко не каждый мужчина.

Она не отворачивалась.

Не морщилась.

Скорее наоборот — действовала с какой-то почти трепетной нежностью. Каждую находку она бережно укладывала на расстеленное одеяло, словно боялась ненароком причинить боль той, кому они когда-то принадлежали.

И стоящий позади неё призрака поймал себя на неожиданной мысли: Луиза не была нормальной. Никогда не была.

И, к сожалению, именно поэтому так удивительно подхо-

дила к безумию этого дома.

— Идём, — тихо сказала она, закончив.

И, осторожно поднявшись с пола со свёртком на руках, направилась к выходу из комнаты.

Лестер лишь молча последовал за ней.

Ему не нужно было спрашивать, куда они идут — он и без того всё понял.

— Внизу есть лопата, — негромко сказала Луиза, спускаясь по лестнице. — Не мог бы ты...

— Мог бы, — коротко перебил её призрак и сразу свернул в сторону кладовой.

Луиза же вышла во двор.

Снова в дождь и снова в холод.

Только теперь всё вокруг ощущалось иначе: когда она убежала отсюда, сердце рвалось из груди, а теперь будто устало и замедлилось, как и всё её тело.

Девушка шла медленно, осторожно прижимая свёрток к груди так, как матери прижимают младенцев.

Вскоре за спиной послышалась размеренная поступь Лестера.

Призрак не пытался нагнать её и идти рядом: это шествие принадлежало Луизе, и он прекрасно это понимал.

Поэтому держался чуть позади, не нарушая тишины ничем, кроме звука собственных шагов. Так продолжалось, пока девушка наконец не остановилась.

На самом краю двора росла молодая плакучая ива — тон-

кая, совсем юная, с длинными ветвями, склонившимися к земле. Она выглядела так, будто уже оплакивала того, кого вот-вот похоронят под её кроной.

— Здесь... — едва слышно сказала Луиза.

— Здесь это дитя найдет покой.

Она осторожно опустила свёрток у корней дерева и протянула руку за лопатой.

Но Лестер не отдал её. Лишь на мгновение перевёл взгляд с лопаты на Луизу и упорно покачал головой.

— Я сочту это оскорблением, если женщина рядом со мной сама станет копать детскую могилу, — категорично заявил он и одним резким движением вонзил лопату глубоко в мокрую землю.

Девушка не собиралась возражать: только кивнула и отошла в сторону, не сводя с него глаз.

Лестеру действительно было проще — он не уставал и не сбивался с дыхания. Но легко ли было мертвецу копать могилу для другого мертвеца?

Эти его чувства оставались для Луизы загадкой.

И впервые ей в голову пришёл вопрос, который следовало задать уже давно: а где похоронено его тело? И похоронено ли оно вообще?

— Готово, — спустя несколько минут тихо произнёс призрак, прерывая её мысли и отступая в сторону.

Луиза, промокшая до нитки вместе со своим драгоценным свёртком, медленно подошла ближе.

Опустившись на колени, она бережно положила останки девочки в свежевырытую могилу.

— Теперь всё будет хорошо, — шепнула она и бросила внутрь маленькую горсть грунта.

Остальную землю на место вернул Лестер. Закончив, он встал рядом с Луизой и молча посмотрел на рыхлое захоронение, которое заливал дождь.

— Нужен крест, — сказал он, не поднимая взгляда. По его чёрным волосам струйками стекала вода.

— Нет, — ответила девушка. — Иначе будут вопросы от отца и Тильды. А ей, — она указала рукой в сторону могилы, — крест уже не нужен.

Лестер молча принял эти доводы.

Стоя рядом, он невольно всмотрелся в лицо девушки. Удивительным образом среди дождевых капель на её щеках он безошибочно различил единственную слезу — слезу, пролитую по ребёнку. Возникло желание коснуться её кожи, но, разумеется, он себе этого не позволил.

— Всё началось с неё, — наконец заговорил он, выпрямляясь. — С Аманды. Я ощущал её присутствие в доме ещё при жизни.

— Никто не слышал, а я слышал, — он чуть подался к Луизе. — Как и ты.

Девушка лишь едва заметно кивнула, не поднимая головы и не отрывая взгляда от одной конкретной точки.

— Она схватила меня за руку, и я увидела... — тихо заго-

ворила Луиза, чуть глубже вдохнув. — Что-то из прошлого. Моя мать была там, и с ней творилось нечто ужасное.

Лестер, стоявший рядом с ней плечом к плечу, на мгновение задумался, а после, слегка нахмурившись, высказал своё единственное предположение.

— Это, полагаю, плата.

— Плата? — переспросила девушка, наконец подняв глаза на мужчину.

— Ты дала обещание и предложила помощь, — сухо пояснил призрак. — Вполне возможно, это видение — то, что тебе дали взамен.

Луиза тяжело вздохнула. Она снова ничего не понимала: ответов по-прежнему не было, лишь новые загадки, и к ним только что прибавилась ещё одна — ей отчаянно хотелось понять, почему Лестер так сильно отличается от других существ и почему ему самому приходится лишь гадать.

— Как ты умер? — осторожно спросила девушка, глядя на призрака.

От её вопроса он заметно напрягся: в его случае это выразилось в ещё более прямой спине и чуть приподнятом подбородке.

Лестер не собирался отвечать — просто не был к этому готов. Он уже сделал шаг назад, однако Луиза тут же уцепилась за край его рукава.

— Прости, — она подошла чуть ближе и уперлась лбом в его плечо, тяжело дыша и коря себя за такую вопиющую

бестактность.

— Забудь об этих словах. Требовать я не смею, — сказала она, сильнее стискивая ткань сюртука. — Спасибо, что помог выкопать эту могилу.

Она прижалась к нему ещё крепче, желая лишь одного — удержать его рядом. Он не должен был ни разозлиться, ни уйти. Здесь и сейчас, стоя под дождём у захоронения, она просто не могла остаться одна.

Взгляд Лестера застыл где-то в темноте сада, когда он осторожно разомкнул её заледеневшие пальцы, всё ещё вцепившиеся в его одежду, и мягко сжал их в ответ.

— Тебе нужно в дом, — сказал он, делая шаг в сторону и по-прежнему не выпуская её руки, словно предлагая последовать за ним. — Нельзя здесь так стоять.

Девушка подчинилась.

Действительно, сейчас, когда всё происходящее безумие стихало, она начала чувствовать жуткий холод, боль в теле и сильную слабость.

Так, ведомая призраком, она и не заметила, как снова оказалась в собственной комнате. Здесь Лестер оставил её одну — и это было правильно.

Всё пережитое требовало осмысления, но сейчас Луизе больше всего хотелось снова забраться в ванну. Уже второй раз за вечер.

Осторожно ступая израненными ногами, она подошла к ней.

— Холодная, — заключила девушка, опускаясь в ванну.

— Ну и пусть.

Стоило ей погрузиться с головой, как в сознании снова и снова всплывал образ сорочки матери из видения.

«Если это плата, как говорит Лестер, — подумала девушка, — выходит, в прошлом моей семьи что-то скрыто от меня?»

С этими мыслями она просидела в ледяной воде не меньше получаса. Выбравшись наружу и накинув на себя первое, что попало под руку, Луиза медленно поплелась к кровати. Возможно, стоило навестить маму, но она твёрдо решила оставить это на завтра.

Однако, подойдя к постели, вдруг резко остановилась. В комнате было то, что не позволяло ей дышать свободно.

— Эта дыра, — шепнула Луиза, — я так спать не смогу.

Она пыталась не смотреть туда, убеждала себя, что внутри пусто, и даже пыталась завесить дыру простынёй, но та упорно не держалась. Не помогло ничего. Даже когда ткань наконец повисла более-менее крепко, тревога не отступила.

— Других вариантов нет, — заключила уставшая Луиза, выходя из комнаты с одной-единственной целью — вновь бесцеремонно нарушить покой Лестера в его библиотеке.

Маршрут к этому месту уже стал настолько привычным, что даже мрак ночных коридоров её не смущал. Казалось, она знала каждый поворот, выступ и порог.

Прошло совсем немного времени, прежде чем девушка

наконец толкнула массивную дверь библиотеки и осторожно вошла внутрь.

— Лестер, ты здесь? — тихо спросила она, прикрывая её за собой.

— Если скажу «нет», — раздался ответ из глубины стеллажей, — смогу ли рассчитывать на спокойствие?

— Прости, — сказала она и тут же вспомнила о цели визита. — Этот проём в стене нужно чем-то закрыть, иначе в моей комнате невозможно находиться.

— Полагаю, сейчас это меньшее из зол, и ты вполне можешь спать спокойно, — уверенно произнёс Лестер, выходя в круг света горящих в библиотеке свечей.

— Дело в том, что не могу, — сообщила Луиза, поджимая губы.

Было видно, что сегодняшний вечер измотал не только девушку, но и призрака.

— Хорошо, — устало кивнул Лестер и направился к выходу. — Идём. Я верну шкаф на место.

— Нет, — отрезала Луиза и метнулась к двери, преграждая призраку путь. — Этот шкаф столько лет скрывал за собой ужасы... И он больше никогда не вернётся туда, где стоял прежде.

На этот выпад мужчина лишь промолчал, закатил глаза и подошёл ближе.

— Если это не подходит, то чего же ты хочешь?

Луиза растерялась. Она и сама не знала, как быть, поэтому

лишь пожала плечами.

— Мне стеречь твой сон? — сухо, с усталой насмешкой спросил он.

Луиза тут же замотала головой, заставляя призрака слегка сжать челюсть.

— Тогда, может, тебе лучше остаться в моей библиотеке? — холодно и с заметным раздражением поинтересовался призрак, глядя на неё сверху вниз так, что, скажи она «да», он не стал бы задавать лишних вопросов.

— Что ты! — возмутилась Луиза, слегка отступив на шаг. — Я бы никогда!

— Слабо верится, — бесцеремонно бросил мужчина, разворачиваясь. По его тону было ясно, что он окончательно вымотан и сейчас меньше всего хочет продолжать этот разговор. — Что я могу сделать, Луиза?

Девушке и самой не хотелось становиться для Лестера надоедливой обузой, но к кому ещё она могла обратиться со своей проблемой?

— Это прозвучит странно, — начала она, нервно теребя край рукава, — но мне было бы спокойнее, если...

Девушка глубоко вдохнула и выпалила:

— Могу я одолжить твой портрет?

Тут же повисла тишина.

Призрак, как опёрся локтем на один из стеллажей, так и замер, и Луизе было трудно понять, что сейчас творилось у него в голове: то ли он прикидывал, как бы поскорее из-

бавиться от столь бесцеремонной особы, то ли просто был ошеломлён тем, что она вообще осмелилась произнести такую нелепость и попросить у него самую ценную вещь.

— Я не оставлю ни царапины, клянусь, — добавила она, решив, что, раз уж начала, то отступать уже поздно.

Но Лестер всё так же изводил её молчанием и этим своим пристальным, пронизывающим взглядом, от которого становилось не по себе.

Лучше бы он отпустил колкость, усмехнулся или просто отказал — что угодно, только не это.

Однако спустя мгновение, прежде чем снова скрыться в глубинах своей библиотеки, он, словно наконец решившись на что-то, тихо произнёс:

— Бери, Луиза. И спи спокойно.

Девушка нервно, но с облегчением выдохнула.

Оставшись одна, она не стала терять времени: лёгким движением сняла портрет с дальней стены, словно и не почувствовав его тяжести, и, в последний раз нарушив тишину библиотеки тихим «спасибо», понесла его к себе.

Минут десять девушка возилась, пытаясь закрепить плотно над жутким проломом, и лишь убедившись, что оно держится, немного успокоилась.

Конечно, портрет закрывал дыру не до конца — для этого ему не хватало размера. Но дело было вовсе не в этом.

Забравшись в постель, Луиза наконец смогла спокойно сомкнуть глаза. И случилось это только потому, что над злове-

щим проёмом теперь висел образ того, чьё присутствие неизменно приносило ей покой.

«Мне стеречь твой сон?» — вспомнились его слова, и на засыпающем лице, несмотря на весь пережитый ужас, появилась улыбка.

Рассвет унёс с собой всё то, чем так жутко одарила ночь. Бледный утренний свет медленно просачивался в комнату, ложась на стены мягкими полосами.

Утро всегда обладало какой-то странной властью над человеческим разумом: что бы ни произошло, в новом дне это уже кажется либо не таким страшным, либо не таким важным.

Вот и Луиза, поднявшись с постели, почувствовала то же самое.

О пережитом кошмаре напоминал лишь пролом, но и тот был спрятан, а потому, приведя себя в порядок и направляясь к выходу из комнаты, она с почти детской радостью поняла: Тильда вернулась.

Об этом говорили звуки, доносившиеся из кухни: привычный звон посуды, негромкий стук чего-то тяжёлого о столешницу и суетливый шорох ткани.

А затем, в подтверждение, до неё донёсся и голос Тильды — живой и родной:

— И пришло же кому-то в голову... — сокрушалась служанка, вероятно, обнаружив ту самую корзину с выпечкой от торговца.

Вернулся ли домой отец, девушку совсем не волновало.

Луиза невольно улыбнулась, представляя, как сейчас спустится вниз и начнёт всё объяснять. Но прежде решила заглянуть к маме — всё же ту нужно было разбудить перед утренними процедурами.

Тихо приоткрыв дверь в спальню Клаудии и изо всех сил стараясь не думать о том, что произошло вчера, она прошла мимо мирно спящей матери напрямик к столику с лекарственными колбочками.

Наполнив одну из них привычной микстурой, Луиза пошла вплотную к кровати. Слегка тронув женщину за плечо, проговорила:

— мама, поднимайся, пора пить лекарства.

Все было как обычно: Клаудия раскрыла глаза, вяло обвела взглядом комнату, а потом...

А потом Луиза выронила колбу из рук, потому что на лице матери вдруг проступило осознанное непонимание.

Посмотрев на дочь слишком серьезно для своего недуга, она задала один-единственный тревожный и очень логичный вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.